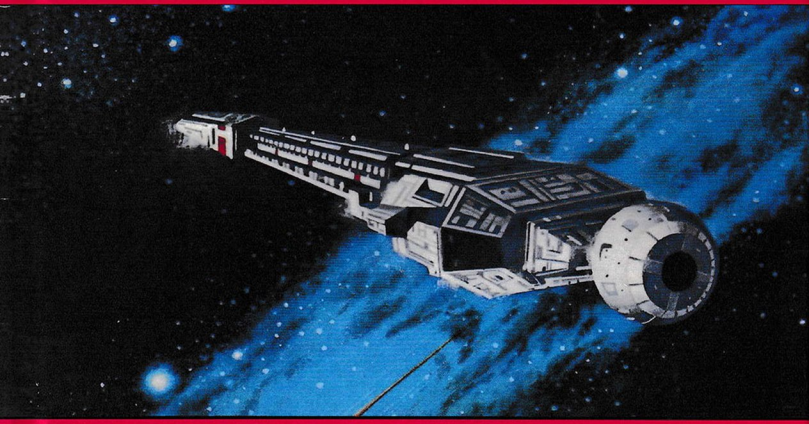
Зарубежная фантастика

Вернор Виндж, Джоан Виндж

Изгнанники Небесного Пояса



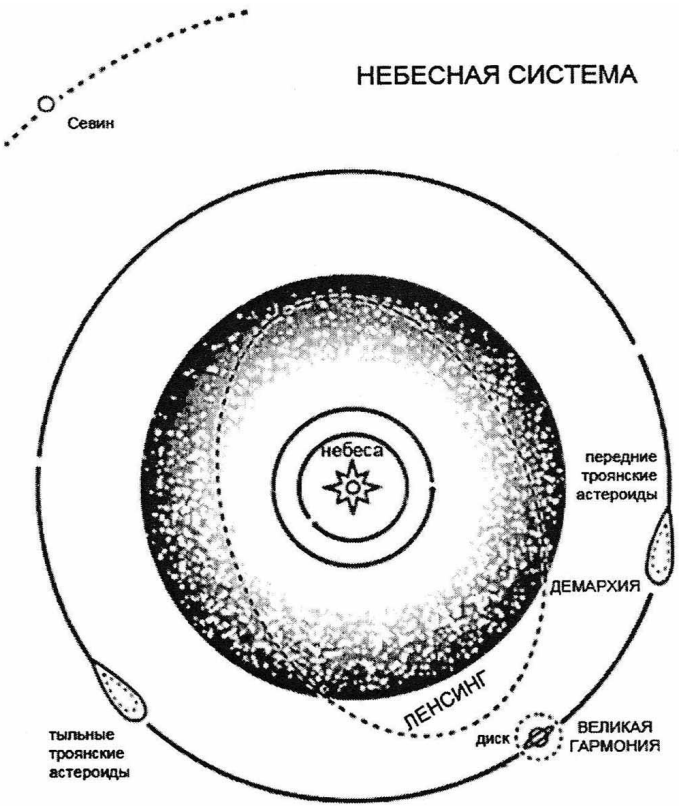
Небесные хроники

Изгнанники Небесного Пояса
Вернор Виндж, Джоан Виндж

Аннотация
Вернор Виндж, Джоан Виндж. Изгнанники Небесного Пояса
Джоан Виндж. Изгнанники Небесного Пояса
Вернор Виндж. Рассказы
  Первое приключение BFF
  Адвокат
Вернор Виндж. Катастрофный стэк
От переводчика. The Vinge test on steroids
Об авторах

Аннотация

Роман из цикла «Зоны мысли», рассказы и эссе. Иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации Винсента Ди Фейта. Перевод Конрада Сташевски. Амбер «Виталион» Тираж 30 экз. 2017 (2018) (прим. OCR) Опечатки исправлены, изображения заменены на оригинальные отредактированные.


НЕБЕСНАЯ СИСТЕМА
Севин
небеса
передние троянские астероиды
ДЕМАРХИЯ
ЛЕНСИНГ
диск
ВЕЛИКАЯ ГАРМОНИЯ
тыльные троянские астероиды

Вернор Виндж, Джоан Виндж
Изгнанники Небесного Пояса

Джоан Виндж. Изгнанники Небесного Пояса

Роман По заметкам Вернора Винджа о Зонах Мысли

В Галактике больше звезд, чем капель воды в Северном море. Лишь малая доля их мерцает и подмигивает, как снежинки в луче света, с бескрайнего ночного неба надо льдами Темной Стороны. Из тысячи тысяч видимых звезд люди Утренней Стороны загадали желание на одну — звезду Небесной системы.

Порою, когда утихал ветер, хрупкая тишина воцарялась над оледеневшей Темной Стороной, и астроному Утренней в одиночестве обсерватории могло показаться, что все барьеры между его миром и звездами рухнули, что само межзвездное пространство слушает сейчас его пульс. Космос стучался к нему на порог, ночь длилась и длилась, незаметно сливаясь с ночью более великой, поглотившей все утра на свете, все Утренние Стороны света, все мириады звезд, коих на свете больше, чем капель воды морской.

И он размышлял о корабле *Рейнджер*, отчалившем в бескрайнюю ночь с непрочного острова Утренней, о серебристой пылинке, подхваченной яростным незримым ветром, влекомой по проходам космического собора, от одной зажженной перед образами свечи к другой, все во тьме да во тьме…

Они уже давно скрылись из виду. И то, что представлялось ранее экипажу грандиозным пожаром термоядерной топки двигателей, умалилось до едва различимой светящейся точки по мере удаления от родного мира; *Рейнджер* обратился в обычную пылинку, затерянную среди мириад невидимых пылинок в бездне ночи. Однако личности людей экипажа, подобные углям в ящичке для огнива, продолжали теплиться в сердце корабля, наполняя его светом и жизнью. Шли дни, слагаясь в месяцы и годы, а расстояния — в световые годы. Семеро мужчин и женщин следили за состоянием корабля — и друг за другом. Общее прошлое на родной планете формировало настоящее — а также представления о будущем, которое надеялись они принести своему миру. Они связали свои судьбы с Небесами и, подобно верующим, наделяли глубинной значимостью свои действия — рутинное обновление звездных

карт и уход за гидропонными баками, молчание и смех, каждую песню и каждое воспоминание о доме.

Наконец одна звезда стала выделяться на фоне остальных, переместилась в центр обзорного экрана, заняла место в фокусе их общей надежды. Годы сменились месяцами, затем неделями. Корабль сбрасывал скорость с околосветовой, готовясь к свиданию с новой системой. Они миновали орбиту Севина, внешнего мира Небесной системы, откуда новое солнце по–прежнему казалось малопримечательной светящейся точкой в ледяной короне. Обратный отсчет пошел на дни. Как дети в ожидании Рождества, люди экипажа предвкушали конец странствия, чудеса и богатства Небесного Пояса.

Но прежде, чем достичь своей цели, они встретились еще с одним чудом, которое не было творением рук людских — газовым гигантом Диском, дымчатым рубином в окружении серебряных колец. Они наблюдали, как он увеличивается в размерах, занимая часть темного чужого неба намного большую, нежели родное солнце в пыльных домашних небесах. Вперевалку тащился гигант по своей орбите, и осторожным светлячком проскользнул мимо него корабль

пришельцев. Команда устроилась под панорамным куполом, воочию созерцая красоты Диска; между тем капитана и навигатора встревожило нечто иное, новое, абсолютно неожиданное, на экранах в рубке. Четыре неизвестных корабля с химическими ракетными двигателями устаревшего образца шли курсом на перехват.

***Рейнджер*, зона Диска, +0 секунд**

— Пап, они продолжают сближение?

— Продолжают, Бета. — Клевелл Уэлкин подался вперед, глядя, как в нижней части экрана обновляются оперативные сводки. — Но не ускоряются. Наверное, отключили двигатели; им не под силу вечно так гнать на десятикратном. Господи, хоть бы они не вздумали снова пальнуть.

Бета опять стукнула кулаком по кнопке интеркома.

— Все будет в порядке, не переживай. Никто больше и близко к нам не сунется.

Голос ее дрожал. Совсем незнакомый голос, не похожий на Бету Торгюссен. Никто не отвечал ей.

— Эй! Кто-нибудь, ответьте! Эрик? Эрик? Переключайтесь на…

— Бета? — Клевелл перегнулся через подлокотник кресла и ухватил ее за плечо.

— Пап, они не отвечают.

— Бета, один из этих кораблей все еще не отстал от нас. Они…

Она сбросила его руку и раздраженно обернулась к экрану.

— Да сам посмотри! Они хотят нас *пленить*. Они обязаны; у них же химическое топливо, не могут себе позволить им разбрасываться.

Она задержала дыхание, костяшки пальцев стали белыми, как холодный металл панели управления.

— Они слишком близко. Пап, покажи-ка им наш хвост.

Светлые глаза сверкнули на испещренном шрамами лице.

— Да ты что!..

Она полупривстала, оттолкнулась от панели, снова упала в кресло.

— Клевелл, они пытались убить нас! Они вооружены. Они намерены захватить наше судно, и если ничего не сделать, то добьются своего. Есть только один способ остановить их. Навигатор, я приказываю запустить их в наш выхлоп.

— Слушаюсь, капитан.

Он отвернулся к панели и начал вводить команды изменения курса, призванные избавить

их от погони раз и навсегда.

В последний момент Бета переключила экран из режима симуляции на вид с забортных сканеров, и проявилась янтарная искорка корабля преследователей в тридцати километрах позади по курсу. Проявилась и на мгновение вспыхнула золотым: это сверхзаряженные частицы термоядерного выхлопа творили свою алхимию. Затем золотая точка померкла, сливаясь с великой тьмой между звезд. Бета, наверное, вздрогнула, но ничего не почувствовала. И снова выключила.

— Что… что нам теперь делать?

Клевелл Уэлкин полувсплыл из своего кресла, навалившись на страховочные ремни; ускорение исчезло. Седая бахрома его волос встала ежиком, словно лес сосулек. Перед Бетой на экране мелькнул край колец Диска, закрывших тьму; бороздчатая серебряная тарелка с двадцатью раздельными полосами, лунно–белыми и угольно–черными, а на ней — волнистый красноватый драгоценный камень газового гиганта, центрального мира системы. Рука ее легла на дисковый селектор режимов. Глаза пылали, но воля была парализована. Она снова смежила веки и повернула селектор.

Наверное, интерком сломался.

Они, наверное, все еще сидят за столом, Эрик, Шон, Николай, Лара и Клэр: смотрят на нее, смеются, дышат, как ни в чем не бывало, поглядывают через панорамный купол на величественный Диск в пустоте ночи… Она открыла глаза. И не увидела ничего, кроме пустоты ночи. *О Боже*, подумала она. В кающе никого не было. Люди исчезли.

О Боже.

Одни звезды, звезды за лохмотьями пластика на месте купола, частично закрывающими сожравшую остальных пустоту.

Она не кричала. Она чувствовала себя потерявшейся в беззвучной пустоте.

— Они все… мертвы. Они все погибли. Боеголовка… пробила купол.

Она повернулась и посмотрела в пустое лицо Клевелла, от которого отхлынула вся кровь. Представила себе дальнейшее их с ним существование — теперь, когда они остались одни.

Какой же он старик, подумала она испуганно. Не отдавая себе в том отчета, расстегнула страховочные ремни, проплыла вдоль консоли к его креслу и взяла его руки в свои. Они молчали, касаясь друг друга.

Затем ее по голове ударило что-то мягкое, гиб-

кое, иголочки когтей вонзились в плечо, и она испуганно подскочила.

— Рыжинка!

Она потянулась было за кошкой, но не рассчитала и некоторое время дрейфовала в пустоте, пока не зацепилась ногой за поручень, проходящий по низу консоли. Золотистые глаза уставились на нее с круглой пятнистой мордочки; нос был наполовину черный, наполовину оранжевый, пятнистые вибриссы изогнулись, морда мяукнула — словно несмазаный дверной косяк скрипнул. Руки Беты напряглись, ее охватило желание сграбастать кошку и что есть силы швырнуть через рубку. *Почему ты жива, а люди погибли? Какое у тебя на это право?* Рыжинка протянула ей лапу с пэтчворковым рисунком пятен и мурлыкнула. Предлагает утешение в непонятной горечи… Бета взяла кошку на руки, поцеловала в пушистый лоб, ощутила уютное тепло упругого тела.

Клевелл коснулся колыхавшегося в воздухе хвоста Рыжинки. Кончик был окровавлен.

— Она едва спаслась.

Бета кивнула.

— Зачем вообще мы сюда прибыли? — проговорил он дрожащим голосом. — На Небеса

вознеслись…

Она вскинула голову.

— Ты знаешь, почему! — Она осеклась, пытаясь взять себя в руки. — Не знаю… В смысле, я… Мне казалось, я знаю… — Четыре года назад, покидая Утреннюю Сторону, она ни в чем не сомневалась: ни в своей цели, ни в счастливой судьбе, ни в удаче замужества, ни в жизни. Теперь в мгновение ока от всех этих активов осталась только жизнь.

Ну и зачем?

Затем, что жители Утренней Стороны мрачного внешнего мира системы безжалостного красного карлика мечтали о Небесах. О Небесной системе с солнцем класса G: планет земного типа нет, но есть астероидный пояс, богатый доступными металлами. А Диск, газовый гигант, охваченный сверкающими кольцами из водного, метанового и аммиачного льда, обещал ключевые ингредиенты для жизни. Богатый минералами Пояс и замерзшие газы облегчили почти до элементарности задачу построения самодостаточной, а впоследствии и богатой колонии. Во всех смыслах Небесная роскошь для колонистов, прибывших из астероидного пояса Солнечной системы, где постоянно приходилось оглядываться на Землю. Эта система стала мечтой и для колонистов

Утренней, которые стремились к чему-то большему, нежели простое выживание, мечтали о контакте с Небесным Поясом, о доле его неисчислимых богатств.

Мечта, продвинувшая звездолет *Рейнджер* на три световых года; мечта, разлетевшаяся на осколки вместе с панорамным куполом, уничтоженная реальностью внезапной смерти. Опустошенная каюта снова вспыхнула перед ее мысленным оком; Бета вообразила стометровое веретено *Рейнджера*, знакомое во всех подробностях, не хуже черт собственного лица, каждым сантиметром запечатленное в памяти… деформированное единственным ужасным ранением, как ни небольшим… пять утраченных лиц поворачивались к ней, уплывая в бездонную тьму…

Клевелл негромко произнес:

— И что дальше?

— Мы продолжаем миссию, как и запланировано.

— Ты хочешь установить контакт с этими… — Рука его дернулась к ужасающей картинке на экране. — Ты хочешь привести их к нам домой за ручки, чтобы они всю Утреннюю сгубили? Разве не достаточно того, что…

Бета вцепилась в ручки кресла и покачала

головой.

— У нас нет выбора! И ты это знаешь. Недостаточно водорода на борту, чтобы снова разогнаться до таранной скорости. Нужно пополнить запасы где-нибудь в Небесной, или мы никогда не вернемся домой.

Видение родного дома посетило ее: отсвет костра на темных балках, ночь перед отлетом, лицо мальчика, блестящее от слез, эти слезы жгут ей кожу сквозь рубашку… *Мам… мне приснилось, что тебе пришлось умереть, чтобы отправиться к Небесам.* Она вспомнила, как всхлипывал маленький сын, пробудившись от кошмара, как ее собственные глаза наполнялись слезами и бескрайней тьмой. Она закусила губу. *Блин, я ж не девчонка, мне тридцать пять!*

— Папа, бросай старпера из себя корчить. — Она нахмурилась и с удовлетворением увидела, как раздражение стерло десятки лет с лица Клевелла. Не глядя, она протянула руку и отключила экран. — У нас нет выбора. Нужно продолжать. — *И заставить их расплатиться за всё.* Глаза ее сверкнули, как отшлифованные сапфиры. Аккуратно запустив Рыжинку в сторону, Бета проследила, как без толку пластает кошка лапами воздух в дрейфе через каюту. — У нас топлива достаточно

для полета через систему — но кому здесь можно довериться? Почему нас вообще атаковали? Почему у них такие корабли? Химические ракеты, подумать только! Из музея вытащили, не иначе. Бред полный.

— Возможно, это пираты, отщепенцы, — Клевелл неуверенно задержал начатый жест. — Только этим может все объясняться.

— Возможно. — Она вздохнула, помня, что отщепенцев на Небесах быть не должно. Но выбора не оставалось, придется поверить в эту версию. В конце концов, искаженное тупой яростью лицо обозвало ее с экрана именно *пираткой*. — Придется влететь в Основной Пояс, у них там столица, Лэнсинг. Как мы и планировали. А потом… потом найдем способ разжиться тем, что нам нужно.

Планетоид Толедо, зона Демархии, +30 килосекунд

Вади Абдиамаль, переговорщик Демархии, неловко заворочался, вырванный из дремы писком телефона. Прибавил освещение так, чтобы видеть контуры аппарата, и ответил на звонок.

— Да?

На экране проявилось лицо Лицзэ Маквонга, словно вырезанное из красного дерева. Абдиамаль приподнялся в постели на локте.

— О, сожалею, что разбудил тебя, Вади.

Он усмехнулся.

— Да уж наверняка.

Маквонг любил рано вставать. Вади покосился на цифровые часы у основания телефона.

— Кому в такой час ночи могут потребоваться услуги переговорщика? Вы вообще спите когда-нибудь?

— Надеюсь, что сейчас все спят. Ты один?

Вади бросил взгляд через плечо на изящный изгиб коричневого бока и темные растрепанные волосы Кимору. Та вздохнула во сне. Потом обернулся к изображению Маквонга и понял по тени осуждения в бледно–голубых глазах, что тому уже известен ответ. Стараясь не показывать, что его это уязвило, Вади бросил:

— Нет.

— Возьми гарнитуру.

Вади подчинился, отключил звук динамика вызова и несколько секунд слушал молча, пока слова Маквонга не породили изумление, разогнавшее остатки сна.

— Я спущусь как можно скорее.

Он полувылез, полувыплыл из постели в слабом гравитационном поле, перебрался в ванную помыться и побриться. Вернувшись, он обнару-

жил Кимору сидящей на кровати, с подтянутыми до подбородка перинами на пристежках. Кимору с явным неодобрением поморгала лавандовыми глазами.

— Вади, дорогой… — по ее голосу этого сейчас сказать было нельзя, — но еще ж даже утро не настало! Куда ты летишь? Я что, так скучна в постели? — Теперь появился намек на отчаяние.

— Кимору, — он пересек уютную замкнутую комнату и склонился нежно поцеловать ее, — это чертовски долго объяснять. Долг зовет, в общем. Мне нужно уйти. Ты знаешь, я ненавижу рано вставать, в особенности если здесь ты. Спи, красавица, я вернусь забрать тебя на завтрак. Или на обед, если предпочтешь. — Одной рукой он закончил заправлять рубашку, другой коснулся ее щеки.

— Ну ладно. — Она скользнула обратно под покрывало. — Но не опаздывай. Ты же знаешь, у меня через пятьдесят килосекунд клиент дражайшего Чанга и его компании. Я должна быть в форме.

Кимору зевнула, обнажив очень белые и острые зубки.

— Не знаю, почему ты себе нормальную работу не найдешь? Только правительственного агента

могут так гонять ни свет ни заря…

Или гейшу? Он продолжал одеваться, удерживаясь от соблазна произнести это вслух. У нее ведь не было выбора, а напоминать ей о том бессмысленно и нетактично. Женщине, стерилизованной из-за генетических дефектов, открыто очень мало возможностей, в особенности если ее общество превыше всего ставит материнский долг. Будь она супругой ответственного человека, который бы обеспечил ее детьми от суррогатной матери, продолжала бы вести нормальную жизнь, однако женщине, с которой развелись из-за ее стерильности — или женщине, которая не смогла выйти замуж по причине своей стерильности, — остается, по сути, выбор из двух альтернатив: завербоваться на работу грязную, неприятную, низкооплачиваемую, сопряженную с постоянными утечками радиации из неэффективных послевоенных атомных батарей, или же стать гейшей, услаждающей корпоративных клиентов. Да, проституция, но это занятие не преследовалось. У гейши мало прав, престижа в социуме еще меньше, однако ей обеспечены безопасность, комфорт, хорошая одежда и запас денег на черный день, если красота увянет. Стерильное существование, но физическая стерильность не

оставляла иного выбора.

Понимая альтернативы, Вади не осуждал Кимору и не чурался ее. Ему часто являлась мысль, что работа на правительство в представлении многих еще менее уважаема, чем официальная проституция, и так же основательно стерилизует жизнь от реальных связей, как и занятия гейши. Он обернулся к зеркалу: с его собственным отражением там соседствовало отражение Кимору, которая уже уснула опять, протянув тонкую руку к опустевшей половине кровати. У него не было жены или детей. Большинство встреченных им по жизни женщин напоминали Кимору: гейши, с которыми он пересекался, улаживая корпоративные проблемы. Находясь на заданиях, он избегал контактов с ними, поскольку считал для себя недопустимым ввязываться во что-либо, могущее быть истолкованным как взятка. Но в свободное от работы время гейши старались сами выбирать себе клиентов, а у Вади денег хватало, чтобы баловать их.

Но он редко задерживался на одном месте достаточно долго, чтобы как следует познакомиться с той или иной; немногие знакомые ему нормальные женщины его раздражали бесконечными трепом и кокетством.

Вади зачесал темные кудряшки и аккуратно уложил на голове мягкий берет. Он старался одеваться безукоризненно и вдумчиво, даже в такой ранний час. Впрочем, от него этого и ожидали. Он взял золотое кольцо с рубинами и надел его на палец. Он получил его в подарок от двух людей, которым помог долгие мегасекунды назад — супружеской пары старателей. Ему снова припомнилась та женщина — космолетчица, здоровая, умная и тем не менее добровольно стерилизовавшая себя ради работы в космосе. Собственно, едва ли ее стоило называть женщиной: разве отвергнет настоящая женщина шансы на дом и семью? Она была из фриков — упрямая, самовлюбленная, самоуверенная, не на своем месте, непривычной глубины. И тем не менее нашелся мужчина, согласный на ней жениться. Впрочем, этот тоже из фриков — в прошлом профессиональный лжец, журналист, которого замучили угрызения совести. Неудивительно, что эти двое решили провести остаток жизни в глуши, гоняясь за призрачными сокровищами на мусорных свалках разрушенных миров.

Вади тряхнул головой, отгоняя воспоминание, и посмотрел в зеркало, но оттуда снова взглянуло прошлое. Он опять задумался, какая странная химия свела вместе эту пару и до сих пор, насколько было ему известно, удерживала рядом. Не без зависти — почему эта химия недоступна ему самому? Пожав плечами, он влез в свободную куртку зеленого цвета и застегнул высокий, богато расшитый геометрическими узорами воротник. Блин, ему одиннадцать сотен и пятьдесят мегасекунд. Тридцать восемь лет по счету Древней Земли. Большую часть этого времени

он посвятил решению чужих проблем, живя чужими жизнями взамен своей. Он до сих пор не нашел женщины, согласной принять его на его же условиях, или той, кто могла бы заставить его позабыть все на свете. Нет оснований полагать, что еще найдет. Он не становится младше, и если хочет иметь ребенка, то пора действовать. Он решил, что, когда закончит с очередным заданием, обязательно наймет суррогатную мать, чтобы выносила его ребенка и вырастила в отсутствие отца. В последний раз оглянулся на спящую Кимору и покинул квартиру, тихо притворив за собой дверь.

Вади отчетливо зевал, выходя из тени здания и пересекая тихую площадь. Едва рассвело. Рассвет изображали флуоресцентные лампы, постепенно набиравшие яркость в имитирующем небо потолке десятиметровой высоты. Намагниченные подошвы начищенных до блеска ботинок едва слышно цокали по отполированному металлу площади, добавляя телу уверенности в едва ощутимой гравитации, достигавшейся вращением планетоида Толедо. Поверхность площади закруглялась, следуя изгибам внутренней поверхности массивного полого куска железа — богатая находка для шахтеров, надежный дом. Однако жилище

это уже выдавало свой возраст, и зрелище это было неприятным. Например, филигранную серебристую кристаллогеометрию чистого железа под ногами некогда прикрывала тонкая защитная пленка, которая теперь истончилась, и под воздействием атмосферы железо начало окисляться. В слабом утреннем свете он видел еле различимые тропинки следов в ржавой, тусклокоричневой пыли — следуя им, взгляд натыкался на потемневшую отделку фасада правительственного учреждения. Симптомы скрытого внутри заболевания, вот что это… Его охватило нечто подобное приступу паники. Он уже свыкся с такими припадками и быстро сделал глубокий вдох, отскочил от края, отогнал мысль о том, что болезнь эта может оказаться смертельной. Затем двинулся к правительственному центру, поправляя кружевные манжеты. *Лучшая защита — высокое качество жизни*, кисло подумал Вади.

Лицзэ Маквонг ожидал его внутри. Официально Вади служил гражданам Демархии, а по факту работал на Маквонга, Избранного Народом. Демократия Демархии была абсолютна, и утлый челн правительства частенько заносило в ее неизведанные воды, где приходилось сталкиваться с весьма неприятными представителями этого На-

рода. Но Маквонг инстинктивно следовал потоку общественного мнения, рискуя порою искажать направление потока так, чтобы его собственное мнение наилучшим образом согласовывалось с мнением Народа. Он выполнял порученную людьми работу и делал так, чтобы они его за это любили. Вади иногда задумывался, в чем секрет успеха Маквонга, но сомневался, что ему полезно будет это узнать.

— Все для мира и процветания, Лицзэ.

Маквонг поднял глаза на входящего в кабинет Вади. Голубоватые ледяные глаза на темном лице хранили спокойствие.

— Все для мира и процветания, Вади.

Он встал, отвесил формальный поклон и неохотно отошел от аквариума.

Вади уставился мимо него, как всегда делал, желая поглазеть на рыбок. Три сверкающих золотом подвижных создания размером с палец, с радужно сияющими ажурными хвостами, плавно перемещались среди водорослей в освещенной зеленым светом воде. Золотые рыбки были единственным в жизни Вади наглядным примером нечеловеческих организмов. Насколько ему было известно, Маквонг еще не выплатил за них всю сумму.

Он снял берет, положил его на стол и проследил взглядом, как мягкая округлость, подобная шляпке гриба, начинает сплющиваться.

— При всем уважении, — сказал он, — я надеюсь, эта весточка о Таинственном Послании из Космоса — не розыгрыш, а я здесь не затем, чтобы тебе меня помучить.

Он медленно опустился в стоявшее у стола Маквонга кресло в неоколониальном стиле Древней Земли и разгладил складки на куртке.

— Присаживайся, — с вежливой улыбкой отвечал Маквонг. — О нет, послание подлинное. Это тебе не домашнее видео.

Он аккуратно перегнулся через край столешницы, не касаясь декоративных серебряных звериных морд, и щелкнул переключателем, активировавшим комм–панель.

Ничего не случилось.

— Блин.

Он поднял со стола платиновое пресс–папье, изображавшее кота в прыжке, и стукнул им по панели. Удар был не особенно сильным, но спустя миг проекция фрески Кляйнфельтера на дальней стене поблекла, сменившись женским лицом.

— Не знаю, что я буду делать, если мой стол окончательно поломается. Таких отличных мо-

делей больше не выпускают.

Он аккуратно поставил на место пресс–папье.

— Таких вообще больше не выпускают, Лицзэ.

Вади перебирал пальцами серебристые нашивки на куртке. Когда он взглянул на экран, пальцы замерли.

— Голограмма? Откуда она у тебя, Маквонг?

— Из воздуха, блин! Из космоса, если быть точным. Тридцать килосекунд как приняли. Это реальная голопередача, и мы десять килосекунд угрохали, чтобы в ней разобраться. И не по лучу. Ты себе представляешь, какие мощность и полоса пропускания требуются?.. Не знаю, кто бы мог быть на такое способен теперь.

— На такое вообще мало кто… — Он осекся и стал прислушиваться к набиравшему громкость голосу в записи. Кожа женщины оказалась бледной, практически бесцветной, и такими же — ее коротко остриженные, чуть расплывшиеся в воздухе волосы, а лицо — длинным, угловатым. Она носила выцветшую рубашку, расстегнутую на шее, без украшений. Он прикинул, что ей за тридцать, и она не пытается этого скрывать. Такая честность могла показаться почти болезненной.

Он отбросил эти мысли и сосредоточился на голосе. Женщина говорила на англо с незнакомым

акцентом, так что самые обычные слова словно бы прирастали в ее рту лишними звуками.

— … пожалуйста, скорее идентифицируйте себя. Мы не знаем, кто вы, мы прибыли без намерений вторгаться в вашу сферу влияния. Мы не из вашей системы, повторяю, не из вашей системы, и мы… — Ее прервал едва слышимый шум, бледная кожа разрумянилась от гнева, глаза стали резкими и полыхнули, словно ограненные сапфиры.

Вади покосился на Маквонга.

— Флот Кольцевиков, — сказал Маквонг. — Их ответ на другом канале. Мы его не зацепили. Это всё, что есть.

Женщина скользнула взглядом в сторону, произнесла неслышимые слова, надо полагать, ругательства; но когда снова повернулась к экрану, ее голос зазвучал спокойно.

— Это не корабль Пояса, и никакие мы не *демархисты*, ни в каком *пиратстве* не замешаны. Вы не имеете права приказывать моему кораблю. И нет, в доступе на борт вам будет отказано. Но если вы соблаговолите предоставить нам координаты…

Ее снова перебили. Напряжение росло, лицо стало каменным.

— …Мы не вооружены, и…

Напряжение разрешилось:

— Никакого *права собственности*. Папа, уводи нас…

Она снова отвернулась, картинку пересекла вспышка красных статических помех. Спустя еще полсекунды Вади опять увидел женщину, и после этого экран побелел.

— Ну, что скажешь?

Вади расслабил вцепившиеся в металлический край стола руки.

— Они уничтожили этот корабль, да? Это всё?

Маквонг покачал головой.

— Они попали в него. Но корабль ушел от погони Кольцевиков. От всех, если не считать одного. Мы потом кое-что отследили из их переговоров. Корабль пришельцев таранного типа, и когда упрямый Кольцевик подобрался к нему слишком близко, эта малышка просто расплавила его своим выхлопом. Возможно, эта горделивая королева викингов и не вооружена, но очень опасна.

Вади молчал, ожидая продолжения.

— Неизвестно, где сейчас находится корабль. Неизвестно даже, почему он прилетел. Но у меня есть пара идей. Она говорит, корабль из-за пределов системы, и я склонен верить, что это так. В

Поясе ничего настолько сложного не смогли бы построить. А женщина в пилотском кресле… в особенности *такая* женщина…

— А что, если она альбиноска из Основного Пояса? Мусорщикам начхать на радиацию, у них все равно защиты от нес нету. Возможно, они откопали реально удачную находку.

Но, говоря это, он чувствовал правоту Маквонга, ибо женщина и ее акцент казались слишком чужеродными.

Маквонг глянул на него.

— Никому не могло бы так подфартить. Вади, ты чего? Не веришь в чудеса? Уверяю, это тебе не журналистская утка. Корабль прибыл Извне, и это наш первый контакт с остальным человечеством больше чем за три гигасекунды. Курс, взятый ими после Колец, ведет к старой столице, Лэнсингу. Если я прав, то причина туда лететь только одна: они ничего не знают про Гражданскую. Они прилетели к Небесам, ожидая тут молочные реки в кисельных берегах обнаружить, а когда поймут, как обстоят дела, то развернутся и улетят навеки. Мы не можем позволить…

— Какой нам прок теперь с одного корабля? — Он смотрел на пустой стеноэкран, чувствуя, как помимо воли оформляется в мозгу другой

упрямый вопрос.

— *Этот* корабль для нас стоит всей Вселенной, — Маквонг погладил платинового кота. — *Этот* корабль — истинное сокровище, этот корабль принесет нам мощь… и поможет спастись.

Вади кивнул, признавая, что грандиозный термоядерный реактор корабля уже сам по себе способен помочь с перевооружением тяжелой промышленности Демархии. А какая еще технология доступна людям на борту, одному Богу известно, и эта технология работает! Если Демархия заполучит корабль, то уже одним этим склонит чаши весов на свою сторону в переговорах с Кольцами по поводу летучих веществ. Да что там, можно будет забить на Диск и Кольцевиков — и построить собственные перегонные заводы на лунах Севина. Сколько себя помнил Вади, общество постепенно разваливалось, а пустота, окружавшая их после Гражданской войны в Небесном Поясе, отвоевывала территории. Демархия, расположенная на периферии, уцелела в Гражданскую и даже особых потерь не понесла. А Основной Пояс разрушили до основания, так что теперь единственными торговыми партнерами Демархии остались дисканские Кольца, где влачили жалкое существование

на грани выживания представители Великой Гармонии. Демархию они тоже тянули вниз за собой, но сползать еще долго, поэтому, как Вади казалось, правды не понимает никто: яростный неудержимый эгоизм слепил всех, превращая традиционную силу Демархии в ее роковую слабость.

Он стал переговорщиком, надеясь помочь людям залечить самонанесенные раны. Он верил, что отыщет нечто объединяющее, совместную цель, способную привлечь усилия всех выживших, отогнать угрозы распада и дальнейшей деградации, чтобы Демархия продолжалась и нашла ответы на свои проблемы. И теперь корабль…

Воображение его унеслось вдаль, но вопрос не давал покоя: кто в состоянии управлять таким кораблем? И кому под силу контролировать тех, кто будет им управлять?

— Как ты заметил, корабль отправится восвояси сразу же, когда там поймут, что произошло с Лэнсингом.

— Возможно, — Маквонг смахнул пылинку с рукава. — Но Осуна думает, что им еще потребуется дозаправка. Отсюда далеко лететь во все стороны. Учитывая сложившиеся обстоятельства, они вряд

ли вернутся за топливом на Кольца. Они полетят к нам, ведь если им нужен переработанный водород, то достать его больше негде. Я высылаю всех не задействованных агентов. Ты мне нужен в Мекке. Там перегонные заводы — очевидная цель, и ты более опытен в переговорах с… чужаками, чем кто-либо.

Вади оценил тактичную, хотя и смешанную с легким неодобрением, формулировку. И вспомнил пятьдесят миллионов секунд, проведенных им в Великой Гармонии Дисканских Колец. Там он наблюдал то, чего никогда не ожидал увидеть.

Он встал и потянулся за беретом.

— А если они не в настроении для переговоров?

— Я и не ожидаю этого. Неважно. Тебе платят за то, чтобы создавал такое настроение. Пообещай им все что угодно, но задержи их здесь вместе с кораблем, пока мы не придумаем, как его заполучить.

Вади поправил берет, глядя на себя в зеркальную стену.

— Кого ты понимаешь под *нами*, Лицзэ? *Кто именно*, по твоей мысли, достоин управлять этим кораблем? Это же не может быть правительство.

Стоит Народу узнать, и первый встречный…

Маквонгу не понравилось услышанное:

— Абдиамаль, я иногда задаюсь вопросом, не слишком ли ты тогда засиделся у Кольцевиков. Вади, я, черт побери, не хочу сказать, что до сих пор сомневаюсь в твоей лояльности — двести мегасекунд прошло, как-никак. Но некоторые сомневаются. Некоторые подозревают, что ты был бы не против установления здесь централизованной структуры власти. — Он помолчал. — Как только завладеем кораблем, соберется генеральная ассамблея. — Он навис над украшенным горгульями столом. — Демархия обязана заполучить его, и никто, кроме Демархии.

— Ты мой начальник, — Вади поклонился.

— Нет, — Маквонг распрямился. — Демархия твоя начальница. Мы даем людям то, что, по их мнению, им нужно. Ничего более. Забудем об этом — и слетим с работы. Или еще что похуже. На твоем месте я бы не забывал.

И Вади покинул кабинет, понимая, что Маквонг действительно никогда об этом не забывает.

***Рейнджер*, в полете с Диска к Лансингу, +130 килосекунд**

Бета наконец покинула гидропонную лабораторию и стала в гулкой тишине взбираться по

центральной шахте. Она не помнила, сколько уже раз за последние дня два поднималась по этим ступенькам; с чем без труда управлялась команда из семи человек, то стало нескончаемой тяжелой повинностью для двоих. Она миновала мастерскую на четвертом ярусе и достигла спальных кают на третьем. Еще уровнем выше и напротив через шахту вспыхивал красный сигнал над закрытой дверью панорамной каюты, поневоле привлекший ее внимание. Бета остановилась, и внезапный прилив горя вырвал ее из усталого отупения.

Она заторопилась через коридор, спиралью охватывавший шахту на третьем уровне; отсюда можно было попасть в семь частных кают, где хранилось, среди прочего, все то, что уцелело от пяти навеки потерянных людей. Справа каюта Лары, где все аккуратно расставлено по местам, отражая скрупулезную дотошность ее разума… Бете припомнились лаконичные указания над столом для первичного осмотра в корабельном лазарете, седеющие волосы, теплота заботы в серых глазах, контрастирующая с отстраненным поведением врача–клинициста. В каюте Лары обитый тканью стул из позвонков какого-то китообразного; на стуле лежит *Иллюстрированный*

атлас болезней рыб, амфибий и рептилий. На Утренней Стороне Лара была медиком–исследователем, а когда семья решила организовать экспедицию, вызвалась в корабельные врачи, но истинной любовью ее жизни явилась биология морских видов. Умник и язва Шон сочинил песню под названием *Лара* и *Левиафан* и совершенно покорил Лару стихотворным описанием *Рейнджера* в обличьи чудовищного кита…

Дверь прямо напротив не была заперта. Бета видела спутанные провода, отходящие от электронной аппаратуры, и балалайку Николая, оставленную на спальном мешке рядом с койкой. Она представила его себе: лысеющий бородач задумчивого вида, с голосом как колодезное эхо, терпеливый наставник, умелый электронщик — дома он всей Северной моэтии оказывал ремонтные услуги. Вспомнила, как он со смехом подбирал туфлю, которой Бета швырнула в Шона за сравнение с китом ее ненаглядного *Рейнджера*.

Она повернула налево, влекомая потоками воспоминаний по коридору, словно морскими течениями… вот тут жила Клэр, спокойная, с круглым, как луна, лицом, и кудрявыми волосами, пухлощекая крестьянская дочь… а здесь

— Шон, краснолицый веселый юнец, ему было всего двадцать четыре…

Бета поколебалась, оказавшись у своей каюты. Заглянула внутрь: захламленный тесный столик, смятая постель. Поспешно, отчаянным движением, словно опасаясь утонуть, переместилась к следующей каюте… Эрика. Эрик ван Хельсинг был социологом, омбудсменом моэтии, прирожденным оратором…

Любовь моя — дождем и свежим ручейком

Пустыню жизни орошаешь…

Незваными явились в ее сознании слова песни, зашелестели, точно пустынный ветер на Утренней Стороне, страстные, как первая любовь:

Тебе мой первый цветок из букета,

Тебе первой жажду я дам утолить,

С тобой доброе и скверное делить…

Руки ее бессознательно подергивались, шесть золотых колец на пальцах скользили друг по другу: четыре на левой руке, два на правой.

Твоей ныне супругой я стану.

Твоей — и с дождем наравне…

Она облокотилась на деревянный косяк двери, закрыла глаза, прижала лицо к прохладной поверхности, перенеся тяжесть горя на ее безразлично крепкую опору. Его больше нет. Никого нет, вся команда погибла, ее экипаж, ее семья, ее мужья и жены. Сила, проистекавшая из общего источника, испарилась вместе с ними, растаяла в бездонной пустоте. Как дальше жить? Потеря слишком тяжелая, жизнь непереносимо тяжкая, в одиночестве…

Что-то потерлось о ее щиколотки. Бета открыла глаза, сфокусировала взгляд. Кошка вилась у ног и печально мяукала.

— Рыжинка…

Она склонилась поднять ее на руки. Перед глазами, как наяву, возник день отлета с Утренней: извивается и мяукает котенок на грязных ладошках ее дочки Кики, которая, вместе с остальными детьми, пришла исполнить печальную обязанность прощальных даров улетающим родителям, всем и каждому из них. На хозяйстве осталась дюжина дедушек и бабушек, а также кузены и кузины, дядья и тети, племянники и прочие родственники. Эти были полны гордости и вдохновенных ожиданий, лица их рубиновым сиянием озарял вечный рассвет Периметра

Тьмы.

Все они ее ждут, все они суть ее части. Дети ждут. Она не одна. Но они сейчас недосягаемы, слишком далеки во времени и пространстве, а ее обязанность, ее ответственность — привести корабль назад, к ним…

Она услышала звук в коридоре, распрямилась, продолжая держать Рыжинку на руках. Клевелл в одних шортах стоял на пороге собственной каюты и наблюдал за ней.

— Бета… с тобой все в порядке?

— Да… да, пап. Я просто устала.

Устала вспоминать, устала помнить. Как же так вышло, что одна нежданная печаль обратила всю мою радость в боль?

Она посмотрела на него и увидела в лице Клевелла то же опустошение, те же признаки внутренних мучений. Страх снова захлестнул ее. *Клевелл, еще только тебя потерять не хватало.*

— Можно я… сегодня в твоей каюте переночую?

Он кивнул.

— Да, пожалуйста. Я все равно один не могу заснуть.

Она последовала за ним в его каюту, разделась в темноте, выскользнув из тонкой хлопчатобу-

мажной блузки без пуговиц, джинсов и ботинок. Заползла в двойной спальный мешок рядом с Клевеллом, прижалась к нему и благодарно обняла. Они были очень долго знакомы. Ее первым мужем он не стал, но сделался ей другом с самых ранних лет жизни. Когда она родилась, ему было двадцать семь — один из множества дядьев, но в детстве именно его она выделяла предпочтительно среди всех членов расширенной семьи и предпочитала называть *папой*. Прежде чем занять пост навигатора на *Рейнджере*, Клевелл был астрономом. Он пересек Северное море вдоль морозного периметра дня, покорил вздыбленные ледяные поля полярной шапки Темной Стороны и воздвиг себе обсерваторию в землях вечной ночи. Иногда он брал ее туда на выходные, посмотреть на звезды, отвлечься от обязанностей по хозяйству и в клане, которые положены были даже самым маленьким детям Утренней Стороны.

В пятнадцать лет она уехала, поступила учиться на техника, потом получила первую работу по инженерному профилю, на фабрике в пустыне, у края субсолярного Горячего Пятна. Там она встретила Эрика, влюбилась, вышла замуж. Спустя время они возвратились в Северную моэтию вместе. Она снова появилась в жизни Клевелла,

но уже взрослой. Их с Эриком пригласили в его семью.

Общество Утренней Стороны развивалось по принципу множественных браков. Такие родственные связи обеспечивали ему безопасный и прочный каркас. Браки между членами клана в степенях родства вплоть до внуков и внучек были табуированы, однако за пределами кланового ядра кузины и кузены, дядья и тети, племянники и племянницы свободно вступали в отношения, поскольку уже сама их численность обеспечивала культурное и биологическое разнообразие. Брак допускался хоть между двумя людьми, а хоть и между дюжиной, каждая семья сама устанавливала свои правила. Существовали и не были чем-то странным особые формы взаимосвязей между индивидами крупной семьи, а также между группой и отколовшейся от нее подгруппой, или между группой и приемышами. По случаю свадеб устраивали общее празднество, а разводились без лишнего шума, в узком кругу. Трое знакомых Бете с детства членов клана Клевелла развелись с другими, а первая его жена умерла еще раньше, чем Бета с Эриком вошли в семью; позднее присоединились Клэр и Шон.

Бете вспомнились короткая теплая церемония

бракосочетания и пышное, свободное от формальностей семейное празднество следом. Все жители Утренней Стороны обожали праздники, в основном потому, что поводы для них жизнь им предоставляла слишком редко. А теперь поводов для радости будет еще меньше, независимо от того, вернется *Рейнджер* домой или нет.

Бета осознала, что рука Клевелла медленным нежным движением скользит по ее боку. Однако инстинктивный теплый ответ за полжизни успел остыть и умереть. Она зарылась лицом в подушку и выплакала ответ:

— О, Клевелл, я не… я не… Не могу. Пока не могу. Мне так жаль…

Он снова заключил ее в ласковые объятия.

— Да ладно, Бета… ничего страшного. Мне только этого и было нужно. Просто обнять тебя.

Она услышала, как Рыжинка, встряхнувшись, устраивается в изножье, а сама покрепче обняла Клевелла и сбежала от памяти в сон.

***Лэнсинг-04*, зона Лэнсинга, +190 килосекунд**

Ночь растянулась перед их пытливыми глазами, как долгое молчание, и ее простреленный звездами равнодушный простор успокаивал. Мусорщики, расхитители костей старых миров, вот кем они были; ночь давала им укрытие, не

выносила суждений, и они благодарили ее за такую аморальность.

Теневик Джек смотрел в ночь, или, точнее, в ее образ на экране… временами в тусклой тесной утробе корабля разум его мутился, границы реальности и изображения расплывались. Он вытянул ноги и почесал их, откинул назад закрывавшие обзор грязные волосы — черные, как ночь на дисплее впереди. Один его глаз был зеленым, а другой синим. Оба налились кровью, в голове бухало при каждом ударе сердца. Концентрация углекислого газа давно перевалила за три сотых, и Джеку с тех пор отказало обоняние. Он опустился обратно в кресло, глядя на одинокую светлую дырочку в стене мрака, на звезду, которая звездой не была, а представляла собою нечто иное, бесконечно значимей и ценнее.

— Думаю, мы уже достаточно близко для пробных сканов.

Голос Птички Алин, как обычно, едва можно было расслышать даже в тишине разделявшего их пространства. Он дважды сглотнул, увлажняя горло для ответа:

— Да. Начинай.

Она протянула правую руку вперед, держа в воздухе недвижимо увечную левую, и ввела

команду в разведывательный компьютер, который приступил к новому анализу. Теневик Джек наблюдал, как снуют по панели управления длинные пальцы с грязными изломанными ногтями. В десятитысячный раз отвернувшись, он оглядел тесную свалку каюты — и снова не стал свидетелем чуда, долженствующего преобразить кое-как склепанную железяку в корабль уровнем под стать сканеру. Словно бы извиняясь за это несоответствие, он вытер отпечатки пальцев с прохладной панели рукавом в бахроме опаленных лохмотьев. Разведывательная система, раскопанное на свалке сокровище ценой больше, чем его жизнь, ибо она открывала перед ними целый мир, в котором, возможно, получится выжить. До Гражданской сканер служил изыскательским нуждам — его настроили на радарный и лазерно–спектроскопический анализ астероидных металлов, органики и летучих веществ. Теперь вместо новых объектов система сканировала одно старье, копалась в мусоре, доискиваясь артефактов, способных продлить существование выжившим. Он глянул на экран. Птичка Алин еще ждала результатов. Вот и первые графики отобразились на ровной глянцевой поверхности дисплея.

— Ничего, — проговорила Птичка Алин. — Никаких металлов по отражению, никакой радиоактивности, ничего жидкого на поверхности… ничего, ничего, ничего. Никто тут, наверное, и не жил никогда.

— Опять ничего! — Он уставился через толстое затемненное стекло иллюминатора во Вселенную, ускользавшую от его контроля.

— Может, в следующий раз. Кроме того, почему бы другим не наткнуться на приз. Мы же не единственный корабль в… — Она замолчала.

— Я знаю! — Собственный голос резал ему слух. Он поднял руки. — Прости. У меня голова болит.

— У меня тоже.

Он покосился на нее. Она не подтрунивала; обведенные красным глаза мягко посмотрели на него и погасли, слились с матово–хлопковыми волосами и кожей лица — карие глаза на коричневом лице под каштановыми волосами. На носу веснушки более темного коричневого оттенка.

— Как думаешь, вода осталась?

— Посмотрим. — Он отстегнулся и выплыл из кресла, оттолкнувшись от панели босой ногой. Достигнув переборки позади, глянул на индикатор. — Да, еще немножко есть. — Услышал вздох Птички Алин, просунул носик в отверстие

крышки, подождал, пока герметичная чашка наполнится. — Четыре литра. — И тоже вздохнул.

Они пили, по очереди прикладываясь к соломинке; безвкусная теплая вода была прекрасна. Птичка Алин обернулась было отключить экран, но замерла и подалась вперед.

— Странное дело… смотри-ка, экран переменился. Там что-то еще есть. Переотражение от чего-то более крупного… Металл… низкий уровень радиации… — Ее голос возбужденно повышался. Теперь Птичку можно было расслышать без труда.

Пузырьки воды брызнули на пальцы и увлажнили ладонь, слишком крепко сжимавшую стенки чашки.

— Что-нибудь заброшенное?

Она коснулась панели управления и вывела на экран картинку с максутовского зеркала на корпусе. На темном фоне сшивала звезды яркая, как солнце, нить.

— Корабль, — прошептала она.

— О Реальность, ты только глянь…

— Никогда такого не видела.

— Таких никогда и не бывало.

— После войны не бывало. А раньше, наверное, были…

— Это… это, наверное, заброшенный. — Теневик Джек подался вперед и потрогал влажной подушечкой пальца иголку корабля. — Заявляю свои права на тебя, корабль! С таким… с таким кораблем мы будем делать, что пожелаем.

— Он в дрейфе, двигатели отключены. Это не значит, что он заброшенный. Так близко от Лэнсинга?..

— Да наверняка же мертвый корабль. Ему явно больше двух гигасек. А наша относительная скорость?.. Перехватим?

Длинные пальцы Птички ввели запросы. Консоль ответила.

— Да! — Она подняла голову. — Если поднажмем. За четыре–пять килосек.

— Ладно, — он кивнул, — поднажмем.

Они ждали, уловленные в сети собственной мечты, а светоносная игла разрасталась на экране, обращаясь в немыслимое золотистое насекомое: щетина тройных антенных рядов впереди, ступицы незримого колеса, тонкое, как ниточка, тело уширяется, завершается грузным грушевидным хвостом. Вот оно, *чудо*. Слово это воссияло в его мозгу. Он знал, что чудес не бывает, но тут поверил — ничего не мог с собой поделать. Корабль поможет им доставить воду на болота,

возродить пожухлую растительность и умирающие деревья… умирающее население Лэнсинга.

Мысленным оком он оглянулся в прошлое, представил себе поля Лэнсинга под небосклоном, где висел сам на страховке, как облачко, в пятидесяти метрах над почвой, и сплетал липкие нити заплатки пластиковой мембраны мирового пузыря. Где-то внизу в садах под уязвимой кроной деревьев трудилась Птичка Алин… Он вспомнил, как она шла через пожелтевшие поля в сумерках ему навстречу, подлетая при каждом шаге, как взмахивала бы крылышками птичка на Древней Земле. Когда они приведут этот корабль в порт, все вернется к норме… все.

Он посмотрел на Птичку Алин, поймал взглядом ее увечную руку: три скрюченных пальца, лишенные нервной чувствительности, и большой палец. Не увернулся от ее ответного взгляда. Нет, не всё. Он беспомощно нахмурился в приступе презрения к себе; она отвернулась, будто решила, что это ею он недоволен. Он взглянул в ночь и похрустел суставами пальцев, наказывая себе помнить, почему не все вернется к норме. Вспомнил данные ломким голосом успокоительные обещания отца треть жизни назад — оставив единственного ребенка сидеть на траве под бес-

пощадным светом, тот вернулся один в каменные глубины…

***Рейнджер*, зона Лэнсинга, +195 килосекунд**

Бета слышала, как слабо стучат незваные гости по корпусу *Рейнджера*, пробираясь к главному шлюзу.

— По крайней мере, они не стали пробиваться внутрь через дыру в панорамной.

— Их манеры меня не слишком впечатляют. Ты что, просто так запустишь их на борт? — Клевелл легко оттолкнулся от стены и послал закрытую чашку в шкафчик под панелью управления.

Она кивнула.

— Пап, мы уже два часа без малого отслеживаем перемещения их корыта. Очень маловероятно, чтобы это был военный аппарат. У них явные проблемы, двигатель так и фонит радиацией. К тому же нам нужна информация от местных: из радиотраффика Лэнсинга ничего путного мне вытянуть не удалось. Безопаснее всего впустить их и разузнать кой–какие факты. — Она помассировала веки, пока нахлынувшая яркость не отогнала образы всех ее любимых и одного особенного, а также видение корабля преследователей, пожираемого незримым пламенем. *Достаточно смертей.*

— А что, если они такие же психи, как те?

— Ты сам сказал, не могут они все такими оказаться. — Она накрыла рукой чашечку трубки. — Но даже если и окажутся, то корабль захватить не сумеют. — Она пустила трубку в свободный полет по рубке, а сама перепроверила последовательность подсвеченных кнопок на панели управления — программу экстренного перехвата полномочий. — Ты просто далеко от пола не отрывайся, ага?

Кто-то проник через воздушный шлюз. Она скорее чувствовала их присутствие за переборками, чем слышала: все тело напряглось, когда у входа засветились индикаторные огоньки. Дверь с шипением распахнулась. Внутрь проплыли две высокие фигуры, бесформенных очертаний — в скафандрах с опущенными визорами шлемов. И резко остановились, ухватясь за поручень у переборки. Приглушенный обвинительный голос произнес:

— Что это вы, блин, здесь делаете?

Уголки рта Беты задергались. Она не сдержала изумленного хохота.

— С–с–с-спрашиваете, чт-т-т-то мы здесь делаем?

Клевелл фыркнул.

— Мы вам можем тот же вопрос задать, но смешно не будет. Вам вообще повезло здесь живыми оказаться.

— Мы думали, корабль покинут; мы даже не поняли, что на борту питание есть, пока шлюз не сработал. — Более высокая фигура пожала плечами. — У вас корпус в одном месте продырявлен. Что вы… в смысле, хотите сказать, что вы рулите этой штукой, вы на нее права заявили?

— Мы не *заявляли* на нее прав. Мы ею владеем. — Бета выдернула ботинок из хваталки и повернулась к ним. — Я капитан Торгюссен. Это мой навигатор. Мы впустили вас потому, что у вас явно какие-то проблемы. Ваш двигатель фонит радиацией, вы еле ползете. Вы поэтому пошли наперерез?

Посеребренные визоры ничего не отражали, кроме ее собственного, искаженного и уменьшенного, лица. Голос был писклявый и надменный.

— Что значит — фонит радиацией? Все нормально с нашим движком. Мы уже мегасекунду в полете, никаких проблем.

Никаких проблем? Бета переглянулась с Клевеллом. У того глаза распахнулись. Мегасекунда, миллион секунд, почти две недели. Кто бы ни проник на корабль, какими безумными сооб-

ражениями ни руководствуются они, а такие путешествия им боком выйдут. Жизни их будут короткими и неприятными.

Слепое лицо продолжало:

Betha

— Мы перехватили вас, потому что нам показалось, что корабль заброшен, и мы решили объявить его своей добычей. Надо полагать, он не заброшен. — Рука в перчатке отклеилась от скафандра и угрожающим жестом подняла что-то блестящее. — Но нам придется объявить его своей добычей. И мы это сделаем. Валите от консоли, быстро. — Рука дернулась.

— Вы об этом пожалеете. Вы вдвоем с этим кораблем не управитесь. — Бета скучающим движением отпустила хваталку, за которую держалась. Ноги ее были в сантиметрах от коврика на полу, глаза прикованы к панели управления. Одной кнопкой она могла придать рубке внезапное ускорение в 1*g*: один из незнакомцев упадет головой вниз, другой — на спину хлопнется. *И сломают себе шеи?* Она помедлила. — Если вы считаете, что…

В этот момент из-за пластиковой дверцы в переборке выскочил взъерошенный комок шерсти. Рыжинка ласково замурлыкала и потерлась о колени двоих пришельцев. Бета услышала, как у одного вырвался шокированный выдох. Он отлетел от кошки, словно ошпаренный, врезавшись по дороге в напарника.

— Смотри! — Рыжинка с удовольствием при-

няла игру и метнулась следом. — Что это такое? — Голоса незнакомцев подскочили. — Теневик Джек, сними его с меня!

Бета отстегнула от пояса пульт дистанционного управления и швырнула его через рубку. Пульт стукнул незнакомца по руке и выбил оружие. Клевелл переместился в воздухе и подхватил его. Незадачливые налетчики шарахнулись к переборке и выжидательно замерли.

— Рыжинка? Иди сюда, Рыжинка. — Бета вытянула руку, полосатые ушки вздернулись, Рыжинка медленно пересекла рубку и обвилась вокруг талии хозяйки, удовлетворенно мурлыча. Бета почесала кошкин подбородок цвета слоновой кости, взъерошила полосатую спинку, покачала головой. — Рыжинка, ты нас всех дураками выставляешь.

— Боже, ты только глянь! — Клевелл возился с оружием: контур его был странный, весь какой-то щетинистый. — Чего тут только нет! Открывашка, вилка, штопор… это вообще не знаю, что… — Он опустился на пол. — Я слыхал про айлурофобов[1], но в жизни не встречался с такими.

Бета ухватилась за спинку кресла позади и без

---

[1] Примечания: 1

Айлурофобия — патологическая боязнь котов.

улыбки проговорила:

— Так, вы двое, а ну вылезайте из скафандров.

Те повиновались, выпроставшись из скафандров, как мотыльки из коконов. Мужчина и женщина… нет, мальчик и девочка, невероятно высокие и худощавые, возрастом едва ли больше семнадцати, босые, в грязных матовых комбинезонах. От них так воняло, что Бета поморщилась, когда запах до нее долетел.

— Вы только что совершили попытку пиратского захвата корабля. А теперь убедите меня *не* выбрасывать вас через шлюз без скафандров.

Она задумалась, прозвучит ли угроза так убедительно, как ей бы хотелось.

Мальчишка злобно зыркнул в ответ и закашлялся. Девчонка отлепилась от переборки.

— Это был вопрос жизни и смерти.

Голос ее был хриплый, как если бы горло сильно пересохло.

— Неубедительно. Мы предложили вам помощь.

— Не *наших* жизни и смерти, — покачала головой та. — Корабль нам нужен для… для… — Она осеклась, глаза забегали, искательно оглядывая рубку.

— Птичка Алин, они понимают, зачем нам

корабль. — На лице мальчишки возникло выражение безличной, но ужасающей ненависти. — Вы знаете, кто мы. Мы просто мусорщики, побирушки, мы вам ничего плохого не сделали. Отпустите нас.

Бета снова расхохоталась от изумления.

— Вы *просто* попытались отобрать у меня управление кораблем, э? Я *просто* поинтересовалась, почему бы мне *не* вышвырнуть вас за это в вакуум. И вы ожидаете, что я вас *просто* возьму и отпущу? Вы что, Небесники, все тут с ума посходили? — У нее голос срывался.

— Неважно. — Он выпустил хваталку и сжался в ком. — Мы все равно умрем. Все умрут. Если хотите, демархисты хреновы, забирайте его себе, авось пригодится. Мне все равно. Хотите, отпускайте, хотите, убивайте.

Бета поймала плававшую вокруг трубку и полезла в кармане куртки за безопасными спичками.

— Мы не *демархисты*, что б это ни означало. Мы прилетели из другой звездной системы для того, чтобы установить контакт с Небесным Поясом. По прибытии нас уже дважды атаковали без причины, один раз у колец Диска, второй — вот тут, собственно, вы. Я понимаю, что вы, очевидно,

по какой-то причине находите свои действия оправданными и даже пытаетесь меня в этом убедить. Возможно, я поддамся, а возможно, отвезу нас в Лансинг и отдам под суд за пиратство. — На лицах парочки возникло удивление. — По сперва вы ответите кое на какие вопросы… Начнем же. Кто вы и откуда прибыли?

— Я Теневик Джек, — представился мальчишка, — а это Птичка Алин. Мы из Лэнсинга.

Он выжидательно замолчал.

— Но мы туда и направл… — начал Клевелл.

— *Зачем?* — быстро заморгала девочка.

— Потому что это резиденция правительства Небесного Пояса, — Бета испытующе оглядела ее. — В вашей столице жизнь не сахар, а?

— А вы и правда Извне… — Теневик Джек сложил ноги в позе буддийского отшельника, каким-то образом ухитрившись не завалиться при этом вбок. — Никакого Небесного Пояса не существует. Уже две с половиной гигасекунды.

— Что-о?

Он молча смотрел на них. Клевелл угрожающим жестом показал на кошку.

— Была война, Гражданская война. Все рухнуло, вся промышленность. Нигде ничего толком не работает, кроме Демархии и Колец. Они един-

ственные достаточно далеко, чтобы на некоторых каменюках снег оставался. Лэнсинг никакая не столица. В Основном Поясе почти все погибли.

— Не понимаю, — ответила Бета, которой не хотелось понимать. *О Боже, ну не может же главная причина путешествия сюда оказаться пустышкой?*

— Мы слыхали, что Небесный Пояс — идеальная искусственная среда, что здесь технология лучше, чем в любой другой колонии Земли, лучше даже, чем была на Древней Земле.

— Ну, была, но сохранить ее не получилось, — покачал головой Теневик Джек.

Бета внезапно постигла роковую оплошность изначальных колонизаторов, которые, наверно, и не могли ее осознать — они ведь родились в своем Поясе. Без планеты с атмосферой, пригодной для дыхания, без воды и воздуха, без основных элементов жизни все приходится синтезировать или перерабатывать. Самому по себе ему взяться неоткуда. А без технологии переработки и производства в системе, где нет планеты земного типа для эвакуации на крайний случай, первая же Темная Эпоха влечет за собой вымирание культуры.

Словно угадав ее мысли, Теневик Джек про-

изнес:

— Все мы вымрем так или иначе, даже Демархия. — Он отвел глаза и с трудом продолжил: — Но у нас на скале вода заканчивается. Все там умрут, и скоро, если не доставить воду до завершения оборота вокруг Небес. А корабля, на котором можно было бы слетать на Диск, к Кольцевикам, у нас нет. Там водород, из которого можно сделать воду. Мы хотели разыскать заброшенные корабли, ободрать с них запчасти, как-то слепить один действующий. Поэтому мы тут. У нас еще гигасекунда до оптимальной ориентации относительно Диска.

— Вы покупаете водород на Диске? — прервал молчание Беты Клевелл.

— Покупаем? — посмотрел на него Теневик Джек. — А за какие шиши? Мы его воруем.

— А если эти… дисканцы вас застукают в своей сфере влияния? — Клевелл полез под консоль, вытащил закрытую чашку и присосался к соломинке.

Теневик Джек пожал плечами.

— Тогда они попробуют нас убить. Наверно, потому и нас атаковали. Они вас за демархистов приняли. А может, им ваш корабль нужен был. Всем бы такой корабль. Вы что, управляетесь с

ним сами? Два человека… — Его разноцветные глаза мечтательно затуманились.

— Не без основательной подготовки, — перебила Бета, — если у вас на этот счет до сих пор планы. И даже нам это нелегко. Тут еще пятеро людей в экипаже должно быть. Дисканцы убили их всех. — *И все это зря.*

Ой, — поморщился он. Бета увидела, как вздрагивает девчонка.

— Еще один вопрос, — Бета глубоко вздохнула. — Расскажите мне, что собой представляет эта Демархия, за выходцев из которой нас все, кажется, принимают.

Теневик Джек вдруг словно потерял нить разговора: все внимание мальчишки сосредоточилось на допивающем напиток Клевелле. Птичка Алин облизала губы и потерла рот тыльной стороной увечной руки.

У них нет воды… Голодные лица перед ней расплывались, смешивались с лицами ее собственных детей. Так давно, так далеко… Она опустила взгляд на собственные руки, на тонкие золотые кольца: четыре на левой, два на правой.

— Итак?

Теневик Джек прокашлялся, глаза его молили о воде.

— Демархия… расположена в шестидесяти градусах перед Диском, на троянских астероидах. У них лучшая в системе техника из того, что еще работает. Они сделали ядерный реактор, от которого питается наша электрическая ракета. Они единственные знают, как их делать.

— Если они такие благополучные, зачем дисканцев грабить?

— А им не надо. Они обычно с ними торгуют. Меняют металлы на переработанный снег — воду, газы, углеводороды. Иногда случаются… инциденты. Каждая сторона хочет к себе канат перетянуть. Наверняка думают, что рано или поздно получится восстановить Пояс. Чушь. Даже если бы они друг с другом перестали собачиться, все равно слишком поздно. Всем это видно.

— А ты не больно оптимистичен для своего возраста, мальчик мой, — заметил Клевелл.

Теневик Джек нахмурился и почесался.

— Я ж не слепой.

— Клевелл… — Бета ощутила, как Рыжинка тычется мордочкой в ее шею, и аккуратно устроила кошку на плече. Коготки осторожно зацепили джинсовую ткань куртки. — Что думаешь? Как полагаешь, это правда? Неужели мы… мы пролетели весь путь к Небесам напрасно?

Он потер лицо руками. Его собственные обручальные ленточки отразили свет, три на левой руке, три на правой.

— Думаю, это возможно. Объяснение настолько безумное, что вполне годится для всего нами пережитого.

Она кивнула и поглядела на заострившиеся грязные лица незнакомцев. Те ожидали ее решения. *Да уж, эти детки не ангелы.* Они жертвы, жертвы невообразимо жестокой трагедии, коснувшейся теперь и ее жизни, и жизни ее спутника, трагедии, уничтожившей мечты других так же, как разрушила она мечты самой Беты. Мечта об этих Небесах, как и все мечты о небесах, оказалась уязвима. Наверное, лучше таким мечтам не сбываться вовсе… Она раскурила трубку и немного успокоила нервы привычными движениями, прежде чем обвести взглядом напряженные лица ожидавшей парочки.

— У меня будет к вам предложение. Теневик Джек, Птичка Алин, вы утверждаете, что Лэнсингу нужен водород для воды. Нам он тоже нужен, для топлива. Мы сейчас полетим за ним. Отправляйтесь с нами и рассказывайте все, что нам нужно знать об этой системе, а если все пройдет благополучно, мы с вами поделимся.

— Почем нам знать, что вы сдержите слово?

Бета вскинула брови.

— Почем нам знать, что вы говорили правду?

Он не ответил. Птичка Алин взглянула на него и недовольно нахмурилась.

— Если вы были честны с нами, то мы будем честны с вами, — сказала Бета и стала ждать. Теневик Джек переглянулся с Птичкой Алин. Та кивнула.

— Наверно, это в любом случае лучше, чем нам одним… А как насчет *Лэнсинга-04*? Мы ж не можем его просто так бросить.

— Ваш корабль мы заберем с собой, если хотите. Возможно, попробуем починить изоляцию двигателя.

У мальчишки отвисла челюсть, но он тут же пристыженно собрался:

— Нам… нам можно послать сигнал домой, в Лэнсинг, и рассказать им, что произошло?

— Да.

— Тогда мы согласны. Мы остаемся с вами и рассказываем то, что знаем.

Двое заметно расслабились и обмякли в воздухе, словно тряпичные куклы. Клевелл скрестил руки на груди.

— Но имейте в виду вот что. Капитан сказала,

что управление *Рейнджером* требует подготовки, и это так. Мы полетим с ускорением в одну стандартную силу тяжести. Если даже вы сумеете захватить корабль и связаться со своими соплеменниками, они вас в жизни не догонят. Вы ничего не добьетесь, кроме путешествия в вечность. В один конец.

Теневик Джек открыл было рот для ответа, потом закрыл.

— Отлично. Присмотрим за вашим кораблем, в общем. Клевелл, отведешь их вниз? Их бы… — Она отвернулась, зная, что тактичности ей недостает. — Они могут воспользоваться душем.

— А из чего этот душ? — с подозрением пробормотала Птичка Алин.

Бета выдержала паузу, вдыхая дымок.

— Ну… из воды.

— К сожалению, шампанское у нас кончилось, — Клевелл оттолкнулся и полетел к двери.

Теневик Джек неуверенно рассмеялся.

— У вас столько воды, что в ней можно мыться?

Она кивнула.

— Используйте столько, сколько вам надо. Без проблем. У нас много. И мыло берите. И чистую одежду. Клевелл?

— С удовольствием.

Он нетерпеливо направил их из рубки в шахту, по которой гуляло эхо; Рыжинка увязалась за ними. Бета на мгновение отключилась, прислушиваясь к их движениям; ее взгляд утонул в травянистой зелени коврика, пыльной небесной голубизне переборок. Этот дизайн специально разрабатывался для того, чтобы семерым людям не свихнуться в тесноте за три с лишним года. Она осознала, что за последние дни на корабле исподволь распространилась пустота, основательная, безнадежная, подобная великой пустоте за гранью корпуса. И, осознав, поняла, что пустоты больше нет. Включились струи душа, зазвучали слабые восторженные хохотки.

Клевелл с Рыжинкой на руках возник на пороге.

— Надеюсь, они там не утонут… но, впрочем, мне в любом случае стало бы легче.

Она опустила взгляд на трубку в своей руке, вспомнив, как он вырезал ее для Беты в последние дни пребывания в Северной моэтии. И, сама себе удивляясь, начала смеяться.

***Рейнджер*, в полете из Лэнсинга к Демархии, +290 килосекунд**

Птичка Алин медленно шла по гидропонной

лаборатории *Рейнджера* в зеленом свете ламп, и ее хрупкое тело выгибалось от усилий держать спину прямо при стандартной силе тяжести. Она что-то негромко насвистывала себе под нос, словно не замечая дискомфорта: неизменные прохлада, влага, запах яблок и гудение насекомых уносили ее мыслями в прошлое. Теневые пятна скользили по плиткам, сливались друг с другом и разделялись при каждом движении лиственных крон, пропуская в глубины прозрачных запечатанных баков с вязкой жидкостью искорки голубовато–зеленого света.

Обстановка эта представлялась ей странно чужеродной, как, впрочем, и всё в этой сказочно богатой стране чудес на борту звездолета. Однако деревья и папортники везде одинаковы, как ни искажаются от силы тяжести или отсутствия таковой. Живые создания, которым она нужна. Они благодарили ее за внимание и заботу цветами или плодами, залогом дальнейшей жизни ее народа. Единственные из всех живых существ, с охотой принимали и впитывали они ее любовь — и никогда не отворачивались от дурнушки, неумехи, калеки…

Птичка Алин вытащила индикаторный щуп из очередного чана, посмотрела на показания и

отряхнула. Со вздохом продолжила было путь вдоль цепочки чанов, но остановилась, присела на пол и стала массировать распухшие ноги. Кровь циркулировала с трудом, плоть покалывали невидимые иголки. Птичка Алин откинулась назад и взглянула вверх, в изменчивую зелень; представила, что за нею полупрозрачный, молочного оттенка, атмосферный пузырь Лэнсинга, а Теневик Джек плетет свою паутину там, где на корабле установлены были ряды ламп дневного света.

Она считала килосекунды — да что там, секунды каждого лансингского дня, — пока Теневик Джек однажды не разделил с ней обед. Молчаливый, терзаемый скрытым гневом и переменами настроения, он тем не менее оказался единственным из людей, кто согласен был с ней общаться, кто ежедневно выбирался из собственного затененного мира и проявлял к ней доброту. Она время от времени задумывалась, не из жалости ли он так поступает, но ей в общем-то не было до этого дела. Она была ему благодарна за всё; она любила его, и ее любовь не ведала обид.

Еще в детстве она поняла, где будет работать — в садах на поверхности; в течение дальнейшей жизни ей стало ясно, почему — потому что она

была иная, не такая, как все, деформированная. Родители обучили ее пользоваться компьютерной аппаратурой, поскольку приняли как данность, что дочке придется работать в областях повышенного радиационного фона; снарядили на корабль, сделали все, что было в их силах, чтобы она в дальнейшем славно потрудилась на благо людей своего мира. Но кроме этого, внимания ей они не уделяли; так отстраняются люди от непоправимых ошибок или жертв неизлечимой хвори.

А она никогда и не подвергала сомнению свою ущербность, ведь знала из курса диалектического материализма, что каждый индивид обязан нести ответственность за свои недостатки. Она почти радовалась работе на поверхности Лэнсинга, где можно было спастись от мира обычных людей, затеряться в красоте садов, обрести желанное одиночество — даже среди таких же калек, как она сама.

Затем она наткнулась на Теневика Джека, который сидел у входа в туннели, обескураженный, шокированный, перепуганный. Теневик Джек вырос в обществе, где ему была обеспечена нормальная, безопасная жизнь. Внезапно ему сообщили, что он теперь ненормальный, и вы-

швырнули в чужой мир, бросили на произвол судьбы. Она утешила его из жалости и по личным причинам; нужда связала его с нею, и они стали дружны.

Но постепенно, взрослея, она начала стремиться к чему-то большему, нежели простая дружба, хотя понимала, что это неправильно и невозможно. На поверхности Лэнсинга нормы туннельной жизни искажались под воздействием неврозов или потребностей, и каждому приходилось нести буквальную ответственность за свои действия, а равно — последствия этих действий. Она повидала такое, что повергло бы в ужас ее родителей, и поняла, что эти поступки никому не причиняют вреда; последнее соображение и было у нее теперь единственным критерием различия добра и зла. Видела и такое, чего пугалась сама, как только понимала природу этого, и благодарила Теневика Джека за то, что каждую ночь он проводил рядом с ней на прохладной росистой траве или между заброшенных пилонов правительственных построек прошлого.

Но Теневик Джек ни разу не прикоснулся к ней, ни разу не позволил облегчить гложущие его тревогу и беспомощность. Мучимая собственным бессилием, она хранила молчание, понимая, что

калеке негоже вступать в брак, да и с какой бы стати Теневику Джеку полюбить ее, дурнушку, неумеху, калеку…

Птичка Алин увидела, что кто-то отводит в сторону сети насекомых и вступает в лабораторию; зашелестели кустарники и лианы. Она с трудом поднялась, пытаясь разглядеть, не Теневик Джек ли это…

Женский голос мягко позвал:

— Клэр?

Птичка Алин застыла на цыпочках и сделалась — в зеленой рубашке и синих джинсах — белее цветов.

— Что?..

Она поскользнулась и едва не уронила щуп. Успела в последний момент перехватить его и прижать к боку увечной рукой.

— О, Бета...

Бета уставилась на нее, покачала головой, чем-то смущенная и расстроенная.

Птичка Алин с улыбкой опустила взгляд.

— Я… Я подумала, это Теневик Джек. Он сказал, что заглянет проведать меня на работе…

Ее улыбка погасла.

— Папа его в угол загнал и сказал, что должен показать ему мастерскую наверху, — Бета косну-

лась папоротника, сорвала пожелтевшую вайю, отделяя мертвое прошлое от настоящего. Потом оглянулась, и на ее усталом бледном лице возникло тревожное выражение. — Ты уверена, что твоих сил для этой работы хватит? Мы ведь все еще на 1*g*.

Птичка Алин кивнула.

— Все в порядке. Я часто сажусь отдохнуть, ну и… мне просто нравится слушать, смотреть, принюхиваться. Я так давно не работала в садах. Вы не против?..

— Нет… о нет. Ты и не знаешь, как я тебе за это благодарна. Тут на корабле работы для семерых хватит. И… Клевелл не такой бодрый, как в молодости. — Взгляд капитана обыскивал зеленоватые тени. — Птичка Алин, ты идеальная кандидатура. Я тебя чуть с дриадой не перепутала.

— С… кем?

— С зачарованным духом леса, — улыбнулась Бета.

— Меня?

Птичка Алин покрутила в руке щуп, скрывая растерянность смешком.

— О, только не меня, вы шутите. Растения сами о себе заботятся… так легко… совсем не так, как… в Лэнсинге. Тут они выглядят… совсем иначе, они

приземистые, толстые…

— Эти? — подняла голову Бета.

— В Лэнсинге растения тянутся все выше и выше, не знают, куда им деться, им тяжело… корневая система углубляется в трещины скал, с трудом удерживается… а эти мутации, понимаете… — Птичка Алин побледнела, внезапно осознав, что говорит.

Бета устроилась на выложенной плитками скамье и протянула руку к незнакомому Птичке Алин предмету странной формы, полускрытому лианой.

— Гитара Клэр. Клэр у нас занималась гидропоникой, она любила играть для растений. Это музыкальный инструмент, — пояснила она, увидев озадаченное лицо Птички Алин. — Мы тут собирались по вечерам и пели для собственного удовольствия. Она утверждала, что растениям нравятся музыка и эмоциональное единение. Разумеется, Лара тут же принималась спорить, что все дело в углекислом газе… а Шон заявлял, что в нагретом воздухе. — Ее губы печально изогнулись. — Эрик же… Эрик бы сказал, что отчасти правы все… — Ее рука поднялась к лицу; Птичка Алин успела насчитать четыре золотых кольца и удивиться, прежде чем рука упала обратно.

— Как… как это, гм, работает? — В детстве она знала девочку, которая сделала себе свирель из тростника. — Эта… гитара, как вы ее называете.

Она оперлась на тяжелую деревянную спинку, с трудом подтянула себя к скамье и присела на край.

— Я, если честно, не могу объяснить. Клэр была человек искусства, а я лишь пару аккордов беру. Но примерно так… — Капитан уложила гитару на коленях и начала осторожно перебирать струны.

— О-ой… — выдохнула Птичка Алин, задрожав.

Бета усмехнулась; пальцы сменили позиции на струнах, и журчание воды изменилось тоже. Она стала напевать — Птичке Алин показалось, что почти неосознанно; чистый приятный голос сливался с музыкой:

Судьбы не изменить — рывком ли, исподволь,

Мир непонятнее закрытой книжки.

Иди своим путем, не жалуйся на боль,

Тут ничего не изменить, малышка…

У Птички Алин перехватило горло. Она опустила взгляд на свою увечную руку и часто замигала.

Капитан испустила глубокий вздох, разлучаясь

с какими-то своими воспоминаниями.

— О, прости меня. — Чистый спокойный голос слегка дрогнул. — Надо было выбрать песню повеселее.

— Пожалуйста… — Птичка Алин подняла глаза. — Еще немного? Еще что-нибудь…

Бета просияла.

— Ага, хорошо. Но я мало что знаю, старые народные песни в основном. Странное дело… когда мы сидели тут вместе и пели — между нами что-то прорастало, некое единение… давало силы двигаться дальше, когда приходилось тяжко. Когда поешь вместе с остальными, сложно их ненавидеть, сложно на них сердиться…

Лейся же ты, песня, лейся без конца,

Сестра за брата встанет, как мать за отца!

Вместе по жизни мы весело пойдем,

Нам каждый будет другом, не врагом!

Птичка Алин подалась вперед, как тянущийся к свету цветок.

— Наверное, ваша Утренняя Сторона — прекрасное место!

Бета издала звук, не вполне похожий на смех.

— Не-ет, она… Да. Да, по–своему она… прекрас-

на.

Пальцы женщины снова пробежались по струнам.

— Как бы я хотела тоже… Вы… Вы знаете какие-нибудь песни… о любви?

Капитан резко вскинула голову; Птичке Алин стало ясно, что она ляпнула какую-то глупость.

— Я с удовольствием покажу тебе, как брать аккорды песен, которые знаю сама. Если хочешь научиться играть, Птичка Алин, мы это сделаем. Растения будут счастливы.

Птичка Алин распростерла руки.

— Я… Я не уверена, что у меня пальцев хватит…

Лицо капитана отобразило секундную неловкость.

— Ой. Ну… думаю, получится для тебя струны перетянуть; я видела однажды, как на гитаре играли левой рукой. Согласна? — Она снова улыбнулась.

— Да, конечно! — Птичка Алин соскользнула с края скамьи, машинально оставив щуп болтаться в воздухе. Тот проскочил меж ее бесчувственных пальцев и звякнул о пол. Инстинктивно протянув к нему длинную босую ногу, она потеряла равновесие и упала со скамьи. — Черт побери! — Она

растянулась на полу, подцепила щуп, встряхнула и посмотрела на датчики. Лицо полыхнуло знакомым предательским румянцем стыда.

Капитан подскочила к ней, поймала за руки и без усилий подняла с пола.

— Ты в порядке? — Рука Беты успокаивающе погладила ее по плечам, словно материнская. — Нужно, э-э, время, привычки всей жизни в одночасье не сломишь, да?

Птичка Алин потупилась, не зная, как реагировать на такое участие.

— А к такому вообще можно привыкнуть? В смысле, если не родиться в этих условиях.

Бета отступила на шаг.

— Со временем — да. Гравитация Утренней несколько меньше стандартной, но мы три года провели на корабле при ускорении 1*g*, так что теперь даже не чувствуем разницы. Я читала кое–какие статьи с Древней Земли, про адаптацию организма к 1*g* после низкой гравитации. Это возможно. Однако потребуется заметное время — около года, тридцать–сорок мегасекунд, чтобы достичь гибкости движений, сравнимой с условиями невесомости. Кроме того, остаются еще долговременные эффекты, напрягающие организм. Но считается, что при желании и доступе

к медицинскому оборудованию этого вполне можно добиться.

— Я бы лучше вернулась домой, — ответила Птичка Алин.

— Мы тоже, — кивнула Бета.

Но вы не можете. Птичка Алин покосилась на нее сверху вниз и снова покраснела.

— Я хотела сказать… Вечно что-нибудь не то сболтну!

— О нет. Все мы этого хотим, Птичка Алин. И мы работаем над этим.

Бета изучала узоры блестящих колец на внезапно напрягшихся пальцах.

Птичка Алин слышала, как где-то далеко, будто слезы, капает вода. Кто-то вошел в лабораторию. На сей раз ей повезло — это был Теневик Джек.

Бета проследила ее взгляд и удовлетворенно улыбнулась своим мыслям. Потом обернулась к скамье и взяла гитару.

— Я перетяну для тебя струны, как выкрою свободное время. Но пока лучше мне возвращаться к работе. Мы практически достигли пределов Демархии, и тебе недолго осталось маяться с гравитацией.

Она направилась к двери и, проходя мимо Теневика Джека, перекинулась с ним парой слов.

Птичка Алин заметила, как он задержал на Бете взгляд, проследил ее движения — взгляд, полный восторга, почти влюбленный. Внутри шевельнулась зависть, но Птичка Алин привычно загнала ее обратно. Рот ее болезненно напрягся, словно от боли при ножевом ранении.

На руках Теневика Джека завозилась Рыжинка, с неожиданным нетерпением мяукнув при виде Птички Алин. Теневик Джек отпустил кошку, которой все еще побаивался. Рыжинка подбежала к Птичке Алин и потерлась о ее босые ноги. Птичка Алин нагнулась и подняла кошку на руки; розовый язычок, шероховатый, как наждачка, благодарно облизал ее подбородок. Рыжинка мурлыкнула и устроилась у нее на плече. Девочке вспомнилась штора в каюте, которую отвела ей Бета; на шторе было вышито крестиком изображение Рыжинки с подписью: *Дом без кошки, наверное, может называться счастливым домом, но кому это докажешь?* Птичка Алин вообразила себе целый мир живых существ и музыки; не бесплодная мечта, но реальная планета. Таким миром, вероятно, был в прошлом ее Лэнсинг, но давно, в неведомые ей времена, и больше Лэнсингу таким, видимо, не стать.

— Я так и думал, что Рыжинка к тебе прикле-

ится, — пробормотал Теневик Джек себе под нос. — Вот побьюсь об заклад: окажись на этом корабле десять зверей, и все десять захотели бы составить компанию *тебе*.

Она неловко встретилась с ним взглядом и тут же позабыла обо всем при виде его чудесной улыбки.

Флагманское звено, зона Диска, +300 килосекунд

Рауль Накаморэ, Рука Гармонии, откинулся в противоперегрузочном кресле с мягкой обивкой; он был сейчас невесом, и удерживали его только ремни. Он воткнул легкую проводную гарнитуру в гнездо на панели перед собой, прекратив тем самым сеанс радиосвязи и препирательства со своим сводным братом Дьемом. Ну да, он тратит ресурсы Великой Гармонии… рискует своей жизнью… и жизнями экипажей трех кораблей… в погоне за призраком. Ну да, он оставляет Спасительные Снега беззащитными перед потенциальной атакой Демархии ради игры в догонялки с кораблем, который без труда уйдет от любого аппарата Великой Гармонии, даже самого скоростного из этих ее истребителей. Кораблем Извне… поврежденным, судя по тому, как рассеивалась в пространстве тучка обломков и людских

останков. Корабль этот однажды ускользнул от них, но, возможно, не сумеет повторить достижение. Игра стоила свеч. *Дьем дальше своего носа в жизни не заглядывал.* Рауль усмехнулся.

Приблизительно в пяти тысячах километров ниже на фоне серебристого детрита дисканских колец маячила глыба замерзших газов — Спасительные Снега, крупнейший перегонный завод Великой Гармонии. Фабрику построили при помощи демархистов, и она имела ключевое значение для выживания Великой Гармонии — а также Демархии. Его сводный брат отвечал за Спасительные Снега и был уполномочен на любые меры по защите объекта. Однако если Демархия решит ударить по Кольцам, даже пресловутое секретное оружие не помешает им нанести непоправимый ущерб. Демархия, впрочем, никогда бы так не поступила, что б там ни судачили флотские. Дьему не понять, но Рауль рискнул своей карьерой, исходя из такой уверенности — поставил всю свою карьеру *на кон*. Демархия ни за что не осмелится атаковать их… если у нее не будет в распоряжении этого звездолета. А если Великая Гармония доберется до корабля первой…

— Сэр? — опасливо прервал его раздумья Сандо-

валь, лысеющий капитан корабля. — Все готово к активации. По первому же вашему…

Рауль кивнул и начал расстегивать тяжелую куртку: в тепле рубки ему стало жарко. *Я слишком долго просидел под поверхностью.*

— Приступайте, — ответил он со вздохом.

Сандоваль устроился в своем кресле и отдал по гарнитуре приказы экипажам двух других кораблей. Видеосвязи не устанавливали. Ею пользовались только для ответственных случаев, когда требовалось впечатлить врага. Рауль прошелся взглядом по нагромождению сложных приборов на панели, рядам индикаторов на стенах тесной рубки. Большая часть этого древнего компьютерного оборудования восходила еще к довоенным временам; его установили здесь, чтобы дать кораблям непревзойденное боевое превосходство. Ключевой сегмент высокоскоростных сил обороны Великой Гармонии, специально спроектированный и оснащенный, соотношение топлива к массе тысяча к одному. Рауль Накаморэ занимал высокий пост на флоте Гармонии, но ему всегда казалось, что корабли эти — напрасная трата драгоценных ресурсов; возможно, потому он никогда раньше не ступал на борт подобного истребителя. Сейчас, когда

появился звездолет иномирцев, его мнение переменилось. От них зависело само будущее.

Он тяжело осел в кресле: жидкостные ракетные двигатели корабля включились, и ускорение быстро достигло 2*g*, значения ощутимо неприятного для его тонкой фигуры жителя Пояса. Он сверился с часами на панели. Ускорение будет действовать тринадцать сотен секунд, истребитель разгонится до шестнадцати километров в секунду… израсходовав за это время семь тысяч тонн топлива. Внешние ступени трех боевых кораблей и семи автономников. И даже после этого лететь к Лэнсингу еще две мегасекунды с небольшим, а их цели там вполне может и не оказаться. Рауль приготовился к ожиданию, пытаясь не думать лишний раз о затратах драгоценных ресурсов. Лучше напомнить себе о том, ради чего они тратятся…

Он сидел в кабинете, просматривая нескончаемые логистические графики, когда пришло секретное донесение. Звездолет таранного прямоточного типа, происхождение неизвестно, пересек курс флотского патруля… уничтожил один из кораблей, прежде чем скрыться. Он долго изучал донесение, чувствуя позади тепло метановой печки, а впереди леденящий холод будущего

Небес. В какой-то миг он заметил, что уже собрали совещание и ждут его присутствия.

Clewell Welkin

Он покинул комнату и двинулся по бесконечным сырым, слегка задымленным коридорам, удаляясь от крыла коммерческого флота. Правительственный комплекс занимал большую часть системы туннелей и воздушных вакуолей, пчелиными сотами издырявившей нутро астероида Гармония. Раньше, до Гражданской войны, до учреждения Великой Гармонии, этот астероид носил имя Перт. Даже в тяжелой коричневой форменной куртке он начал чувствовать холодок; сунув руку в карман, он оттолкнулся от стены другой. По меркам Пояса он был невысок, едва метр девяносто, и кряжист. В его движениях ощущалась некая неотвратимость. В свое время он переносил холод лучше многих, но то было в пору службы на флоте: большую часть взрослой жизни он провел в космосе, где адекватный обогрев считался наименьшей из проблем. Последние шестьдесят мегасекунд, после повышения в ранге, он занимал административный пост. За это время он узнал, что единственная привилегия администратора — работать вдвое больше подчиненных.

Он пересекал просторные открытые залы, где сновали правительственные служащие, проходил по коридорам, ничем не отличавшимся от

лежащих позади, и вступал в новые залы; как обычно, не покидало ощущение, что он бродит кругами. Движимый привычками прошлого в размышлениях о будущем, он бессознательно избрал маршрут через вычислительный центр. Прошлое и настоящее удивили его, когда он обратил наконец внимание на то, что вокруг: тесные ряды юных лиц, занятых напряженными расчетами, то и дело вскидывалась пара голов, завидев его приближение.

Он взглянул в дальний угол палаты, почти ожидая увидеть там собственное лицо над стопкой листов с уравнениями. Двенадцать с небольшим сотен мегасекунд назад он сам работал в этом зале, начиная карьеру еще мальчишкой на должности компьютера четвертого класса. Компьютеры были не автоматами, а, как в старину, людьми: сложное оборудование, избавлявшее дисканцев от бесконечных вычислений, почти полностью погибло в Гражданскую. После войны Великая Гармония на нелегком опыте познала, что без точных данных о вечно меняющихся позициях крупных планетоидов ей не выжить. Как и много раз до того, приняли решение компенсировать отсутствие эффективных инструментов изобилием неэффективных: вернулись к ручным

расчетам.

Талантливому ребенку простые вычисления давались без труда. Талантливых детей отбирали для этой работы, перекладывая тяжелый физический труд на более сильные спины. Рауль вспомнил, как сидел на скамье, зажатый между девчонкой и другим мальчуганом — они искали тепла друг у дружки, — как у него текло из носа и трескались от холода губы, как он завистливо глядел в спину своему сводному брату Дьему, на сто пятьдесят мегасекунд старше, уже компьютеру второго класса. Чем выше твой ранг компьютера, тем ближе к печке в центре зала сидишь…

Когда Дьема повысили до первого класса, Рауль уже догнал его и был вознагражден не только теплом печки, но и доступом к одному из немногочисленных уцелевших арифмометров.

Их общий дед доказал гипотезу Римана; он считался самым известным из местных мате-

матиков[2] и, вероятно, вообще из всех людей Небесного Пояса, но Гражданская война превратила его в обычного беженца. Когда разгорелся конфликт, он был в отпуске на кольцах Диска, и его задержали как потенциального шпиона. Однако если в его лояльности и сомневались, то математический гений не оспаривали; ныне, двумя поколениями позже, отголоски этого гения привели его внуков к успеху на службе новой власти.

Лишь подчинением заслужим править... Рауль покинул вычислительный зал, оставив позади свою раннюю юность, и вместе с холодом закрались в его сознание неизменно безэмоциональные проповеди из неумолимых настенных динамиков. Он размышлял, как скоро весть о

---

[2] Примечания: 2

Из рассказа о родственниках и предках Рауля лучше всего заметна преемственность дилогии с более поздними сольными романами Вернора Винджа о Зонах Мысли. Великий математик **Накаморэ** глухо упоминается в *Детях небес* (в русских переводах Е. Клеветникова и К. Фалькова он ошибочно назван Накамурой), а среди персонажей *Глубины в небе* заметную роль играет Джимми **Дьем**. Таким образом, действие *Небесных хроник* развивается в том же варианте реальности, что и трилогии о Зонах Мысли с примыкающей повестью *Болтушка*, но жители Небесного Пояса и Утренней Стороны, как и торговцы Чжэн Хэ, авральники или пауки Арахны из *Глубины в небе*, даже не подозревают о том, что глубоко погружены в Медленную Зону, где невозможны сверхсветовые путешествия или искусственный интеллект сверхчеловеческого уровня.

прибытии звездолета чужаков будет озвучена по общественной сети — и какую форму примет она в промежутках между Мыслями из Сердца и поучениями о декадентах–демархистах. Он не противился перманентному вмешательству в свою жизнь. К такому он привык. Это было не более странно, чем постоянный холод. Он понимал, какой цели служит оно: отвлекает людей от холода и бесконечной тягостной работы, цементирует общественное единство и помогает эффективнее отдавать себя группе.

Но что до пропаганды… Если даже он не испытывал к ней отвращения, то и всерьез больше не воспринимал. Он давно постиг, что разницы между пропагандой Гармонии и завлекательными дисгармоничными рекламными экранами Демархии нет никакой. Демархия продолжала существовать в тепле и комфорте, была обязана этим перегонным заводам Великой Гармонии, однако с людьми Великой Гармонии делиться нужным не считала. Отказывала в атомных батареях, на которых зиждилась экономика самой Демархии — ее энергетика, тепло, свет, торговля и производство на немногочисленных работоспособных заводах. В Великой Гармонии ни один завод, за исключением перегонных, не был

загружен сильнее одного процента прежней производительности, а фактически единственным источником тепла и света служил расточительный процесс сжигания метана: да, летучих веществ у Кольцевиков было в избытке, но и только-то.

Рауль отбросил эти мысли, как отбрасывал болезненно правдивые соображения о том, что его люди, а впрочем, и все люди Небесного Пояса, обречены. Жалость бесполезна. Ненависть контрпродуктивна. Рауль принимал правду без утайки и примирялся с нею. Он четко видел лежавший перед ним путь, видел, как тот становится все более крутым и сложным, а затем — непроходимым. Однако он двигался вперед, шаг за шагом, черпая силы в осознании, что делает все доступное человеку.

Было время, когда он впитывал каждое слово пропагандистских трансляций и верил им. Тогда он ненавидел Демархию со слепой юношеской страстью; тогда он был юн, компетентен и не слишком ценен, так что его послали туда как диверсанта. Он провалил задание. Но, к неописуемому его стыду, извращенная медийная охлократия Демархии трансформировала образ юноши до неузнаваемости, сделала его геро-

ем, люди приняли близко к сердцу его пылкое последнее слово с обличением агрессивной демархистской политики… и Демархия отправила его домой, униженным послом доброй воли на переговорах о строительстве перегонного завода, который должен был обогатить равно Демархию и Великую Гармонию.

Отношения между Гармонией и демархистами с той поры больше не улучшались, и единственный акт сотрудничества стал возможен лишь потому, что в нем нуждались обе стороны. Независимые демархистские корпорации продолжали нарушать границы дисканского пространства, и лишь общая экономическая слабость мешала им полностью захватить жизненно важные для Гармонии ресурсы. Великая Гармония продолжала шельмовать Демархию, виня демархистов в обоюдном убогом существовании.

Однако в Демархии он понял, что различия между добром и злом сложнее, чем простая черно–белая маркировка, и навеки утратил веру в то, что на любой вопрос имеется простой ответ. Он пришел к выводу, что Демархия не безусловное воплощение зла, что полной ответственности за жалкое положение Великой Гармонии та не несет. Он проникся осознанием более мас-

штабной, совершенно аморальной и абсолютно неизбежной, общей судьбы Великой Гармонии и Демархии на дороге в один конец.

И когда он увидел, что возврата нет, а сойти с дороги невозможно, то перевелся из сил самообороны в коммерческий флот, дабы служить государству там, где, по его мнению, он мог еще функционировать с наибольшей эффективностью, по возможности облегчая нисхождение Гармонии по этой дороге.

Рауль наконец достиг центральной зоны правительственного комплекса и ощутил резкие холодные воздушные течения, подхватившие его в открытом пространстве. Потолок наверху был темный, аморфный, но он знал, что поверхность эта из прозрачного пластика, а не каменная. Когда-то через нее можно было наблюдать звезды и величие Диска, чьи Кольца в ту пору служили источником воды для всего Небесного Пояса. Но теперь купол полностью перекрывался изолирующим слоем снега, поскольку потерями тепла через него уже нельзя было пренебречь.

Он проложил себе путь среди множества траекторий летящих чиновников, в большинстве своем, как и он сам, выходцев из армии. Автоматически отдавая им ответную честь, он мыслями

уже пребывал в конференц–зале с ограниченным доступом, где его ожидали другие Руки для частного совещания с Сердцем.

Рауль тихо опустился в свое кресло и стал ожидать начала совещания. Он занял самое далекое от Сердца место за длинным столом, поскольку был младшим по возрасту из офицеров в ранге Руки. Кивнул Лобачевскому справа, пробежался глазами вдоль стола, узнавая офицеров и советников. Без удивления Рауль отметил, что присутствующие расколоты на две фракции — как обычно, представители сил самообороны с одной, а торгового флота с другой. Он, как всегда, примкнул к торговцам. Посмотрел на блестящую пустую полосу ничейной столешницы между двумя партиями и слегка улыбнулся.

Одно слово, и шепотки за столом стихли. Рауль повернул голову и вместе с остальными встал, приветствуя явление Сердца, триумвирата, контролировавшего неспокойные течения власти Великой Гармонии. Чатчай, Хурама и Гулам-хусейн. Подобные многоликому индуистскому идолу в своей неотличимости друг от друга или своих помощников, в одинаково незатейливых массивных одеяниях, они все же безошибочно выделялись на собрании явным самодовольством

и дисгармоничной амбициозностью — качествами, что привели их на вершину и побуждали продолжать борьбу за нее. Рауль понимал, какое напряжение над ними довлеет, и был благодарен судьбе за то, что давно перерос подобные амбиции.

Трое во главе стола медленно опустились на свои места, давая знак офицерам последовать их примеру.

— Я полагаю, все ознакомились с информацией, ставшей поводом к сегодняшней встрече, — Чатчай, по своему обыкновению, взял первое слово. — Итак, всем вам известно, что пятьдесят килосекунд назад наш флот столкнулся с кораблем, не похожим ни на какие другие космические аппараты нашей системы… — Он сделал паузу, опустил взгляд; Рауль заметил, что перед ним на столе магнитофон. — Вот доклад капитана Смита, который командовал перехватившим это судно патрулем.

Он нажал кнопку.

Рауль блуждал взглядом вдоль стола, следя, как меняются выражения лиц присутствующих. Поначалу неопознанный корабль приняли за демархистский атомолет, нарушивший дисканские границы. Затем, когда патруль сблизился

с нарушителем, а ответил женский голос, стало ясно, что происшествие совершенно экстраординарное. Корабль оторвался от них, ускоряясь в немыслимом неизменном темпе десяти метров за квадратную секунду, и почти небрежно уничтожил одного из лучших в патруле — ничем иным, как смертоносным дуновением своего выхлопа. Но они успели пальнуть по ускользающему судну и зафиксировали расширение облачка обломков…

За столом поднялся галдеж, полный изумления и осуждения.

— Какого черта этот Смит не предоставил женщине координаты гавани, когда она у него их попросила? — пробормотал сидевший рядом с Раулем Лобачевский. — Это было бы куда разумнее, чем пробовать тягаться с ними в огневой мощи. Еще и одного из своих потерял. Типично для него.

Он зыркнул через ничейную полосу столешницы на представителей оппозиции. Рауль хранил бесстрастное выражение лица.

Чатчай вскинул брови и повысил голос.

— Перед нами, господа, не стоит вопрос о том, действовал ли капитан Смит в лучших интересах Великой Гармонии. Надлежит разрешить про-

блему иного рода, а именно, какие действия в отношении корабля должны предпринять теперь мы. Вряд ли среди вас найдутся несогласные с мнением, что этот корабль прибыл из-за пределов системы… — Он помолчал. Несогласных не оказалось. — И вряд ли мне следует дополнительно разъяснять, какова ценность этого корабля для нашей экономики… или же Демархии, если он окажется в руках у них, а не у нас. — Новая пауза. — Однако разумно ли, возможно ли в принципе, нам пытаться завладеть этим кораблем? И какие действия должны быть предприняты для уверенности в том, что в руки демархистов он не попадет в любом случае?

Рауль невидящим взглядом созерцал матовую, покрытую царапинами поверхность пластикового стола — и вслушивался в разгоравшиеся за столом дебаты. Корабль поврежден… нет, корабль все еще способен обогнать любого преследователя в Небесном Поясе. Корабль может найти в Демархии укрытие после атаки… нет, а с какой стати теперь экипажу доверять в Поясе кому бы то ни было? Корабль — решение проблемы выживания Гармонии… нет, это фантом, и погоня за ним приведет лишь к бесполезной трате драгоценных ресурсов…

Рауль собрался с мыслями и поднял голову. Он редко высказывался прежде, чем это делали все остальные, поскольку давно усвоил, что избирательное, выверенное молчание куда эффективней громкого голоса. С тех пор, как его повысили до Руки, он использовал это себе на благо, заслужив репутацию, к которой и стремился, чтобы повысить эффективность коммерческого флота и увеличить влияние фракции торговцев. Улучив момент, он вмешался в дискуссию:

— Как всем вам известно, я с самого начала был противником дальнейшего развития и строительства флотилии высокоскоростных истребителей…

Он обвел искательным взглядом лица за столом, отмечая презрение на противоположной стороне и чувствуя одобрительную поддержку Лобачевского на своей стороне. Он, в числе меньшинства, полагал, что Демархия не представляет реальной угрозы для Великой Гармонии, а ресурсы, необходимые на поддержание флота самообороны, лучше бы послужили интересам Гармонии, будучи обращены на развитие торговли в пределах Колец или даже с самой Демархией. Ибо он считал самоочевидным, что деградация необратима, неостановима…

— Но такой ситуации я не предвидел. В данной ситуации я вынужден признать, что рад существованию высокоскоростной флотилии… а также предложить, чтобы мы использовали ее в погоне за этим кораблем… — Его заглушили возмущенными возгласами, а на противоположной стороне стола враждебность начала сменяться удивлением. — Я понимаю, как это рискованно. Я понимаю, что попытка, скорее всего, будет напрасной, а шансы на успешный абордаж весьма невелики. Но не астрономически малы: корабль поврежден, и степень серьезности понесенного им урона неизвестна. Возможно, они направятся зализывать раны в Лэнсинг, если Лэнсинг до сих пор обитаем; стоит рискнуть, стоит потратиться, выясняя, так ли это. Хотели мы того или нет, а флотом высокоскоростных истребителей Гармония обзавелась, ну так давайте, используйте его для какой-нибудь разумной задачи! Если мы так много узнали об этом звездолете, то, готов поручиться, Демархия знает не меньше и заинтересована не слабее нашего. Не думаю, что без него они представляют для нас угрозу, но если мы корабля не получим, а получат они, то в дальнейшем любая *угроза* с *нашей* стороны примет для них *академическое* значение.

— Итак, я предлагаю, чтобы ближайшее доступное звено высокоскоростных истребителей подняли по тревоге и отправили в погоню за этим звездолетом, к Лэнсингу. И я прошу доверить мне командование…

Горькая атмосфера финальных дебатов постепенно выветривалась из его памяти. Перегрузка резко спала, тело внезапно высвободилось из оков напряжения. В конце концов он выиграл, ведь никто из присутствующих не мог спорить с его искренностью и решимостью посвятить себя очередной цели. Теперь корабли продолжат дрейфоспуск в сторону Лэнсинга. И если системы жизнеобеспечения там еще не отказали, они найдут… что-нибудь. Или ничего не найдут. Карты сданы, Великая Гармония сделала свою ставку в борьбе за выпавший в кои-то веки шанс.

***Рейнджер*, зона Демархии, +553 килосекунды**

— Нет, это тоже не сработает. Сразу будет видно, что корабль не довоенный, — Птичка Алин покачала головой. Заплетенные в два узких конских хвоста волосы заколыхались над макушкой, подобно водорослям.

— Тогда я больше ничего не могу на лету при-

думать.

Бета переглядывалась с ними по очереди, размышляя. Клевелл сидел, крепко пристегнувшись к своему креслу. Птичка Алин и Теневик Джек раскинулись в воздухе, нежась в невесомости. Пятидневное путешествие к точке, удаленной от Диска на шестьдесят градусов орбиты, благотворно сказалось на парочке: кожа и волосы стали чистыми и блестящими, на долговязых тощих телах появились дунгари и мягкие пуловеры. Однако стартовая фаза, когда ускорение составляло 1*g*, прижала их к полу, словно траву под ветром, так что подростки до сих пор болезненно морщились от воспоминаний и остаточной крепатуры мускулов. Досаждали им и другие воспоминания, темными искрами поблескивавшие в голодных глазах, сквозящие в быстрой нервной речи, воспоминания о прошлом, которое Бета опасалась прояснять и предпочла бы оставить навеки под покровом тайны.

— Я бы сказал, что Демархию следует предоставить своей судьбе, — Теневик Джек вытянул вперед тощую бронзовокожую ногу и ласково потрепал проплывавшую мимо Рыжинку. — Нам стоит отправляться на Кольца. Там намного легче просто стырить то, что вам нужно. Я так думаю.

— Я не об… этом… спрашивала, — сдержанно улыбнулась Бета. — Я не хочу воровства, мне нужна торговля. Я уже представляю себе, Теневик Джек, насколько *легче* иметь дело с Кольцевиками Диска.

— Но Демархия еще хуже. У них техника гораздо совершенней.

— Да? А что значит — *гораздо*? Ты же не можешь знать этого наверняка. К тому же они не ищут нас специально. Не успеют и обеспокоиться нашим вторжением, а мы на вашем корабле, используя его как паром, прыг–скок до складов, поминай как звали. А что мы им предложим в обмен на водород?

Она раз за разом перебирала в памяти бортовые запасы, борясь с назойливыми мыслями о том, что лишь Эрик справился бы с этой задачей оптимально; он бы нашел что предложить, что сказать. Эрика обучали для таких задач. *Ох, Эрик…*

Теневик Джек нахмурился и подергал себя за пятки. Птичка Алин поймала Рыжинку и перевернула ее вверх тормашками в воздухе. Рыжинка ухватилась медленно вращавшейся головой за свой хвост и начала вылизываться. Птичка Алин беззвучно рассмеялась.

— Кошка! — воскликнул Теневик Джек. — Можно предложить им кошку!

— Чего-о? — Клевелл настороженно выпрямился.

— Ну да. Кошек ни у кого больше нет. Но в Демархии не могут знать наверняка; в Лэнсинге когда-то жило много зверей. А демархисты за таким в особенности и гоняются, за чем-нибудь по–настоящему редким. Владелец перегонного завода вам половину складских запасов уступит не торгуясь, в обмен на Рыжинку-то.

— Чепуха какая, — протянул Клевелл.

— Нет… возможно, и нет, пап. — Бета распростерла руки, и Рыжинка оттолкнулась от Птички Алин в ее сторону. — Думаю, он прав. Рыжинка, хочешь жить как королева? — Она взяла Рыжинку на руки и на миг углубилась в бесценные воспоминания о детских лицах, о любовно подобранных подарках. Горло помимо воли перехватило. А какую цену придется уплатить дальше? Но какой бы она ни оказалась в эмоциональном отношении, это нужно сделать во имя возвращения к Утренней Стороне. На лице Птички Алин возникла острая печаль, и Птичка Алин попыталась ее скрыть, как и сама Бета. — Кроме того… нам попросту нечего больше

предложить, не выдав своего происхождения. Любое оборудование, которое мы попытаемся им продать, с очевидностью изобличит нас как иномирцев. Мы и так сильно рискуем.

— Знаю, — Клевелл потупился. — Ты капитан, тебе решать.

— Да, мне.

Бета опустилась к панели управления, устав спорить и откладывать неизбежное. Выбора в действительности не оставалось, имело смысл лишь спасение корабля, и забывать об этом нельзя. Она пробежалась невидящими глазами по свежим сводкам бортовых систем. *Рейнджер* основательно углубился в пространство Демархии. Они обнаружили десятки астероидов и весьма насыщенный радиотраффик. Определили местонахождение Мекки, где размещался крупнейший перегонный завод — в восьми миллионах километров отсюда. На крейсерской скорости десяти километров в секунду *Рейнджер* долетит туда за считанные часы. А вот *Лэнсингу-04* пришлось бы тащиться две недели, тормозя с каждым метром и тщательно выверяя векторы относительно Мекки. У нее свело желудок при мысли о подобном странствии. Дополнительные слои изоляции, установленные на *Лэнсинге*, позволи-

ли сократить утечку радиации в шесть раз, но бортовой фон все равно оставался высоким. Но если *Рейнджер* подлетит достаточно близко к густонаселенной области, риск выдать себя станет слишком велик.

К Утру ведет дорога всех печалей,

Ее мы вымостим обломками мечты…

— Я отправляюсь в Мекку, пап, — сказала она наконец. — Надо билетами домой озаботиться.

Клевелл сидел в кресле, держа спину прямо, а Птичка Алин парила над его головой. Они вместе наблюдали за тем, как *Лэнсинг-04*, обшарпанная жестянка с реактором на донышке, канул в бесконечность ночи. Потом Клевелл перевел взгляд с темного фона на лицо Птички Алин. Ее глаза тоже были темные, сфокусированные на экране.

— Рад, что ты здесь. На корабле слишком… пусто.

Она рассеянно поморгала, руки захлопали в воздухе, словно птичьи крылья, выполняя поворот. Она редко встречалась взглядом с ним и вообще с кем-либо, словно боялась увидеть в чужих глазах собственное отражение.

— Я бы хотела… Я бы хотела, чтоб они Рыжинку не забирали.

Ему пришлось напрячь слух, чтобы расслышать ее, и это снова навело на мысли о том, не глохнет ли он постепенно.

— Я тоже. Она поступила так, как считает оптимальным… А еще бы ты хотела, чтобы Теневик Джек с ней не полетел, да?

Она все еще смотрела вниз, а сейчас слегка повела головой.

— Она поступила так, как считает оптимальным.

Он вспомнил Эрика, которого обучали для таких заданий, вспомнил горькие сомнения, которые гнала от себя Бета в темном уединении их общей каюты.

— Она для меня тоже всё в жизни значит.

Птичка Алин наконец отважилась посмотреть на него.

— Вы… вы отец Беты?

Он рассмеялся.

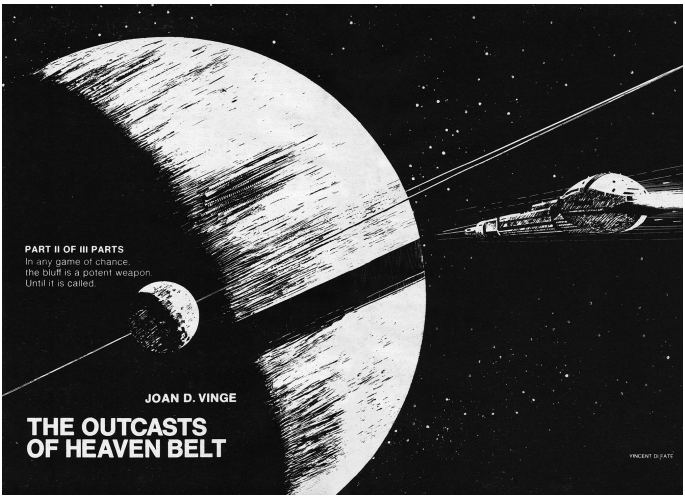
— Нет, девочка, я ее муж. Я один из них.

— Ее… муж? — Клевелл с трудом подавил смех при виде стыдливого румянца. — *Один из них?* А сколько еще у нее мужей?

— Нас в браке семеро, четверо мужчин и трое женщин. — Он улыбнулся. — Надо полагать, здесь такая форма отношений непопулярна.

— Нет, — почти возмущенно. — А они… остались на вашей планете?

— Они в экипаже *Рейнджера*.



Она внезапно вздрогнула.

— Тогда… все они мертвы.

— А… А, да. — Он усилием воли отогнал маячившее перед глазами видение пустого зала уровнем ниже и разверстой перед звездами раны. Нарочно обернулся к Птичке Алин и отметил ее смущение. — Ты же понимаешь, можно любить больше одного человека.

— Мне всегда казалось, что при этом кто-то останется несчастлив.

Он покачал головой, усмехнулся, задумавшись о странных предрассудках лэнсингской культуры. Интересно, почему эти представления уцелели даже в условиях, когда людям важнее всего было выживать?

На Утренней Стороне первопоселенцы также начали с борьбы за выживание. Они были изгнанниками и экспатами, покинувшими Землю, где политический мир перевернулся вверх тормашками. Прибыв в свой край обетованный, они с опозданием выяснили, что эта мирная гавань не такова, какой ее считали, зато оправдывает, с немалой долей иронии, присвоенное ей имя Утренней. Планета была связана орбитальным резонансом со своим красным карликом, так что одно полушарие вечно смотрело в его кровавый лик, а другое замерзало в нескончаемой ночи. Между пустыней субсолярной области и льдами Темной Стороны лежала мрачная кольцевая полоса, с натяжкой пригодная для жизни — Свадебная Лента, как ее прозвали. *Пока смерть не разлучит нас.* Страх смерти и потребность расширять небольшую, внезапно оказавшуюся крайне уязвимой, популяцию: вот что сломало жесткие

социальные рамки, установленные обычаями европейского и североамериканского прошлого. Они перестали быть теми, кем родились, а ныне, спустя две сотни лет множественных бракосочетаний и свободы, обретенной в безопасном расширенном кланородстве, немногие обитатели Утренней Стороны понимали резоны древних обычаев или желали бы к ним возвратиться.

Птичка Алин сложила руки на груди, пряча увечную конечность из виду. Клевелл понял, что у людей Лэнсиннга, вероятно, выбора тоже не оставалось. Если уровни радиационного фона там соответствуют замерам с *Лэнсинга-04* — да блин, одного процента от этих показателей хватит… тогда угроза генетических дефектов так велика, что поневоле придешь к брачным традициям, которые покажутся странными или даже самоубийственно опасными. Небесный Пояс — ловушка, его история — грандиозный акт предательства, никогда не виданный на Утренней Стороне, ибо вначале Небеса посулили легкую и красивую жизнь высокотехнологичного общества, но затем людские слабости покарали беспощадно.

Клевелл молчал, все явственней понимая: чего недостает Утренней в комфорте, то добирает она

неприхотливостью и социальным постоянством, и красота ее без этих факторов не могла бы возникнуть вовсе…

— А как вы с Теневиком Джеком туг оказались? — спросил он наконец.

Она пожала плечами — невесомое тело едва шевельнулось.

— Я умею работать с бортовым компьютером, потому что мои родители его программировали. А Теневик Джек хотел быть пилотом, чтобы помочь народу Лэнсинга. Он, так сказать, выиграл в лотерею.

— Твои родители отпустили тебя, а сами не полетели?

Он внезапно подумал о Бете, какой была она раньше: высокой, неуклюжей, болезненно правдивой девочке, помогавшей ему в попытках постичь меру неизмеримого мироздания… увидел мысленным оком собственных детей, ожидавших его возврата на другом берегу вселенского моря. Он подавил внезапный прилив ярости на тех, кто послал едва вышедшую из детского возраста дочку на радиоактивном корабле в космос вместо того, чтобы взять эту миссию на себя.

Птичка Алин опустила взгляд на свою увечную руку.

— Ну, летают только те, кто работает снаружи.

— Снаружи?

— Лэнсинг же под куполом… у нас сады на поверхности и пластиковый пузырь атмосферной пленки. — Она провела рукой по волосам, уголок рта дернулся. — Те, кому нельзя иметь детей, работают снаружи.

На миг ее глаза встретили его взгляд: завистливые, почти обвиняющие. Она поспешно отвернулась к дисплею и снова ушла в себя.

— Пойду-ка я в душ.

Он осторожно засмеялся.

— Девочка, если так часто будешь мыться, заработаешь себе раздражение кожи.

— Ну, вдруг оно мне придется к лицу.

Не вернув ему улыбки, она оттолкнулась от панели управления.

Он смотрел в безжизненную пустоту ночи, где таились все их надежды и рушились мечты о единении миров. Грудь болезненно сжимало, и он испугался.

Господи, я постарел. Не дай Бог, я слишком состарился…

Он прижал руки к месту, где болело, услышал, как включается душ, и Птичка Алин затягивает песенку Утренней Стороны, заглушая шум стру-

ек, словно птичьим щебетом:

Мой мальчик, радости не будет без печали,

Но ведь и печали без радости нет.

И как вчера мы бы о том ни тосковали —

У завтрашнего дня для нас один ответ…

***Лэнсинг-04*, зона Демархии, +1.51 мегасекунды**

— Вот она, — произнес Теневик Джек едва ли не со вздохом. — Мекка.

Бета смотрела, как в иллюминаторе проплывает пятидесятикилометровая каменная картофелина, покрытая многочисленными рубцами естественного и искусственного происхождения. Длинная ось Мекки указывала на местное солнце, ближняя сторона лежала в тени, окруженная вечной короной солнечного сияния. По мере сближения с астероидом проявлялись огни космодрома, а между ними — колоссальные блестящие, подсвеченные снизу выступы, чьи тени терялись в пустоте. Она наконец сообразила, что это такое: огромные баллоны, хранилища драгоценных газов. *Вот оно!* Она поёрзала в сумрачном

узком пространстве рубки, приглушенные было эмоции зашевелились и разогрелись. Бета старательно наполнила саднившие легкие застоявшимся воздухом, услышала, как где-то позади без толку заклацал вентилятор, и задумалась, вернется ли к ней когда-нибудь обоняние — по впечатлениям, давно отмершее, и, хотелось бы верить, без мук. Ее мало утешали соображения, что крайний дискомфорт полета был бы просто чудовищным без ремонта, предварительно проведенного с *Лэнсингом-04* на *Рейнджере*. Два странника с Лэнсинга даже обитателям Утренней способны преподать мастер–класс по выживанию в экстремальных условиях.

Рейнджер. Она снова вспомнила о нем, и с этой мыслью явилось неприятное осознание, что пересечь все пространство Демархии вплоть до Мекки на корабле можно было бы за сутки, а не за пятнадцать, в идеальном комфорте… но при других обстоятельствах.

— Так, хорошо. Мы доползли. Господи, спасибо. Теневик Джек, и тебе спасибо. Отличная работка.

Она машинально потрепала его по плечу жестом, обычно адресовавшимся другому человеку. Теневик Джек вышел из привычной своей мрач-

ной задумчивости и посмотрел на нее смущенно; потом к этой эмоции примешалось еще что-то. Он отвернулся и приступил к сканированию радиочастот. К мерному клацанью вентилятора в тишине рубки добавились шум голосов и статика.

— Ты… ты любила кого-то из них особенно сильно? Она вздохнула.

— Да… да, думаю, что так. С этим ничего не поделать было; я их всех любила, но одного… — *И где он теперь, когда я в нем так нуждаюсь?* Она помотала головой, в глазах все расплылось и тут же стабилизировалось при виде фрагмента реальности за стеклом. — Теневик Джек? Вон там! — Она придвинулась к иллюминатору, протерла стекло от влаги. — Танкер на подлете.

Он тоже присмотрелся. Солнце еще подсвечивало корабль, похожий на металлического клеща, насосавшегося крови: пластиковое чрево распирали драгоценные газы, три стальные ноги — выносные опоры электроядерных двигателей — прижаты к туловищу.

— Какой он здоровенный! Наверное, с Колец. Они бы не стали такую громадину для ближних перевозок использовать. — Он поднял руку, проследив жестом нисходящую арку траектории

танкера. — Там внизу, наверное, и расположен космодром.

Действительно, она четко видела взлетно–посадочное поле, неестественно ровное, поблескивавшее в искусственном свете, заставленное подъемными кранами и окольцованное новыми механическими паразитами, ссохшимися и пустыми. Над ними летал небольшой аппарат, поблескивая красными огнями: двигался он с неуклюжей неспешностью, явно сляпанный из того, что под руку попалось. *Другой мир…* Она приглядывалась и вслушивалась, сличая обрывки односторонних радиосеансов с па медленного танца внизу: усталость и напряженное внимание, скука и всплески гнева, непонятные шуточки над незримыми техническими решениями.

— А разве они не принимают нашего сигнала?

Он кивнул.

— Принимают. Думаю, они просигналят в ответ, когда сочтут это удобным для себя.

Рыжинка шевельнулась в воздухе рядом с панелью, без особого энтузиазма боднув лбом сдвоенный провод гарнитуры.

— Бедная Рыжинка, — пробормотала Бета, потянувшись к ней. — Твое путешествие в этой сауне скоро закончится…

У нее вдруг разболелось пересохшее горло.

Теневик Джек виновато повернулся к Рыжинке и разгладил ее сбившуюся в колтуны шерсть.

— Птичка Алин, собственно, хочет, чтоб я уговорил тебя не отдавать Рыжинку. Она бы не хотела с ней расставаться. Ей правятся растения, все, что растет, все живое… — Рот у него искривился в грустной полуусмешке. — Думаю, Рыжинка — самое чудесное из всего, что Птичка Алин там видела.

— Ты по ней скучаешь.

— Да, я… Я… э-э… ну, она ведь одна разбирается в этом компьютере.

— А-а.

Он покосился на нее, уловив невысказанное.

— Нам нужно научиться совместной работе.

Она кивнула.

— Я только подумала, может, ты…

— Нет. Мы не женаты.

Она непроизвольно дернула губами в гримаске осуждения.

— Восхищаюсь твоей выдержкой.

Голубой и зеленый глаза расширились, и тьма снова затянула их.

— Нет смысла стремиться к недостижимому. Важно выживать… все только и делают, что

выживают. Если не добудем воды для Лэнсинга, настанет конец, глупо притворяться, что это не так. Нет смысла в … в … — Он опустил взгляд на панель управления. — Они что, с открытыми глазами там спят? Почему не отвечают? Чего они ждут, блин, небесного знамения?

Из динамика донесся голос:

— Неопознанный корабль, какого хрена вы там в темноте шастаете?

Теневик Джек лишился дара речи. Она улыбнулась.

— А теперь попробуем договориться о водороде.

Теневик Джек, ругаясь на яркий свет, подвел корабль к мекканскому причалу на дневной стороне.

— *Не авторизованы для главного космодрома!* Высокомерные ублюдки! Волшебным танкерам, значит, можно на ночной стороне садиться, а нам — нет?

Он распрямился, откинулся в кресле и похрустел костяшками пальцев.

— Думаю, они просто не хотят, чтобы залетные туристы свалились прямо на перегонный завод, — мягко сказала Бета, расслабившись только в миг, когда магнитные провода с успокаивающим

чмоканьем поцеловали корпус снаружи.

Теневик Джек вылез из кресла.

— Нам это не поможет. Если возникнут проблемы, нам будет охеренно тяжело выбраться отсюда.

Он двинулся к шкафчику, где хранились скафандры.

Она со вздохом кивнула и потянулась поймать Рыжинку.

— Остается надеяться, что проблем не возникнет.

Кто бы ни прозвал его Теневиком, а кличка меткая, трудно отрицать.

Бета на миг приникла к самой кромке откинутого люка, глядя вниз и вдаль, где неожиданно заканчивался мир. Совсем рядом протянулся горизонт, как если бы сияющее, изрытое точечными ямками лезвие клинка рассекло тьму. А за ним мерцали звезды, едва различимые, немыслимо далекие в бессветной пустоте. Ей представились пять изуродованных трупов, вечно падающих в этой пустоте, бессильные разорвать молчание мольбой о помощи. Она покачнулась. Теневик Джек коснулся ее спины.

— Давай, вылезай.

Голос его казался скрипучим из-за немощной

аудиосистемы. Кроме голоса Теневика Джека, слышалось еще ожесточенное царапанье когтей Рыжинки о внутреннюю поверхность герметичной переноски. К ним направлялись какие-то фигуры, придерживаясь за прокинутый среди кораблей страховочный кабель. Она оттолкнулась от края люка слишком сильно и полетела вниз по лишенной изящества траектории. Начала перестраиваться, схватилась за кабель, восстановила равновесие. *Ошибочка.* Больше нельзя таких допускать. Коли полезла к Поясникам, то, ради Бога, постарайся сойти за местную. Она позволила усталости вытеснить тревогу, наблюдая за тем, как Теневик Джек грациозно опускается на светлое, покрытое рытвинами посадочное поле из прессованного мусора. Наверху сияла звезда — шипастый Небесный алмаз в короне ночи, далекий и безразличный. Как странно видеть его в небе после кровавого лика родного солнца на пыльном небосклоне Утренней. Отвернувшись от затененного корпуса *Лэнсинга-04*, она рассмотрела другие корабли на причале. В резком свете отчетливо проступала лоскутная, неуклюжая компоновка, совершенно не похожая на аскетичный и совершенный дизайн *Рейнджера*.

— Вы к нам надолго?

Лицо сотрудника космопорта закрывал визор шлема, оставалось надеяться, что и лицо Беты так же недоступно обзору.

— Не дольше необходимого.

— Хорошо. У вас уровень радиации средневысокий, для растений это вредно.

Она опустила взгляд под ноги, на покрытую какими-то пятнами поверхность, и подавила желание рассмеяться. Они это серьезно?..

— Вы из Лэнсинга? — Восемь–десять фигур вынырнули из-за спины первого, держа перед собой увесистые предметы. Камеры, сообразила она.

— Какова цель вашего визита?

— Правда ли, что…

— А мы полагали, что в Основном Поясе все мертвы!

Она перехватила поудобнее переноску Рыжинки и крепко уцепилась за кабель. Голоса донимали ее металлическим писком из аудиосистемы скафандра. Она снова посмотрела на сотрудника космодрома.

— Мы бы хотели приобрести немного водорода с вашей фабрики. Надеюсь, для этого не понадобится прогулка на ту сторону?

На сей раз уже он рассмеялся.

— Нет. Если, конечно, вы собираетесь за него

уплатить.

Бета отметила, что он вооружен.

— …слухи: в Основном Поясе предпочитают ухватить, что плохо лежит, и дать деру, — не умолкали голоса. — Вы действительно хотите нам что-то продать взамен снега?

— Как вы, женщина, себя чувствуете на этом посту? Вы бесплодны?

— Что у вас в коробке?

Они наседали на нее, как стая волков. Бета попятилась.

— Я не…

— Это зависит от того, что вы, мусорщики, нам предложите, — резко вмешался Теневик Джек. — Мы сюда не из благотворительности прилетели. Даже не пытайтесь нам всякое говно впарить, поняли? — Он ухватил охранника за жесткий рукав скафандра. — А теперь покажите, как добраться на завод.

Бета тревожно стиснула зубы, но охранник примирительно поднял руки.

— Так, ребята! Медийщики! Остыньте. Корабль можно щелкать, но помните, что они из самого Лэнсинга не ради вас сюда прилетели. И не забудьте сослаться на Мекканскую Службу Аренды Причалов… Нет проблем, парень. Просто следуй-

те вдоль этого троса под крышу, вас там уже поезд ждет. Приветствуем в Мекке!

— Скажите, это правда, что…

Теневик Джек поплыл вдоль троса и протолкался мимо них на дальнюю сторону космодрома. Бета последовала за ним болезненно неуклюжими движениями.

— Спасибо, э-э, парень, — сказала она.

Охранник кивнул или поклонился, и Теневик Джек ответил аналогичным жестом.

— Господи, *кто* все эти люди? — спросила Бета, оглянувшись через плечо на входе в единственный вагон наземного поезда. Закрылась задняя дверь. Теневик Джек пробормотал себе под нос:

— Уму непостижимо.

В вагончике еще двое, с сожалением отметила Бета. Она бы предпочла, чтобы там было пусто; оставалось надеяться, что камер у этой пары нет. Впереди, за пластиковым куполом, протянулась тонкая ниточка монорельса, уходившая вдаль над безлюдной сияющей пустошью. За платформой справа виднелся круглый люк, врезанный прямо в скалу, а над ним указатель: ГИДРОПОНИКА ОБЩЕГО ДОСТУПА. Тут до Беты дошло, что охранник космодрома не шутил: голая скала Мекки представляла собой самодостаточ-

ный мир, пронизанный внутри трубопроводами и вакуолями, поддерживавший жизнь во всех ее проявлениях. А растениям и вправду вредна радиация.

Слабая отдача прижала ее к спинке сиденья, спутанные мысли переформировались. Рыжинка шевельнулась в переноске, царапнула когтями стенку, издав звуки, сходные в передаче аудиосистемы с радиопомехами. С нежданной болезненной ясностью вспомнила Бета, зачем они сюда явились и куда направляются. Ох, если б сейчас Эрик мог ей помочь. Но Эрика больше нет.

— Интересно, это все еще с довоенных времен уцелело? — Она покосилась на зеркальное забрало шлема Теневика Джека, ожидая ответа.

— Да, — сказал голос в ее шлеме. Незнакомый голос.

Она застыла, и Теневик Джек тоже. Обернувшись к паре попутчиков, Бета увидела, как один из них, рассеянно раскинув по сторонам длинные ноги, тянется перевести визор в прозрачный режим.

— Эрик?.. — Рука Беты дернулась к ее собственному шлему, но замерла, повисла почти в невесомости.

Темные курчавые волосы, вытянутое задумчивое лицо, внезапная, почти детская, улыбка на губах. Карие глаза выразили удивление… янтарно–карие глаза… не Эрика, нет… *Эрик погиб.* Она опустила дрогнувшую руку, оставив свой визор непрозрачным.

— Я… Простите. Мне показалось… я вас узнала.

Новая, вежливая, улыбка.

— Едва ли мы знакомы.

— Вы те, кто прибыл закупиться из Лэнсинга? — сказал второй голос, густо–хриплый, как скрежет наждачки. — Сказали, это из-за вас вагон задерживается.

Бета украдкой поморщилась. Вторая фигура, сидевшая в вагоне, была ниже ростом и несколько плотнее — интересно, а у Поясников ожирение вообще случается? Рост Беты составлял метр семьдесят пять, по местным понятиям — дюймовочка. Женщина просветлила свой визор: средних лет, кожа коричневая, волосы начинают седеть, глаза яркие, стремительные, как выхлоп термоядерника.

— Да, это мы. — Бета все еще затеняла свой шлем, чтобы не выдавать бледной кожи. Теневик Джек рядом нервно заёрзал.

— Вы первые, кто на моей памяти из Основного

Пояса к нам прилетел. Как там дела? Приятно узнать, что не все…

Рыжинка испустила пронзительное отчаянное мяуканье, Бете аж уши заложило.

— Господи, что это было? — Женщина вскинула к ушам перчатки скафандра.

— Призраки, — вежливо пояснил Теневик Джек. — Духи погибших Поясников.

Лицо женщины стало бесстрастным от растерянности. Бета глянула на мужчину: тот улыбался и хмурился одновременно, ловя взгляд ее незримых глаз.

— Никогда ничего подобного не слышал. Наверно, мы над каким-то энергокабелем проехали.

Она сообразила, что не только кошка, а и ее переноска в Небесной системе нынче — неслыханная новинка.

Женщина сокрушенно посмотрела на них.

— Простите. В любом случае, с моей стороны это и впрямь бестактно. Но вы поймите, такая редкость… Я Рини Боханян, из «Боханян–Агрономики». — Она показала рукой на солнечную сторону позади. — Семейное дело.

— Вади Абдиамаль, — представился мужчина, склонив голову. — Я работаю на Демархию.

— А кто из нас не работает? — спросила жен-

щина.

— Я сотрудник правительства.

Она покосилась на него с неодобрением, которое граничило с подозрением.

— Ну ладно. — Она перевела взгляд на Бету. — А как вас зовут? Я бы хотела увидеть настоящую космолетчицу.

— Бета Торгюссен. Простите, не получится, у меня шлем глючит. — Она скрестила пальцы. Никто не удивился. — А это…

— Теневик Джек, — представился Теневик Джек. — Я пират.

— Пилот, — раздраженно буркнула Бета, но остальные хихикнули.

— Это материалистическое имя, — сказал мужчина, глянув на Теневика Джека. — Я давно ни с кем таким не встречался.

— В Лэнсинге все материалисты. Но это добровольное дело, оппонентов почитай что не осталось. — Голос его утратил часть резкости, тело явственно расслабилось.

Мужчина вопросительно посмотрел на Бету.

— Остались, — она отвернулась и посмотрела вперед, чтобы прекратить разговор. Услышала, как женщина спрашивает у мужчины, в чем состоят его обязанности правительственного со-

трудника, но ответ пропустила мимо ушей. Они приближались к терминатору. Тот выдвигался навстречу плавно, как могла бы бежать по растрескавшейся пустыне Утренней Стороны тень облака. За терминатором, параллельно краю тени, возлежали левиафаны: приземистые стальные столбы, увенчанные медными кольцами, опоясанные ритмично мигающими красными и зелеными огнями.

— Линейный ускоритель, — сказала женщина. — Его используют для перемещения грузов, которым нет нужды лететь слишком далеко или слишком быстро… А в чем заключается материалистическая доктрина?

Они пересекли терминатор: ночная тьма пала внезапно, как будто тумблер щелкнул. Поезд углубился в рощу башен ускорителя. Темноволосый мужчина слушал Теневика Джека, и Бета исподволь нет–нет, а поглядывала на его лицо.

— …дарят имя по названию какого-нибудь материального объекта, чтобы оно отделяло тебя от прочих людей и оформляло твое бытие. Половине наших сейчас даже невдомек, что эти слова значат…

Она молча разглядывала незнакомца, бессильная подавить внезапный румянец; ее бросало в

дрожь, жар и холод. Бета вспоминала Утреннюю Сторону и первые дни своего романа с Эриком: инженер и социолог, волей злой судьбы закинутые во двор фабрики на периметре Горячего Пятна, где металл ослепительно сверкал в нескончаемой жаре вечного полудня. Вспоминала и последние дни на Утренней: бесконечные сумерки, пленка льда трескается в колодце, как уменьшенное подобие пакового поля вечных льдов Темной Стороны над собственным расколотым отражением в зеркале Северного моря, в том месте, где края их пятнает янтарно–розовый закат. Космодром Бореалис, где ее семья, будущая команда *Рейнджера*, готовилась к экстренной спасательной экспедиции к Ухуру, скованной льдами планете за 1.3 светового года от Утренней. Их отобрали среди значительного числа добровольцев, вызвавшихся оставить дом и работу ради помощи другому миру в кольце торговых связей Утренней Стороны. Но и представить себе не могли они тогда, какое именно путешествие в конечном счете им выпадет. Высший Совет возвестил, что с Ухуру пришло радиосообщение: ситуация улучшилась, помощь больше не требуется. Им назначили новую, неожиданную цель на Небесах, и цель эта выходила за рамки обычной миссии по выжи-

ванию другого мира или собственной планеты. Она вспоминала, каким празднеством отмечали эту новость, грандиозную выпавшую честь, которой будут гордиться даже родственники семей их семьи… Вспоминала, как Эрик тихо увел ее из переполненного народом, ярко освещенного зала для краткого свидания наедине перед путешествием длиною в годы. Его нежные руки, обволакивающее тепло пустой сауны, счастливый смех перед прыжком в сугроб… жар страсти и холод смертной растраты… лед и огонь, лед и огонь… Она беззвучно вскричала: *Эрик, не смей меня предавать сейчас… Дай мне силы, Эрик!*

Вагон продолжал скользить во мраке.

Поезд миновал изящные башни, прокатился мимо призрачно светящихся, точно гнилушки, исполинских газовых мешков — бледно–желтых, зеленых и голубых; искусственное освещение на поверхности возбуждало странную фосфоресценцию. Движение прекратилось. Бета рывком стряхнула мысли о прошлом и вгляделась в сияющий лес диковинных построек. Женщина говорила:

— …ваши поля в Лэнсинге схожи с нашими гидропонными чанами. Конечно, в воде мы недостатка не испытываем: снег хранится внизу, в

старых шахтах. Нам его до скончания века хватит, я надеюсь.

Это было сказано одновременно с гордостью и жадностью, и Бета усмехнулась. Чиновник глянул на нее, Бета заметила быстролетную тень тревоги на его лице, но не поняла причины. Теневик Джек резко поднялся со своего места и рефлекторно стабилизировал равновесие. Он снова был напряжен, словно струна; любопытно, как сейчас выглядит его лицо?

Они последовали за мужчиной и женщиной сквозь бестелесный радиошум и безличный гомон рабочих на платформе. В прочной поверхности скалы виднелся еще один воздушный шлюз. За ним оказались туннели. Пол выглядел ровным, но, по ощущениям, круто понижался к сердцу астероида. Бета ощутила, как возвращается атмосферное давление, а скафандр становится мягче, движения — проще. Стали слышны звуки, хотя и приглушенные шлемом. Начали попадаться стайки прохожих, некоторые в скафандрах, некоторые без, но никто, по счастью, не обращал на нее внимания; Бета снова озадаченно вспомнила космодромных фотографов.

Они двинулись по главному коридору вдоль пристенного троса; жесткие перчатки скафанд-

ров оставляли в уже немало покоцанной стене узкие канавки. Впереди и ниже туннель обрывался — открывался в обширную внутреннюю полость, пересеченную множеством тонких тросов. Она заинтересовалась и подплыла ко входу в палату.

— О–о–ох…

Ее выдох был сродни возгласу изумления.

Она остановилась рядом с Теневиком Джеком, зачарованная сказочной красотой каменных недр. Вакуоль простиралась более чем на километр: колоссальная жеода явно искусственного происхождения, утыканная с внутренней поверхности сияющими, как сталагмиты, шпилями, тупоносыми или острыми, как иглы, радужными или полосатыми, переливчатыми, многоцветными. Полость была увита тончайшими, словно шелк, нитями: легко было вообразить, что тут поработал огромный паук.

Она постепенно соотнесла картинку с реальностью: это был город, средоточие жизни Мекканского астероида, а кристаллические шпили — его башни, тянущиеся во всех направлениях из пола… свисающие с потолка… *Почему они не падают?..* Мысли снова путались, кто-то взял ее за руки и крепко придержал, чтобы не упала с

обрыва. Она овладела собой и утвердилась у парапета, слегка упираясь в него ногами. Недовольно возвратясь глазами в головокружительные просторы палаты, она стала замечать людей: те сновали по ажурным ниточкам, словно мошки… по легким тросам, переброшенным на значительные расстояния и протянутым вдоль отделанных мягким материалом стен. Густая поросль башен на полу и потолке пронизывала воздух по линиям едва ощутимого, но неизбежного гравитационного взаимодействия. Приземистые, приплюснутые постройки на изогнутых стенах полости испытывали большее напряжение. Башни едва заметно покачивались на течениях кондиционированного воздуха. Не цельные кристаллы, о нет, но дрожащие тенты из разноцветной ткани на ажурных металлических каркасах.

— До войны здесь размещался город моделистов, — оказалось, что ее поймал за локти чиновник правительства, а сейчас непринужденно выпустил. — Игровой центр. Теперь тут заняты более практичными играми, и большая часть башен отведена под представительства компаний.

Он отстегнул шлем, поднял его на руке и выжидательно посмотрел на Бету.

— Воздух в порядке, уверяю.

Она лишь переключила звук на внешний динамик; по коже мурашки бегали под его пронзавшим скафандр взглядом.

— Спасибо… — проговорила она, старательно изображая неуверенность. — Но я, пожалуй, с этим обожду.

Теневик Джек стоял и глядел на город, явно настроившись изображать глухонемого.

— А какие из них принадлежат тем, кто мог бы продать нам водород?

— Водород? — Рассеянный взгляд его возвратился к закрытому визором лицу Беты. — Я полагал, вы прилетели за воздухом или водой.

— Да. Нам нужна вода, но кислород у нас есть. Значит, требуется водород.

Рыжинка гневно завизжала. Бета прижала перчатки к ушам.

— Ах да. — Лицо его разгладилось: объяснение принято. — Конечно… Вы знаете… такая редкость, женщина в космосе. У народа Лэнсинга это обычное дело?

— У народа Лэнсинга вообще мало кто сейчас выбирается в космос. — Бета внезапно вспомнила, что за этими золотисто–карими глазами таится враг. — Вы бы не могли просто указать

мне офисы владельцев перегонных фабрик?

— Вон там, внизу, — показал он, — скопление длинных зеленых башен у пола. В нем много таких офисов. Перегонщики. Тирики, Флинн, Сиаманг…

— Перегонщики? Их больше одного? — *А мне полагается это знать?* Она беззвучно чертыхнулась.

— Ну да. — Но его улыбка была вежливой. — Так у нас в Демархии все дела ведутся, волей Народа, а у людей монополизм не в почете. Они бы такого не допустили… вопиющее преступление. Я хотел бы показать вам дорогу.

— О нет, не стоит…

— Но это самое малое, что я могу для вас сделать после такого дальнего путешествия. — Он сунул два пальца в рот и трижды пронзительно свистнул. Бета дернулась. Он обернулся и, к ее удивлению, отвесил быстрый извинительный поклон. — Сейчас так принято такси вызывать. В Мекке черт-те что творится… На Небесах черт-те что творится. — Он издал странный сконфуженный смешок, словно сболтнул что-нибудь лишнее. — Я сам с Толедо.

— А в чем… гм… состоит ваша работа на правительство?

Она неуверенно выглянула за парапет. Женщина, ехавшая с ними в поезде, куда-то делась. *Почему он остался с нами?*

— Я переговорщик. Пытаюсь не допустить, чтобы тут все еще сильнее деградировало, вы понимаете. — И снова короткий болезненный смешок. — Я улаживаю споры, разрабатываю проекты торговых соглашений… принимаю неожиданных гостей.

Она полуобернулась, но тут из-за поворота туннеля возникли журналисты с космодрома.

— Теневик Джек! — Она схватила его за рукав. — Стой рядом, никуда не пропадай.

Галдеж нарастал:

— …на этом полуразваленном корабле?

— С кем вы намерены договариваться?

— Сколько вы хотите…

Медийщики и зеваки брали их в кольцо, толкаясь и выкрикивая вопросы наперебой. Чиновника оттеснили к стене. Из воздуха возникло и со скрежетом затормозило о край туннеля такси. Она пробивалась к нему, отчаянно жестикулируя Теневику Джеку. Такси было с балдахином, рулевым колесом и пропеллером, а вел его — вручную — хорошо одетый подросток скучающего вида.

— Куда?

— К… К Тирики. И быстрее.

Она сунула голову под полосатый балдахин, ощутила колебания пола под ногами на течениях воздушного моря, увидела ослепительный блеск кристаллов наверху и внизу. Теневик Джек полез следом. Такси отчалило и стало снижаться к полу палаты, оставив толпу на карнизе ни с чем.

— Торгюссен! — закричал ей вслед чиновник.

Она оглянулась. Подняла руки к шлему, повозилась с ним и откинула. Лицо чиновника последовательно отобразило удивление… узнавание… печаль утраты. *Прекрати!* Чушь какая. Не может он ее узнать, и вообще он совсем не похож на… *Эрик мертв!* Она прильнула к вертикальной распорке балдахина, чувствуя, как ветер ерошит ее светлые, сбившиеся колтунами волосы, охлаждает пылающее лицо. *О Боже, сколько еще раз мне доведется такое переживать?* Теневика Джека было не оторвать от края салона, он бросал взгляды вверх, вниз, по сторонам; пролетели мимо искусственного солнца в стеклянной оболочке, подвешенного в центре полости. Она медленно осела на сиденье, принуждая себя отделить свежие впечатления от эхо прошлого.

Пещеру заполняли звуки, сливаясь в трудноразбираемую какофонию: смех, крики, пчелиное

жужжание невидимой машинерии. Она смотрела вперед, постепенно понимая, что не все башни в этом лесу отделаны одинаково богато и замысловато; балконы торчали под безумными углами, в скальных стенах виднелись темные трещины — туннели, наверняка ведущие к эксклюзивным жилищам. Потом уловила в холодном фильтрованном воздухе нотки пряностей, глубоко вдохнула его, пробуя и наслаждаясь, промывая им отупевшие мозги. Водитель без всякого удивления смотрел мимо нее на изумрудный пинакль, куда держало путь такси.

Они протолкались через мягкую эластичную горловину прохода на крыше и очутились в длинном безлюдном коридоре, уходящем на двадцать пять метров вниз, к скальному основанию здания. Бета начала почти неощутимое падение туда, минуя двери; Теневик Джек отстегнул шлем и потряс головой. Глубоко вздохнув, он произнес:

— Где это мы?

По его потному лицу разметались пряди волос; он перчаткой откинул их назад.

— Офисный комплекс корпорации перегонных заводов Тирики. Мне про него тот человек в вагоне сказал.

Она помедлила, не желая распространяться о своих подозрениях.

— Мерзавцы, — поджал он губы. — Хоть бы тут все лопнуло к чертям. Они бы себя не вели так… так… — Его душила ярость.

Бета наблюдала за ним, испытывая печаль, смешанную с раздражением. Потянувшись к Теневику Джеку, она слегка надавила перчаткой на мягкий покров плечевого сегмента его скафандра.

— Я понимаю, каково тебе. Я знаю. Но и люди в том поезде тоже имеют право на… Сбрось эту тяжесть со своих плеч, или я сама это сделаю. Я не могу себе позволить такого. Мне кое-что нужно от местных, тебе тоже, и это, мать твою, куда важнее, чем наши с тобой чувства, понял? Быстренько улыбочку на физиономию нацепил — и держи так, пока не договоримся.

В ее памяти откуда-то всплыли слова: *Где мой бумажник? Запишу, что можно с улыбкой вечною злодеем быть*[3].

Она улыбнулась, вдохнула прохладный ароматный воздух и пожалела, что не смотрит сейчас ему в глаза. Он медленно поднял голову и по-

---

[3] Примечания: 3

Шекспир, Гамлет, акт I, сцена 5, перевод А. Кроненберга.

смотрел на нее. И впервые она заметила улыбку на его лице.

Кто-то протолкался через дверь рядом с ней. Опешив, ухватился за откидной лючок и взглянул на нее с искренним изумлением.

Она пристыженно провела пальцами по грязному потному лицу.

— Мы бы хотели договориться о покупке водорода. С кем тут можно?..

На лице незнакомца появилась маска формальной вежливости.

— Конечно. В дальнем конце коридора, отдел продаж. Благодарим вас, что обратились к Тирики.

Он вскинул голову и двинулся дальше, перелетая от стены к стене с непринужденной ловкостью пловца, словно поднимался к поверхности через постепенно разгоравшиеся сине–зеленым светом глубины моря. Они же направились в противоположную сторону, опускаясь все ниже.

— Вот же наглое трепло, — услышали они голос еще задолго до того, как достигли двери. — Что они об этом, блин, знают? Ни хрена.

— Эсром, нет.

Бета раздвинула створки люка, и они проникли внутрь, напряженно улыбаясь.

— Я сам лучше справился бы. И мы должны так поступить, взять ответственность на себя. Нанять журналистов, выпустить собственную…

— Да, Эсром.

— …осветили нашу позицию. Сиа, ты только глянь, они нас в монополизме…

Золотокожая женщина исключительной красоты глянула на вошедших из-за конторки и удивленно вскинула брови. Уловив ее движение, обернулся такой же золотокожий и столь же невероятно прекрасный мужчина. Он держал в руке какие-то распечатки. *Брат и сестра*, подумала Бета, *и какие... совершенные*. Они были облачены в мягкие развевающиеся зеленые одежды, сливавшиеся с фоновым интерьером при свете оттенка морских глубин; женщина в длинном расшитом платье, мужчина в расшитой куртке с кружевными манжетами. Бета представила себе, кого они сейчас видят, и поспешно пригладила разметавшиеся волосы.

Но мужчина выдохнул:

— Сиа, ты видела когда-нибудь?!.. Ты глянь., кожа, волосы, и даже вместе с… — Темные глаза пробежались но ее скафандру сверху вниз, опознали, что это такое, и вернулись к лицу. — Но она из космоса. — Интерес сменился печалью.

Женщина стукнула его по руке.

— Эсром, имей совесть! — И улыбнулась гостям ослепительной улыбкой. — Чем можем помочь? — Она отбросила назад лениво расплывавшиеся волосы оттенка воронова крыла и уложила пряди под кружевной шапочкой.

— Мы хотели бы приобрести у вас некоторое количество водорода. — У Беты непроизвольно румянец проступил на щеках под восторженными взглядами пары. Она попыталась не выдать смущения. — Тысячу тонн, если быть точной.

— Ясно. — Мужчина медленно кивнул или, может быть, поклонился; вид у него все еще был слегка изумленный. Он полез в сторону, к ежедневнику на цепочке. — Погрузка нужна?

— Нет. Сами справимся.

— Откуда вы? — Голос женщины был деликатным, утонченным, как и ее лицо, однако не слышалось в нем и намека на мягкость.

— Лэнсинг. — Теневик Джек усмехнулся ей. Высокий, тощий, неподдельный Поясник, один глаз голубой, другой зеленый.

— Основной Пояс! — Брат и сестра снова уставились на них во все глаза. Похоже, на сей раз у парочки отнялся язык от предельного восхищения их отвагой. На экране позади появился

выпуск новостей: картинки перемежались текстовыми сообщениями.

— Ну и путешествие, — тихо произнес мужчина. — Как долго вы сюда добирались?

— Долго. — Бета указала на свои с Теневиком Джеком усталые грязные лица. Ей не пришлось имитировать предельную усталость в голосе. — И еще дольше предстоит возвращаться. Мы бы хотели как можно скорее уладить сделку.

— Да, разумеется, — он помедлил. — А что… гм, чем вы намерены расплатиться? Как вы наверняка понимаете, мы несколько ограничены в меновых эквивалентах, и…

Интересы семьи превыше всего. Деланная улыбка Теневика Джека на миг исказилась, когда Бета начала стягивать перчатки. *Но кто я такая, чтоб их в том упрекать?* Она аккуратно уравновесила переноску Рыжинки на металлической конторке и открыла дверцу. Зашипел воздух, давление уравнялось. Пятнистая мордочка Рыжинки высунулась наружу, расширенные от возбуждения зрачки сверкнули зеленым. Поведя носом, кошка выпрыгнула из переноски и закружилась в воздухе, словно перышко. Бета услышала сдавленный выдох женщины и выпустила переноску.

— Кошек принимаете?

— Животное, — прошептала женщина. — В жизни не надеялась увидеть…

Она нерешительно протянула руку. Бета успокаивающе погладила Рыжинку, подтолкнула к ним. Рыжинка мягко ткнулась носом в подставленные ладони женщины, с интересом обнюхала и удовлетворенно покаталась головой по мягкой атласной ткани рукава платья.

— Думаю, вы не ошиблись, выбрав нас. — Тонкие руки мужчины дрожали. — Папа бы вам весь завод за этого зверька отдал. — Он рассмеялся. — Но заставил бы оплатить его транспортировку в Основной Пояс!

— А много в Лэнсинге животных уцелело?

— Нет, — Бета улыбнулась с осторожным оптимизмом. — Водорода нам вполне хватит.

— У нас сады есть, — сказал Теневик Джек. — Лэнсинг единственная скала с атмосферным куполом. Когда-то мы были столицей всего Небесного Пояса. — Он гордо вскинул голову.

— Да, — произнес мужчина, — было такое, я помню. Я на картинках видел. Красота…

Рыжинка ускользнула от женщины и стала тыкать лапой в дырочки сетчатой корзинки для бумаг. Бумаги затанцевали в воздухе, кошка самодовольно мурлыкнула, ощутив себя в центре

мирового внимания. Бета покосилась на экран, где показывали новости, и застыла, увидев там собственное лицо, когда поняла, что это не репортаж об их прилете в Мекку. Собрав волю в кулак, она как ни в чем не бывало отвела взгляд и потянулась почесать Рыжинку под подбородком.

Мужчина заметил ее движение и обернулся к экрану. Бета непроизвольно посмотрела туда снова — ее лицо уже растворилось в строчках текста. Мужчина озадаченно взглянул на нее, помотал головой, скорчил вежливую гримаску.

— Не обращайте внимания на экран. Мы все время новости крутим, чтобы быть в курсе, как дела у конкурентов. Считайте, что это помехи. Журналюги все равно пишут только то, за что им платят.

Он ткнул пальцем в распечатку, медленно опускавшуюся к мусорной корзинке. Рыжинка прыгнула за ней, не рассчитала и перевернула корзинку. Бумаги закружились в воздухе.

— Эй, малышка, осторожней… — пробормотала женщина, взволнованно сжав кулаки.

— С ней все будет в порядке, — заверила Бета, ненавидя себя за прорвавшееся в голосе облегчение.

На лице женщины возникло выражение легко-

го неодобрения.

— Вы не против, если мы посмотрим на ваш корабль?

Бета взглянула на мужчину.

— Нет–нет. Но он, э-э, на другом конце аст… скалы.

Он кивнул.

— Нет проблем.

Под стеноэкраном имелась небольшая панель. Он переместился к ней.

— Как он называется?

— *Лэнсинг-04.*

Он изменил какие-то настройки. Новостная лента исчезла.

— Так, *Лэнсинг-04*… ум–хумм. — Бета увидела корабль, снятый на выбеленном солнцем взлетно–посадочном поле; картинка была болезненно контрастная. — Думаю, что для перевозки тысячи тонн такого корабля хватит. А сколько он весит?

— Без топлива и груза — двадцать тонн.

— Мы просто хотим быть уверены. — Он поднял глаза. — Однако возвращаться в Лэнсинг вам придется долгонько. Долгие мегасекунды.

Она следила за его лицом, ища признаков недоволь–ства, но видела лишь легкое сочувствие.

— Мы справимся. У нас нет выбора.

— Да, понимаю. — Взгляд мужчины переместился с Беты на Теневика Джека. В нем проявилось уважительное восхищение. — Хорошо. Приступаем к обработке заказа.

Рыжинка, дрейфуя в облаке распечаток, столкнулась с краем столешницы и громко мяукнула.

— Ой–ой, — мужчина обернулся, почти отчаянным движением дернувшись к ней. — Папа нас убьет, если что-нибудь случится с…

Он замолчал, отпустил кошку и схватил проплывавший мимо лист. Бета увидела собственное лицо в окружении текстовых строчек, на сей раз оно не исчезло.

— … инопланетным звездолетом…

Теневик Джек тихо, безнадежно выругался. Она отлетела в сторону и вцепилась в край конторки так, что пальцы покраснели.

Тирики обернулись к ней.

— Это вы, — проговорил мужчина, глядя на нее во все глаза. — Вы с того звездолета.

— И вы пришли к нам, — прошептала женщина.

По ее лицу расползалась бессознательная, полная неприкрытой алчности усмешка, которую Бета уже видела недавно — у женщины в челночном вагоне.

— Не понимаю, — упрямо ответила она. — Вы видели наш корабль, мы из Основного Пояса. Многие нас снимали на космодроме…

— Я не про этот снимок. — Женщина покачала головой, по ее черным волосам пробежала рябь. Бета видела, как та что-то напряженно вспоминает, оценивает. — Мы про вас знаем с тех самых пор, как вы появились в системе. Более мегасекунды.

— И вы прилетели не на том корабле, какой нам показали, он бы за мегасекунду не… — Мужчина снова воззрился на Теневика Джека. — Ты из Пояса. Наверняка это твой корабль. Ты вообще кто? Снежный пират?

— Никакие мы не пираты. — Бета поймала Рыжинку и прижала ее к своему скафандру. — Мы предложили сделку. Эта кошка в обмен на водород. У нас нет больше ничего, что могло бы вас заинтересовать. Просто оформите сделку, и мы…

— Извините, но нет. — Мужчина глядел, как опускается в воздухе бумажная спираль. — Боюсь, мы *крайне* заинтересованы в корабле, который способен преодолеть расстояние от Диска… до Основного Пояса… а оттуда к Демархии… — Бета видела, как он прикидывает в уме параметры, — за полторы мегасекунды.

Она мрачно задумалась, как бы он отреагировал, узнав, что в действительности им на это потребуется втрое меньше времени.

— Чего же вы в таком случае от нас хотите? — Она знала, каков будет ответ, и понимала, что способа выбраться из Мекки незамеченными нет. Она провалила задание.

— Они хотят отобрать у тебя корабль! Валим отсюда, — Теневик Джек метнулся к двери, раздвинул створки люка и застыл. Бета обернулась. Перед ним возник чиновник из вагона, облаченный в винно–красную, украшенную безукоризненной вышивкой куртку. *Безукоризнен.* Глаза мужчины на миг сосредоточились на ней, потом снова на Теневике Джеке. Вид у него был недоверчивый: она поняла, что его несколько смутили растрепанные грязные волосы и лица в полосах засохшего пота. Но не ее бледная кожа — по его глазам было видно, что лицо Беты не явилось для него сюрпризом.

— Капитан Торгюссен, — поклонился он. — Вы не из Лэнсинга, я так понимаю?

— У вас передо мною преимущество, — откликнулась Бета. — Боюсь, что если мы и знакомы, то я позабыла ваше имя.

Он улыбнулся. Потом отвесил поклон Тирики,

и улыбка стала жесткой.

— Да–да, так что именно намерены Тирики получить от звездолетчиков?

Он сгреб Теневика Джека за ворот скафандра и без усилий втолкнул обратно в комнату.

— Думаю, мальчуган, ты не шутил, когда ответил на вопрос об избранном тобой роде деятельности.

— Вы кто? — презрительно бросила женщина.

— Я Вади Абдиамаль, представитель правительства Демархии.

— Правительства? — кисло поморщился мужчина. — Абдиамаль, это не ваше дело. Убирайтесь отсюда, а не то заимеете проблемы.

— Это посягательство на монополию, Тирики. Думаю, вы понимаете, о чем я. Я тут по делу. Я прилетел в Мекку именно для встречи с этими людьми и их кораблем. Правительство заявляет на него свои права во имя Народа и интересов Демархии.

— Абдиамаль, заявка вашего правительства ни на чем не основана. — Мужчина опустил взгляд на свое отражение в крышке стола и старательно поправил мягкий берет. — Вы понимаете, что подкрепить ее нечем. Мы первые начали переговоры с этими двумя, и так будет дальше.

— Общественное мнение поддержит меня. Никто не позволит Тирики перехватить полный контроль за кораблем. Я созываю заседание…

— Да, пожалуйста, — мужчина сделал жест. — Можете воспользоваться моим экраном. Мы расскажем людям, как правительство хочет наложить лапы на звездолет в обход Народа Демархии. Вас даже слушать не станут. Лучше убирайтесь отсюда, пока не случилось сами знаете что. Я имею в виду — совсем убирайтесь, с концами.

— Но звездолета вы не получите, а только это имеет для меня значение. Созывайте ассамблею.

Женщина двинулась к экрану.

— Так, минуточку, черт побери, минуточку! — Бета в отчаянии развернулась и приковала всех к месту одним взглядом. — Шестьдесят секунд. Там, откуда я прилетела, это одна минута. Дайте мне время, чтобы объяснить кое–какие детали насчет *моего* корабля: вы их, полагаю, упускаете из виду. Во–первых, это мой корабль. Во–вторых, только я знаю, где он. В-третьих, если вы думаете, что сумеете перехватить контроль над ним против моей воли и полного сотрудничества, то ошибаетесь. Мой экипаж уничтожит его, не позволив вам этого сделать, и вместе с собой мы заберем любой корабль, который окажется в тот момент в

радиусе трех тысяч километров. — Теневик Джек придвинулся к ней, вопросительно поглядев на Бету. Остальные молчали, но фрустрация и алчность, как языки пламени, полыхали на их лицах. — Теперь вот что. Вы, кажется, достигли равновесия сил. Но я прилетела сюда заключить сделку, и мне по–прежнему нужно ее заключить, поскольку выбора у меня нет. Сомневаюсь, впрочем, чтобы вы позволили нам улететь восвояси. Итак… предположим, каждый из вас расскажет мне, для чего вам так настоятельно необходим мой корабль, а потом я отвечу, кому он достанется. Было бы также весьма любезно с вашей стороны объяснить, какую роль в своих планах вы отводите *мне*.

Рыжинка начала вырываться, цепляясь когтями за скользкий скафандр. Она заметила, как взгляд Абдиамаля скользнул на кошку; тот улыбнулся с неуместным детским восторгом, потом снова встретился глазами с Бетой. И промолчал. Ждет, пока выскажутся оппоненты, подумала она.

— Итак?

Она отвернулась. Ее терзал страх: страх перед ним, страх перед собой, страх, что он это почувствует.

Тирики о чем-то вполголоса переговаривались. Прекрасные и решительные, они наконец повернулись к ней:

— Ваш корабль послужит нашему бизнесу и произведет революцию в торговле Демархии. Так получилось, что мы не можем себе позволить добывать снег там, где его в изобилии, а вынуждены отправляться на Кольца; для кораблей с ЭЯРД это нелегкая задача. А Кольцевики ее дополнительно усложняют, понимая, что мы не предпримем никаких действий, угрожавших бы отведенной нам доле газов. С вашим кораблем мы освободимся от этой зависимости. Ваш корабль повысит качество жизни в Демархии… За вами сохранится должность капитана. Мы будем хорошо вам платить как сотруднице компании. Вы станете частью самой богатой, самой могущественной корпорации в Демархии…

— А если Демархия посмеет возражать, компания применит ваш корабль как супероружие и учинит государственный переворот, — сказал Абдиамаль, поймав ее взгляд.

У нее веки задергались; Абдиамаль перед глазами расфокусировался. Она отрицательно тряхнула головой.

— Никто не сможет использовать мой корабль

как оружие. Даже вы, Абдиамаль, если он вам за этим потребовался.

— Правительству он нужен, чтобы не попал в нехорошие руки: если его использовать как оружие, начнется новая гражданская война, а мы еще от предыдущей, Господь свидетель, не оправились. Кто-то должен заботиться, чтобы корабль нес Демархии благо, а не повернулся против нас. Это может оказаться тем самым стимулом, какой нам нужен для воскрешения всего Пояса. Ваши технологии, доступные на борту! С ними нам, возможно, удастся скопировать ваш прямоточный двигатель, построить собственный флот, восстановить более–менее регулярное сообщение за пределами Демархии. Вы поможете нам…

— Не слушайте его! — воскликнула женщина. — Правительство — это мы. Мы, люди. Он не обладает никакими полномочиями. Ваш корабль захотят заполучить все, они вас на части разорвут. Он вас не прикроет. Оставайтесь с нами. Мы о вас позаботимся. — Она подняла руки. — Вам больше не к кому обратиться.

Бета понимала угрозу, скрытую за этими словами.

— Да уж, позаботятся они о тебе, это точно, — прошептал Теневик Джек. Его рука в перчатке

сжала руку Беты так крепко, что оставила синяки.
— Бета, не делай глупостей! Они все врут. Нельзя никому доверять.

— Теневик Джек, — она медленно обернулась к нему, все еще скованная его хваткой, и поймала взгляд. Он медленно разжал пальцы; гнев улетучился, лицо стало бесстрастным. — А как насчет водорода… для Лэнсинга?

— Мы отправим им груз. Все, что понадобится.

— А вы? — Она снова посмотрела на Абдиамаля. — Правда ли, что ваши обещания ничем не подкреплены?

— Правительство работает на благо Демархии, и только. Почему бы не спросить мнения Демархии? Мы созываем общее заседание ассамблеи, а вы рассказываете про свой корабль. Всем открываете его координаты, но предупреждаете, чтобы держались подальше: говорите то же, что сказали нам. Никто не получит безосновательного преимущества. Я объясню, какое значение может иметь ваш корабль для всех, для всего Пояса. Все смогут предложить свои решения и проголосовать за оптимальный вариант, как и должно быть. Демархия не желает вам зла, капитан. Но нам требуется ваше содействие. Называйте любую цену за него, какую хотите.

— Любую, кроме билета домой, — Теневик Джек шарил глазами по ее лицу; она отворачивалась.

— Хорошо, — она потянулась за переноской Рыжинки и принудила себя снова посмотреть на Абдиамаля. — Абдиамаль, попробуем ваш способ…

Он улыбнулся, и она не увидела в этой улыбке ничего подозрительного, борясь с желанием довериться ему.

— Спасибо. — Он развернулся к Тирики. — Созывайте собрание.

— Нет. Подождите. — Бета покачала головой. — Не здесь. Я хочу обратиться к ассамблее с борта своего корабля. Если станет известно, где он, обязательно найдется какой-нибудь псих, которому приспичит его захватить. Кроме того, я должна отменить данные ранее приказы, чтобы не потерять корабль сама. Я уверена, что и вам этого не хотелось бы, так? — Она посмотрела на него. — Мы возьмем вас на борт и проведем трансляцию оттуда… В конце концов, корабль же никуда не денется без топлива, разве нет?

— Думаю, так. И, скорее всего, вы правы. — Он кивнул и глянул на Тирики. — Хорошо, я согласен с вашими условиями.

— Можете их себе засунуть сами знаете куда,

Абдиамаль, — ехидно произнес Эсром Тирики. — У нас будет куча времени, чтобы растрепать на все скалы об этом происшествии; журналисты вас на клочки разорвут. Когда надумаете созывать ассамблею, то уже станете врагом Народа номер один. Никто не станет вас слушать, ручаюсь.

Его рука сделала рубящий жест в воздухе вдоль конторки.

Улыбка Абдиамаля стала напряженной.

— Тогда я предпочел бы удалиться.

Она затолкала протестующую Рыжинку обратно в переноску и закрыла крышку с некоторым удовлетворением от того, что жертвоприношение отменяется. Тирики завистливо следили за ней. Бета слегка улыбнулась.

— Как ты можешь улыбаться после всего?.. — проворчал Теневик Джек, поднимая шлем.

Она мягко ответила:

— Разве я тебе не говорила, что причина для улыбки всегда найдется.

***Лэнсинг-04* и *Рейнджер*, зона Демархии, +1.73 мегасекунды**

Вади Абдиамаль смотрел, как увеличивается звездолет на экранах тесной вонючей пилотской рубки *Лэнсинга-04*. Пропорционально видимым размерам корабля росли его восхищение и

неподдельное изумление. Вот он, Корабль Извне, аппарат, способный путешествовать в межзвездном пространстве на межзвездных скоростях, его очертания стремительны, шелково–грациозны, всецело диктуются задачей противостоять коррозии на встречном ветру элементарных частиц. Корабль и близко не походил на угловатые уродливые суда, которые Вади всю жизнь видел; его форма излучала совершенство прагматизма, и ничего подобного в Небесной системе не существовало уже несколько поколений. Довоенные звездолеты Небесного Пояса во время конфликта переделали в самые смертоносные боевые корабли — и все они погибли по мере того, как лишились доступа к основным ингредиентам жизни, а деликатное равновесие выживания было разрушено. В конце концов Основной Пояс превратился в просторный мавзолей, и немногочисленные выжившие таяли, словно клочки снега…

Он опустил взгляд и посмотрел в затылок Теневику Джеку. У самого Вади голова болела нестерпимо. Потом он снова поглядел на экран, считая секунды до стыковки. Пускай эта гавань и не такова, как ему представлялось, но все ж являет собой надежное убежище от вони, царив-

шей на протяжении двухсот килосекунд в этом гробу из металлолома, в обществе унылого враждебного юнца и низкорослой женщины крепкого телосложения, которую легко было принять за мужчину — это свойственно всем женщинам, пробившимся в космос. Он наблюдал, как та гладит кошку над мерно гудящей панелью управления, как поблескивают кольца на ее пальцах. Он покосился на золотое кольцо с рубином на своей руке, принятое в дар от другой космолетчицы и ее мужчины, и с усталым любопытством подумал, что странно женщине, которая не заботится о своей внешности, носить столько колец.

Звездолет на экране заслонил звезды; Вади неприметно воспользовался своей порцией воды, чтобы омыть лицо и руки.

Это не корабль, Вади, проталкиваясь через воздушный шлюз *Рейнджера* в раскрывшуюся перед ним комнату, посторонился. *Это целый мир.*

— Вот рубка управления, — грубовато–хриплым голосом прокомментировала капитан, пробираясь мимо него. Он услышал клацанье: Теневик Джек все еще возился со своим скафандром в переходном тамбуре позади. Вади глубоко вдохнул прохладный чистый воздух и закашлялся — подвели долго пребывавшие в напряжении легкие.

— Привет, пап.

Капитан оттолкнулась от переборки с неуловимой неуклюжестью: более чужеродный признак, нежели черты лица или цвет волос. Переместилась через просторную рубку к панели с аппаратурой. Он вдруг осознал, что помещение не пустовало и что его внимательно изучают девчонка и бледнокожий коротышка.

— Бета?..

В кустистой бороде человека зародилась широкая улыбка. Старик. Слишком он стар, чтобы до сих пор летать в космосе, чтобы до сих пор держаться так бодро… Худощавая девчонка с коричневой кожей вообще на него не смотрела — только сквозь него. Явная Поясница, в странных выцветших штанах, перехваченных широким

для нее ремнем.

— Ты хочешь сказать, что это и всё? — Старик ткнул в Вади жестом отчасти шутливым, отчасти оскорбленным. — Этот вот чудик — всё, что тебе удалось выторговать за нашу Рыжинку?

Капитан покачала головой и ответила с веселой небрежностью:

— Не–ет, пап, сказки про Теневика Джека и бобовый стебель разыграть не получилось. И курицы, несущей золотые яйца, мы не привезли. Может статься, все это время мы сами были курицей, несущей золотые яйца, но не понимали, кем являемся.

Мимо Вади с кошкой на руках протолкался Теневик Джек. Мальчишка подбросил зверька в воздух, и кошка с удивительной грацией двинулась через рубку, безошибочно использовав приданный его толчком импульс.

— Рыжинка!

Рыжинка издала протяжное довольное мяуканье и свернула в знакомые руки старика.

Лицо девчонки из Пояса удивило его: при виде Теневика Джека в ее глазах сверкнуло дикарское счастье. Он отвернулся и посмотрел на старика.

— Я, Вади Абдиамаль, представляю здесь Демархию. Я обычно лучше выгляжу, не подумайте

чего, но, боюсь, две сотни килосекунд в этой крысоловке скверно сказались на моей внешности.

Старик рассмеялся.

Теневик Джек бросил взгляд на Вади.

— Как-нибудь при случае попробуй провести в ней пару мегасекунд.

Капитан перемещалась в воздухе вдоль консоли. Ее лицо снова избороздили мрачные мимические морщинки усталости и напряжения.

— Адская поездочка вышла, пап. Я не хотела, чтоб ты еще сближался с Демархией. Но это чудо, что системы жизнеобеспечения не отказали. Экипаж из двух человек эта консервная банка с трудом выдерживала, а уж из трех… — Она потерла лицо руками, на ладонях остались полоски грязи и пота. — Два дня были тяжелей, чем все две недели до того. Но мы были вынуждены забрать его с собой. Иначе бы вообще не выбрались. Их коммуникации феноменально хороши; про нас всё уже всем известно — на каждом булыжнике. И на каждом булыжнике только того и хотят, что отнять у нас корабль да включить режим Бога — в точности как Кольцевики. Мы никому тут не вправе довериться. Если нам водород нужен, придется полететь и забрать его силой.

— Капитан Торгюссен, — перебил Вади, — пра-

вительство всего лишь стремится к…

— Абдиамаль, я в курсе, чего вам надо. Вам нужен корабль. Вы достаточно четко очертили свои намерения. Но сперва пусть Демархия попробует нас догнать. — Взгляд ее синих глаз пронзил его, словно стеклянным осколком. — Абдиамаль, простите, но вы на нашей территории. Считайте, что вы наш заложник.

Теневик Джек расхохотался, продолжая сидеть в воздухе. Девчонка переместилась от консоли ближе к нему. Лицо ее было бесстрастным.

Вади промолчал. Он видел, что капитан колеблется.

— Вы, кажется, не удивлены. Вы не поверили тому, что я вам наплела в Мекке, но все равно позволили себя пленить?

— Я не знал, можно вам верить или нет. После всего, через что вам пришлось пройти, приказ о превентивном уничтожении корабля казался вполне вероятным решением. Я не хотел так рисковать. И с Тирики не хотел дурака валять. Ну а если вы солгали насчет готовности к сотрудничеству, что же, гм, я уже на борту вашего корабля, и это дает мне дополнительную возможность повлиять на ваше умонастроение. Небесному Поясу нужна ваша помощь.

— Ничего мы вам не должны. Мы в Небесном Поясе не видели ничего, кроме проявлений агрессии и алчности.

— А зачем же вы сюда направились, как не с целью установить торговлю — в предположении, что у нас дела идут превосходно? Почему вы отказываете нам в разумном эгоизме? Сто миллионов человек погибло за первую сотню мегасекунд после войны, это почти все население Основного Пояса. А выжившие… — Он указал на Теневика Джека и девчонку. — Вы на Лэнсинг посмотрите. Они не протянут до нового оборота вокруг Небес. И всех нас ждет та же участь, рано или поздно, если мы не заполучим ваш корабль.

Она нахмурилась, зацепившись подошвой за предохранительный поручень на краю панели.

— Остается непреложной истиной другое: мы в своем праве, как человеческие существа, не отдавать его вам и, при желании, покинуть вашу систему. Да, мы прибыли сюда с торговой миссией, потому что мнили Небеса источником желательных для нас технологий. Но вам нечем с нами торговать, а жертвовать ради вас кораблем и остатком своих жизней непозволительно. Утренняя Сторона не так богата ресурсами, чтобы ими бездумно расшвыриваться.

— Я… признаю, мы не подумали, какова может быть… ваша позиция… — Он осекся, поняв, что выглядит крайне глупо. — Мы совершили ошибку, не задумавшись, какова может быть ваша позиция. Но мы не Кольцевики, нам не просто ваш корабль нужен, а сотрудничество с вами. Возможно, мы сумеем предоставить вам кое-что из того, ради чего вы прилетели. Ждать до скончания века не придется. Располагая доступом на ваш корабль, к реактору и мастерской, мы выполним ваше требование за… думаю, ста пятидесяти мегасекунд хватит. Это честный торг. — Частью сознания, споривший с Маквонгом, он безмолвно усомнился: *правда, что ли?* Дети Пояса с недоверием разглядывали его. Было ясно, что внешники вызывают у них куда больше симпатии, чем обитатель одной с ними системы.

Капитан ни секунды не зависала на одном месте.

— Я вам не верю. Все, что я видела, свидетельствует в пользу мнения, что полагаться на Демархию нельзя. Вы и друг на друга-то положиться не в состоянии. Пускай даже вы искренни в каждом слове, кто-нибудь другой воспримет это как ложь и попробует атаковать нас. Абдиамаль, я не слепа, я вижу, что тут произошло, и пони-

маю, что вам действительно нужна помощь. Мне бы хоть одно убедительное доказательство, что Демархии можно доверять. Но я его не получила. Мы не можем вам помочь: вы сами не дадите. Это невозможно.

— Капитан, я…

— Вопрос исчерпан. — Что-то в ее голосе без слов подтвердило — это так, и повод к тому был куда серьезнее обычной измены доверию.

Он не понял, в чем дело, но кивнул, примиряясь с усталостью и поражением.

— До какого момента прикажете считать себя вашим заложником, капитан?

Ее глаза забегали, потом омрачились.

— Не знаю… Чем бы все это ни завершилось, каков бы пи был конец, хороший или плохой… надо думать, то будет и ваш конец тоже. Вы помогли нам выбраться из переделки, Абдиамаль, сами того не желая, но помогли. Я попытаюсь быть с вами такой же честной. Если мы получим необходимый водород, я найду способ возвратить вас в Демархию прежде, чем покину систему. Вы испытаете лишь… временные неудобства. — На миг у псе сделался странный вид; обернувшись, она коснулась руки старика. — О Боже, пап, как я устала. Как я рада вернуться. — Тот притянул

ее близко к себе… слишком близко… и держал в объятиях, пока женщина не высвободилась, коротко и нежно поцеловав его.

Да он же ей и правда в отцы годится, подумал Вади с удивлением и отвращением; у него уголки рта поехали вниз, но он успел прикрыться ладонью прежде, чем на него оглянулись. В просторной пустой рубке их всего четверо, и двое — Поясники. Слишком просторно…

— А где остальные члены вашего экипажа?

Старик покосился на капитана; женщина покачала головой.

— Неважно. Он в любом случае узнает, и довольно скоро. — Рука ее уткнулась в экран и сжалась в кулак. — Все погибли на Диске. И мы возвращаемся. Папа, курс на Диск. Нельзя рисковать и задерживаться здесь. Мы возьмем у Кольцевиков то, что нам требуется, Абдиамаль, любыми средствами, и меня это вполне устроит. — Она с воинственным упрямством оглядела его и развернулась к Теневику Джеку с девчонкой. — Улетаем отсюда, и поскорее. Хочу убедиться, что в Демархии никто не способен за нами угнаться. Пять–шесть дней на 1*g* — и мы уже у Колец.

— Оно того стоит, — Теневик Джек пощелкал пальцами. Губы девчонки сжались в тонкую

линию. Она кивнула. Придвинулась ближе к Теневику Джеку, слегка погладила его по голой ноге. Он раздраженно опустил на нее взгляд, но не воспротивился.

— Пить хочешь? — спросила девчонка. Он распрямился из позы, в которой полулежал в воздухе, и с внезапной улыбкой утер рот ладонью.

— Ага!

Они оттолкнулись от переборки и вылетели из комнаты.

Старик остался пристегнутым к креслу и начал работать за консолью. Капитан взяла из воздуха карандаш и непонятный металлический кубик, а кошку запихнула в открывшееся посередине переборки отверстие.

— Капитан…

Она двинулась обратно к панели управления.

— Что?

— Я прошу разрешения воспользоваться вашим радио.

— Не разрешаю. — Она достигла кресла и опустилась в него.

— Но я…

— Не разрешаю.

Она повернулась к нему спиной и, всем видом показав, что разговор окончен, взялась за работу.

Он ждал, изучая безвкусное сочетание бледно–голубых переборок с зеленым ковриком. Заметил полосу более насыщенного синего цвета на стене, стрелку и надпись **НИЗ**.

— Лэнсингский корабль в безопасности. Координаты введены, пап?

— Да. Ждут тебя.

— Ясно. Старт через… тридцать секунд. Внимание всем: ноги на пол!

Последнюю команду она отдала в интерком, и слова эти эхом раскатились по пустому сердцу корабля. Вади смотрел, как руки капитана танцуют над панелью. Зачем ему на плечи легла знакомая рука силы тяжести. Нажим начал усиливаться. Ноги коснулись пола, но их продолжало пригибать; ощущение перестало быть легким, а потом и комфортным. Он попятился, схватился за проходящий вдоль переборки поручень и вспомнил тридцать секунд при 1*g* на корабле Кольцевиков. Он понял, каково ему придется в следующие пятьсот тысяч секунд. Мышцы болезненно выкручивало, синяя полоса на голубой переборке приковала взгляд: **НИЗ**… Руки напряглись, но он выпрямился, терпя боль и игнорируя удары сердца по ребрам, сравнимые с кулачными.

Он полностью распрямился и, когда тяга гра-

витации перестала увеличиваться, осторожно отошел от переборки. У него все завертелось перед глазами, но он старался контролировать это ощущение, чтобы не потерять равновесие в момент, когда капитан и старик будут выбираться из своих кресел. Они поглядели на него с предсказуемой жалостью; кошка вылезла из своего укрытия, отодвинув пластиковую загородку, обошла вокруг его ног, утешающе лизнула язычком ногу в сапоге. Он скрестил руки на груди, посмотрел на нее, затем на двоих в другом конце рубки. И слабо улыбнулся.

Капитан развернулась и вышла. Кошка утянулась следом, хвост ее развевался, как штандарт.

— Вас Абдиамаль зовут, да?

Старик приближался, протягивая ему руку.

— А я Уэлкин, навигатор *Рейнджера*.

Вади кивнул, пожал руку и задумался, чем продиктован такой поступок. Он заметил, что на руке Уэлкина тоже много золотых украшений, как и у Беты Торгюссен, а рукопожатие сильное и честное… А старикан вполне крепок, раз в состоянии переносить 1*g*, ускорение в десять метров за квадратную секунду — гравитацию Древней Земли. Вот каково было жить на Земле. Где-то внизу прозвучал удар, следом долетел вопль

Теневика Джека:

— Черт побери!

Неудивительно, что эту систему прозвали Небесной.

***Рейнджер*, в полете из Демархии к Диску, +2.25 мегасекунды**

Спустя пятьдесят килосекунд Вади взбирался по безлюдной шахте, делая один шаг за другим; ползти было бы легче, ведь никто не видит, но он твердо настроился сохранять видимость контроля за чем-либо, пускай и лишь за собственным достоинством. Он обследовал нижние уровни жилой зоны корабля: каюты экипажа, чужеродно пышную лабораторию гидропоники, где растения превосходно адаптировались к 1*g*, наконец, мастерскую — зрелище последней вызвало в нем что-то сродни голоду. Он повидал тут всё, кроме зоны на втором ярусе, где перед запертой дверью вспыхивал тревожный красный маячок. И повсюду лицезрел невероятную расточительность в использовании воздуха, воды, жилого пространства, сочетавшуюся с крайним, по сравнению с замысловатыми интерьерами Демархии, аскетизмом отделки. Его забавляла мысль, что обитатели Утренней Стороны мнят себя беднями, а по меркам его народа — неслыханные

богачи.

Он достиг верхнего яруса и облокотился на поручень, пережидая приступ тошноты. Сердце понемногу успокоилось. В вертикальном положении находиться было тяжело, тупо ныли мышцы, а при каждом шаге трясущиеся ноги точно раскаленная колючая проволока взрезала. Он постарался привести себя в порядок и только затем вошел в рубку.

Остальные уже ожидали его, наблюдая за чем-то на экране. Капитан и Уэлкин устроились в креслах, Теневик Джек с девчонкой валялись на коврике, распределив свой вес по максимальной доступной площади опоры. Девочка пыталась отжиматься от пола, но тело ее не слушалось, колени цепенели, локти дрожали под его взглядом. Она бессильно грянулась лицом вниз на подушечку, полежала в позе распятого орла на полу, признав поражение.

— Не могу.

— Ну и не надо, — бросил Теневик Джек и добавил уже мягче: — Птичка Алин, не беспокойся, скоро уже конец. Нет нужды свыкаться с этим. — Он подбросил в воздух игральные карты и пронаблюдал, как с невероятной быстротой опадают они на пол. — Смотри, кто проснулся! — Он

оглянулся через плечо; кошка спрыгнула с плеча и расселась на картах.

Вади с деланной небрежностью поклонился в знак приветствия, и ему стоило немалых трудов сохранить равновесие. Реакции не последовало. Он с неудовольствием отметил, что рассчитывать на ответную вежливость тут не вправе. Пираты, блин! Но он подавил улыбку, поскольку вспомнил, чем, собственно, занимались жители Пояса в эпоху, когда существовал только один населенный Пояс Астероидов, у Солнца Земли. Лицо капитана теперь казалось чище, как и ее красивые, коротко остриженные волосы. В ее глазах возникло какое-то странное выражение; она опустила голову и закурила трубку. Сладковато–дразнящий запах курительной смеси пробудил в нем парадоксальные, инстинктивные думы о невиданном и несбыточном.

— По крайней мере, — заметил Уэлкин, — выглядите вы сейчас получше.

Вади опустил взгляд и осмотрел себя: синяя рабочая рубаха из хлопковой ткани, синие же джинсы. Штанины оканчивались сантиметрах в десяти выше щиколоток. Он вынужден был заправить их в высокие начищенные сапоги: сохранять равновесие в этой обуви было легче,

но сапоги казались тяжелей свинцовых.

— По крайней мере, я вымылся.

Он аккуратно переступил порог и двинулся через рубку, старательно держа спину прямо, а голову высоко. Достиг ближайшего крутящегося кресла, сел, откинулся на спинку и снова задышал. Девчонка изумленно уставилась на него. Теневик Джек нахмурился, что-то пробормотал, отвел взгляд и спихнул кошку с рассыпавшихся карт.

— Капитан? — Вади повернулся вместе с креслом, перебирая в памяти заготовленные аргументы. Когда он понял, что именно отображается на экране, то замер. — Вы отслеживаете комм–траффик Демархии?

На ярком экране виднелись шесть раздельных изображений, каждое соответствало какой-либо частоте широковещательной трансляции. Он узнал новостной канал, три корпоративных рекламных и два, отведенных под местные арбитражные дебаты.

Капитан кивнула.

— Это… просветляет мозги.

— Тирики сообщали что–то о вашем корабле?

— Да, в новостях было, и потом… — Она обернулась к экрану. Два сегмента вдруг исчезли, им

на смену явилась восьмиконечная звезда, охваченная золотой слезой на черном фоне. Под их взглядами этот символ распространился на оставшиеся сегменты. — Абдиамаль, что это такое?

— Это сигнал к общему собранию ассамблеи. Любой демарх, желающий принять в нем участие, может подключиться к дебатам и высказаться по обсуждаемому вопросу, в том числе ветировать решение.

Он вспомнил, что они покинули Мекку двести пятьдесят килосекунд назад, а с момента его последнего доклада правительству времени прошло еще больше. Его охватила тревога.

— Я думаю, дебаты касаются вашего корабля и ситуации с ним в Мекке. Тирики наверняка растрезвонили по всем скалам, стоило нам только улететь. А от меня ни слова! Я бы хотел понаблюдать за дебатами. И, если вы предоставите мне доступ к открытому каналу, выступить в свою защиту.

Она отложила трубку.

— Хорошо, мы проследим за дебатами. Слушайте, но говорить я вам не дам.

— Почему? На корабле все чисто. К тому же за вами можно следить по выхлопу двигателя, радиоперехват не…

— Я не хочу, чтоб им стали известны наши планы. Лучше пусть гадают о них сами, чем получат от вас информацию.

— Капитан, мне нужно с ними поговорить. Мне это совещание может стоить работы. — Они невозмутимо взглянули на него. Вади подавил раздражение. — Вы… имели дело с нашей комм–сетью. Довоенная разработка. Она все еще функционирует. И это она сшивает воедино Демархию: у каждого демарха равный приоритет, любой вправе транслировать по сети что угодно. Все, кого это касается или просто интересует, могут принять участие в дебатах. Если необходимо, проводится всеобщее голосование, и его результат становится законом.

— Охлократия? — спросил Уэлкин. — Тирания большинства?

— Нет! — Он обвел пальцем тонкую золотистую слезу на экране, символ троянских астероидов, раскинутых в такой конфигурации на сто пятьдесят миллионов километров. — Не здесь! Нельзя установить господство толпы через миллионы километров космоса. Интересы голосующих связаны с их собственной скалой. Они превыше всего ценят независимость, информированность и право судить. Это, образно говоря, палата пэров.

— Тогда почему вы переживаете за свою работу?

— Потому что я не могу себя защищать, а Тирики вольны наговорить про нас любое. Если меня никто не услышит, что думать слушателям? Они примут все за чистую монету. Мой начальник будет вынужден отвечать вместо меня, а он даже не знает, что со мной. Если я не отвечу, то утяну их за собой. Правительство в неспокойных водах, раскачивать лодку смерти подобно.

Капитан подалась вперед, сложив руки вместе и прижав друг к другу.

— Простите, Абдиамаль, но о такой вероятности вы обязаны были подумать прежде, чем отправиться со мной. Я не могу сейчас дать вам слово. Все еще хотите послушать?

Он кивнул. Все символы, кроме одного, исчезли с экрана. Он дождался, пока время, отведенное на подключение, истечет, и померкнет последний. Началось заседание генеральной ассамблеи.

— …следовало уже пустить за ними в погоню наши термоядерные… — Вади умостил затылок на подголовнике кресла и продолжил наблюдать, как на экране витийствует Лицзэ Маквонг. — Мы сделали все, что было в наших силах, дабы наилучшим образом исполнить волю Народа

Демархии. Но слишком много еще неясностей, поскольку знаем мы лишь то, что известно и вам. Я гражданский служащий, ни больше ни меньше. Если мне будет приказано оставить работу на благо Народа, пусть так. Ваша привилегия. Но мне не кажется, что я как-либо обманул ваше доверие.

В нижней части экрана голубая полоса постепенно сменялась фиолетовой: степень охвата превысила восемьдесят процентов населения и продолжала увеличиваться.

Вади смотрел на сложенные поверх украшенной гаргульями столешницы коричневые руки с наманикюренными ногтями и в бледные настойчивые глаза, обладатель которых ранее уже бросал Демархии вызов — и побеждал. Внезапно они исчезли. Потянулись секунды.

ВОЗРАЖЕНИЕ: ЭСРОМ ТИРИКИ.

Вади сжал губы. Суровое золотистое лицо Тирики возникло на экране, глаза сверкали металлическим блеском.

— Остается непреложным фактом, что правительственные…

Капитан откинулась в кресле, беззвучно постукивая пальцами по подлокотникам.

— Пап, это один из местных троллей. Красав-

чик, э?

Она подняла голову.

— И он жаждет нашей крови. Как бишь? *Дух британца чую там, мертвый он или живой, попадет на завтрак мой.* — Она помолчала, глубоко вздохнула. — *Джек и Бобовый Стебель*, мать их перемать. Абдиамаль, а какие такие термоядерники он упоминал? Мне казалось, вы подтвердили, что Демархия зависит от атомных реакторов и ЭЯРД.

Он кивнул.

— Да. У нас осталось три термоядерных корабля, небольших, еще довоенных. Это наш космофлот, если его можно так назвать. Но ваша фора перед ними значительна. Они не успеют вас догнать прежде прибытия к Диску.

— Но это значит, что у Диска времени на маневры останется меньше.

— …правительственный посредник Абдиамаль, угрожая нам, похитил внешников, которые явились с торговой миссией. Двести килосекунд, а от него ни звука. Их знания могли оказаться неоценимыми для всей Демархии, да что там, спасительными для Небесной системы, а теперь корабль и его команда потеряны для нас, и все это по вине *правительственного агента*! Учтите это обстоятельство при финальном голосовании.

Светящаяся полоска в нижней части экрана наливалась все более интенсивным фиолетовым огнем.

Руки Вади сжались в воздухе. На экране возникло:

ВОЗРАЖЕНИЕ: ЛИЦЗЭ МАКВОНГ.

— Как ни прискорбно, а спорить с последним утверждением демарха Тирики я не могу. Вади Абдиамаль, посредник моего агентства, превысил полномочия до такой степени, что его действия заслуживают именования криминальных. В прошлом он давал поводы сомневаться в своей лояльности. Он известный симпатик Кольцевиков, и кажется вероятным, что именно с ними он стакнулся, чтобы использовать против нас этот корабль. Я подчеркну лишь, что он действует без моего ведома и без санкции кого бы то ни было из правительственных чиновников. Агентство не замешано в этом деле и не было замешано никогда. Он совершил преступление в одиночку и, как любой другой преступник на его месте, должен быть предан суду.

Вади выпрямился в кресле, почувствовав, как шею сжимают невидимые тиски.

— …в измене Демархии…

— Лицзэ! — прошептал он, не веря своим ушам,

желая, чтобы вырезанное из красного дерева лицо повернулось к нему, посмотрело бледными глазами в его глаза.

— …сограждане демархи, я призываю вас еще раз подумать о базовой подоплеке суждения перед тем, как вынести… не простое голосование по вопросу о доверии правительству, которое служило вам верой и правдой, а суд над одиночкой, который предал нас всех. Я прошу, чтобы Вади Абдиамаль, правительственный посредник, был осужден за измену…

Ах ты ж ублюдок. Он приподнялся из кресла и, как в кошмаре, побрел навстречу панели.

— …никогда более не ступал на территорию Демархии под страхом смерти. Он изменил нам всем…

— Позвольте, я поговорю с ними. — Он потянулся к панели управления.

— Нет, — капитан схватила его за руку.

— …и еще раз настаиваю, чтобы все термоядерные корабли нашего флота немедленно отправлялись в погоню за звездолетом иномирцев, поскольку недопустимо, чтобы он угодил в руки нашим врагам. Этот корабль должен принадлежать нам, и только нам!

На экране вспыхнули слова:

ВНОСИТСЯ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

ОСВОБОДИТЬ

ВАДИ АБДИАМАЛЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ПОСРЕДНИКА,

ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

ОСНОВАНИЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА.

НАКАЗАНИЕ: СМЕРТЬ.

НАСТОЯЩИМ

СНИМАЕТСЯ

ПРЕДЫДУЩЕЕ ОБВИНЕНИЕ, ВЫСКАЗАННОЕ В ФОРМУЛИРОВКЕ: ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ.

Он попятился, бессмысленно хватаясь скрюченными пальцами за воздух, потом рука его упала. Он вернулся в кресло и тяжело сел, глядя, как регистрируются голоса. **ОДОБРИТЬ, ОТКЛОНИТЬ.** С каждой секундой число проголосовавших росло. Полоса, отмечавшая процент участников опроса, стала из красной оранжевой, а затем желтой. Пятьсот секунд, чтобы она сделалась фиолетовой, пятьсот секунд на время доставки голосов с наиболее отдаленных троянцев. Незначительная задержка по меркам довоенного Пояса, ну так и расстояние небольшое, сто пятьдесят миллионов километров. Эта скученность помогла Демархии выжить после войны, а теперь сулила ему гибель, потому что голосовали люди сразу же, не размыш-

ляя и не колеблясь. Он ждал. Остальные ждали вместе с ним и молчали. Двигатели корабля рождали в безмолвной рубке настойчивую вибрацию на грани слышимости, диссонирующую своим постоянством со внезапным вселенским хаосом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО.

Его осудили в соотношении двадцать к одному и приговорили к смертной казни. Он смотрел, как смертный приговор исчезает с экрана, словно о нем уже позабыли, и ассамблея переходит к новому циклу дебатов, об отправке термоядерников преследования. Он поднял налитые свинцом руки, снова уронил, улыбнулся и оглядел присутствующих.

— Теперь я наконец понимаю, почему Маквонг так давно занимает свой пост.

Капитан отключила трансляцию дебатов. Экран опустел, как и его будущее.

— А я, думается, понял разницу между Демархией и обычной демократией, — тихо произнес Клевелл Уэлкин.

— Уэлкин, вы не имеете никакого права мерять обитателей Небесного Пояса своими моральными мерками.

— Он прав, — проговорил Теневик Джек, сел и выставил ноги вперед. — Экипаж корабля, они

все… — Он замялся. — Они все были друг с другом в браке, все были одной семьей, все они. И все погибли на Кольцах, кроме…

Он посмотрел на Уэлкина с Бетой Торгюссен, потом на Вади. Потупился, хрустнув пальцами.

— Они все погибли.

Вади наблюдал за капитаном, чья рука легла на плечо старику.

— Я не женат, — сказал Вади ровным голосом. — А теперь никогда и не буду.

Она посмотрела на него непонимающе, затем с бесполезным виноватым выражением и неожиданной тоской. Он поднялся, охваченный отвращением к ее непрошеной, ненужной симпатии.

— Ну что же, капитан, вы самолично уничтожили последнюю свою возможность наладить с Демархией конструктивное сотрудничество. Остается мне надеяться, что с Кольцами вы поладите лучше, чем в прошлый раз. В этом я заинтересован шкурно.

Он вышел из рубки и начал спускаться по спиральной лестнице шахты. Его никто не провожал.

***Рейнджер*, в полете с Диска к Лэнсингу, +2.40 мегасекунды**

Бета сидела одна в рубке у консоли, наслаждаясь спокойствием полумрака, и просматривала бесконечный кричаще–яркий поток телевещания Демархии — безмолвный, так как звук она специально отключила, — продолжавший тянуться за ними даже на расстоянии двухсот миллионов километров. Ее одолевало некое гипнотическое оцепенение, смешанное с отвращением. Наблюдая за вечным движением масс–медийного механизма Демархии, она поневоле задумывалась, способен ли вообще рядовой гражданин — демарх? — принимать здравые решения, когда ему перманентно капает на мозги сотня разнообразных исказителей правды. И, вспоминая медийщиков на мекканском космодроме, сожалела, что не поверила Вади Абдиамалю, не позволила ему высказаться…

Она решительным движением отключила трансляцию и вывела на экран полумесяц Диска. Мысленным оком Бета видела *Рейнджер*, мельчайшую мошку в пятисотмиллионнокилометровой пустыне мрака, летящую вдоль дисканской орбиты, удаляющуюся от изолированного скопления скал, которые составляли Демархию. Затем она вспомнила, что они не в полном одиночестве. Поле мысленного обзора

расширилось, захватило гротексные тяжеловесные грузовозы Демархии с рудами или летучими веществами, караванами ползущие в той же бесплодной тьме; корабли эти тратили сто дней на путешествие, для которого *Рейнджеру* достаточно шести. Сейчас эта пропасть почти непреодолима, но все же не совсем; выживание Демархии и Колец зависит от средств ее пересечения. Однажды кораблей не останется вовсе…

Но пока, трассируя фиолетовый туманный выхлоп *Рейнджера*, она видела нечто, весьма похожее на тройку термоядерников. Даже самые чувствительные сенсоры корабля с трудом регистрировали их.

Она проклинала Демархию с ее обсессивной усложненностью, напускной живостью, бессмысленной тратой драгоценных ресурсов на медиаканалы. Эти дуралеи в своем фанатичном стремлении к независимости не понимают важности совместного труда; тяготея к эгоистичной самодостаточности, лишены устойчивого правительственного контроля, а связаны не узами родства, но лишь равно эгоистичным тяготением со стороны кого-то из прочих граждан… А их женщины! Фривольные, бесполезные, идиотски экстравагантные: предельная форма

расточительности для общества, отчаянно нуждающегося в любых ресурсах, не исключая, само собою, людских.

Фрагменты разговора сложились воедино в ее мозгу, и она внезапно припомнила слова Клевелла о калеке Птичке Алин. Вероятно, в каком-то смысле эти женщины и были ресурсом: здоровые, фертильные — как не ценить их в обществе, где постоянно приходится сталкиваться с высоченными уровнями радиации? Женщины эти позволили обществу, привыкшему их защищать, сделать их жизнь столь же искусственной и натужной, как и все остальное. Вероятно, непостижимые инволюции здешних сексуальных обычаев порождены как раз страхом непоправимого генетического ущерба. Люди в отчаянном положении совершают отчаянные поступки; даже люди Утренней в самом начале…

Она полуобернулась в кресле глянуть на Теневика Джека, мирно спавшего на полу. Рядом с мальчишкой лежала книжка с картинками — пейзажи Утренней. Она задумалась, каковы же отчаянные меры Лэнсинга, если в Демархии творится подобное… Руки Беты встретились на консоли, пальцы погладили кольца.

В рубку вошел Вади Абдиамаль.

— Капитан? — Он вежливо поклонился. Она кивнула в ответ, наблюдая, как он пересекает помещение. Он снова стал образцовым демархом, болезненно вежливым, болезненным чистюлей. Но был так же неуклюж, как делающее первые шаги при 1*g* дитя. Измученное, заострившееся лицо Абдиамаля выдавало борьбу с силой тяжести и потерю телесных жидкостей. Она вспомнила, как он воспользовался своей порцией воды на *Лэнсинге-04*, чтобы украдкой (так он думал) омыть лицо… И с отсутствующим видом пригладила свои волосы.

— Абдиамаль, вы отыскали все необходимое? Поели?

В столовой на обеде он не появился.

— Да… кое-что. Не знаю, что. — Он сел. Вид у него был задумчивый и слегка нездоровый. — Боюсь, что мясо мне впрок не пошло.

— Как… как вы себя чувствуете?

— Я так скучаю по дому, что меня от него тошнит.

Он самоуничижительно рассмеялся, как если б то была ложь. Посмотрел на пустой экран. На коленях Абдиамаля откуда ни возьмись материализовалась Рыжинка, свернулась калачиком и уткнула морду в хвост. Он погладил ее спин-

ку темной изящной рукой. Бета заметила на большом пальце массивный золотой перстень с рубинами.

— Мне жаль.

Она вытянула трубку из набедренного кармана джинсов, успокаивая себя привычными движениями пальцев.

— Не стоит.

Он поёрзал в кресле. Рыжинка что-то протестующе проворчала и дернула хвостом.

— Вы были правы, капитан, и я сделал правильный выбор, отправляясь с вами. Демархии нельзя позволять завладеть вашим кораблем. Никому в Небесном Поясе нельзя его доверить. Я не потому так говорю, что со мной случилось подобное… — Почему-то ей показалось, что он не вполне искренен. — Я все время отдавал себе отчет — с первой секунды, как узнал о существовании вашего звездолета, — в том, что слишком многие в нашей системе захотят поиграть в Бога. — Он поднял голову. — И даже понимая, что не имею на то права, я бы все равно попытался захватить ваш корабль для Демархии, появись у меня такой шанс. В случае, если бы полагал, что их это спасет. Не спасет. Правительство *так слабо*, что равновесия не удержит. — Его паль-

цы вцепились в мягкие подлокотники, лицо же оставалось бесстрастным. — Итак. Я помогу вам выбраться отсюда, чем смогу. Я предоставлю в ваше распоряжение любые свои знания, окажу любую консультацию. Это будет моя последняя услуга Демархии. Я выгадаю им немного больше времени, чтобы спаслись от себя самих. — Глаза его приковал Диск на экране. — Если меня объявили предателем, ну так что ж, я стану высококлассным предателем. Я привык гордиться своей работой.

У нее заполыхали щеки, так что пришлось прекратить слежение за каждым его движением.

— Абдиамаль, если вы и правда так думаете… да, мне нужна ваша помощь, какими бы личными соображениями вы при том ни руководствовались. Мне нужно знать всё, что вы пожелаете рассказать мне о Кольцевиках, в особенности же — сколько у них перегонных фабрик и где те находятся. Как бы примитивны ни были эти люди, требуется тщательное планирование, чтобы ограбить их, прилетев на беззащитном корабле. И, как вы поняли, я не слишком искусна в вымогательстве. Стратегия всегда была за Эриком… короче, это не самое сильное мое качество.

— Напротив. В Мекке вы нас всех переиграли.

— Он поощрительно усмехнулся. — Я полагаю, что в состоянии предоставить вам довольно надежные координаты; я много времени провел там, на Кольцах, двести пятьдесят с небольшим мегасекунд назад, когда мы помогали им расширить главный перегонный завод. Фактически я… — Он вдруг умолк. — Капитан, расскажите мне кое-что про Утреннюю. Расскажите, как именно принято вести переговоры у вашей цивилизации. Похоже ведь, что наши приемы вам не по вкусу.

Она тщательно подбирала слова, пытаясь понять, почему он так резко сменил тему; наверняка же ответ ему как таковой не важен, просто отвлечься нужно. *И мне тоже.*

— О да, Абдиамаль, не могу сказать, что они мне приятны. Но это дело Демархии, особенно в моей ситуации… Думаю, вам будет понятна наша концепция родственных связей — не только как представителей человечества, а и, в особенности, как родственников по крови. Вам уже известно, что семьи у нас многочленные. — Она подняла голову; взгляд его не выразил удивления, но в позе чувствовалась внутренняя неловкость. — Уровнем выше находится наш *клан* — в техническом смысле это не то же самое, что понималось под ним на Древней Земле, разве что рекомендации

по бракосочетанию таковы, что клан воспрещает вступать в брак с собственными родителями, близкими родичами и детьми. Что же касается отношений, которые простираются за пределами этого крута, то… они бесконечны. Мы все стараемся заботиться о своих родичах, а на Утренней у каждого где-нибудь да найдутся родичи. Впрочем, человек, не желающий делиться плодами своего труда, рано или поздно обнаруживает, что и с ним до бесконечности делиться не хотят. Единственная формализованная общественная структура выше клановой — *моэтия*. — Она перестала слышать собственный голос и даже ощущать болезненно явственное доселе присутствие Абдиамаля, потерявшись, как наяву, в воспоминаниях, нахлынувших приступом неожиданной ностальгии. Северная моэтия: экономический арбитраж, ведающий распределением товаров и услуг. Северная моэтия: ее дом, место работы, семья, мир… вот смеется ребенок — ее дочь или она сама, — падая в снег и оставляя легкие, как у ангела, следы…

— Нашими отраслями промышленности управляют независимо, как и у вас, но вы, думаю, называете такой способ монополистическим. Сотрудничают не ради прибыли, а потому, что

обязаны, иначе развалятся. И это работает, ведь избытка у нас никогда ни в чем не бывает, особенно в людях. Мои родители и многие близкие родственники управляют древесной фермой Северной моэтии… моя жена Клэр тоже там работала. Есть семьи, специализирующиеся на торговле, но мы с Клевеллом, как и наши супруги, понемногу всем занимались… — Она вспомнила конец дня в нескончаемых сумерках, собрание семьи за длинным столом из темного дерева, детей, подающих ужин. Успокаивающее тепло очага, закат, вечно тускнеющий в небесах над полу–загородным домом. Семейные разговоры о маленьких триумфах очередного дня, приятную усталость… радость, с которой приветствовали по возвращении супруга/у, вырванного/ую из дома по работе на дни или, порой, недели. Вот Эрик возвращается, успешно уладив давно тянувшуюся тяжбу…

Она снова увидела перед собой Вади Абдиамаля в кресле рубки управления *Рейнджера*. Переговорщик… *Я улаживаю споры, разрабатываю проекты торговых соглашений*… Абдиамаль глядел на нее в ответ с несколько озадаченным выражением. Она потрясла головой. *Перестань. Прекрати дуру изображать!..*

— Я… Я чуть не забыла. У нас еще Высший Совет есть. Это вроде парламента, его составляют омбудсмены моэтий, избираемые на срок службы. Он занимается вопросами межпланетной торговли и срочных поставок, как ни малозначимыми. Именно Совет подал идею слетать на Небеса. К нашей повседневной жизни он имеет слабое отношение, и…

— Тогда вы чем-то похожи на нас, — ответил Абдиамаль. — Вы лишены сильного централизованного правительства и делаете акцент на независимости.

— Нет. — Она снова тряхнула головой, отрицая не только его слова. — Мы — культура семейного типа. Мы предпочитаем кооперацию, а не конкуренцию, какая принята в Демархии. Ваша же система устроена парадоксально: индивид обладает абсолютным контролем и в то же время не осуществляет никакого контроля, ибо вынужден подчиняться мнению большинства. Мы сотрудничаем и идем на компромиссы, потому что все мы нужны друг другу, чтобы выживать… Учитывая нынешнее положение Демархии, едва ли и вам разумно превыше всего ставить эгоистичные интересы.

Абдиамаль заморгал, точно получив пощечину,

но лишь пожал плечами.

— Разумеется, мы себя видим не в таком свете. Ваша идея сотрудничества, думаю, ближе Великой Гармонии Кольцевиков. — В его словах сарказма не ощущалось. — Они также превыше всего ставят кооперацию, ибо вынуждены; им не так повезло после войны, как Демархии. Но у них социалистическое государство и сильный флот, так что к сотрудничеству этому они склоняют под прицелом. А значит, никакое это не сотрудничество на самом-то деле. И поэтому их идеи Демархия предала анафеме. Они не доверяют индивидуальной природе человека, даже если та подкреплена семейными связями.

Бета дернула плечами, отметая внезапное иррациональное омерзение.

— Пока все идет неплохо. Ну да, впрочем, мы и не убивали прибывших к нам чужестранцев.

— Возможно, капитан, у вас просто не было к тому веского повода.

Она оцепенела. На его лице тут же появилось извинительное выражение, скрывающее дезориентацию, аналогичную ее собственной — фрустрацию чужака в чужой вселенной. Он без семьи… а теперь и без друзей, без мира, без будущего. И, как она заподозрила, не привык

совершать ошибки… не привык к тяготам, не привык делить жизнь с… *Он не Эрик.*

— Простите, капитан. Пожалуйста, примите мои искренние извинения. — Абдиамаль помедлил. — И позвольте мне также извиниться за мое бестактное поведение после заседания Ассамблеи.

— Я поняла вас. — В его глазах появилась тень раздражения; Бета поднялась, проследила за ней, но не заметила, чтоб та переросла в какую-то потребность. — Если позволите… — Она двинулась прочь, ища предлога, повода сбежать отсюда. — Я… Мне надо вниз, в мастерскую, к Клевеллу.

— Вы не против, если я пойду с вами?

Это ее удивило. Она помедлила, остановясь посередине рубки.

— Нет… отчего же, пожалуйста.

Он поднялся, сбросив кошку. Та отпрыгнула, встопорщила шерсть, переместилась туда, где продолжал спать, уткнув теперь лицо в подушку, Теневик Джек. Рыжинка устроилась на мягком рядом с ним, защитным жестом прикрывая своей пятнистой лапкой его сжатые и подложенные под голову пальцы.

— Бедная Рыжинка. — Бета покосилась на нее. — Она такая одинокая с тех пор, как… Она при-

выкла получать больше внимания.

— В Мекке она бы получила все, что хотела.

— Ее бы обожествляли. Это не то же самое.

Она спустилась на ярус по спиральной лестнице и дождалась, пока он ее нагонит. Каждый шаг Абдиамаль делал с подчеркнутой небрежностью, но колени держал близко сведенными, а рука мертвой хваткой вцепилась в поручень. Он остановился рядом с ней и как ни в чем ни бывало взглянул поверх балясин из полированного дерева. Шахта уходила вниз еще на четыре уровня, пронизывая полую узкую сердцевину корабля. Внизу концентрическими кругами сходились створки люка служебной палубы.

— Неплохое физическое упражнение, — Бета отошла к стене, избегая смотреть вниз.

Он оторвался от перил с невинной улыбкой. Дверь в стене позади была заперта, и над нею вспыхивала красная лампа; в колодец лестницы ложились мелькающие тени.

— Что там, за дверью? — спросил он, коснувшись ледяной поверхности двери.

— Там была гостиная. Все, кто находился там в момент, когда корпус корабля получил пробоину, погибли. Воздуха там нет. Пожалуйста, ничего не трогайте.

Она отвернулась, опустила взгляд на свои руки и стала спускаться дальше, оставив его позади.

У мастерской на четвертом ярусе стал слышен визг пилы.

— Папа! — крикнула Бета, и эхо раскатилось по тороидальной мастерской.

— Я здесь, Бета!

Она пошла на звук; резиновые подошвы туфель поскрипывали о деревянные половицы. Затем позади неравномерно заклацали подошвы начищенных сапог Абдиамаля. Она не оглядывалась на него.

— Господи, пап, ну почему бы тебе авторезак не взять, скажи на милость?

Клевелл поднял на них глаза. Он стоял за гнездом из лазерных авторезаков у рабочего стола.

— Хобби у меня такое.

— Это значит, что ты тут часами стоишь и напрягаешь спину вместо того, чтобы управиться за минуту.

— О, нетерпеливая юность. — Он налег на рукоять пилы, и кусок дерева наконец отлетел от заготовки. — Вот и всё. — Рука Клевелла вскинулась к груди; увидев, что она это заметила, навигатор продлил движение и сделал вид, что у него шея зачесалась.

— Ну ты и хитрюга. — Она уперла руки в бедра и приняла уязвленный вид. — Я… А я думала, ты занят проверочными расчетами той моей заплатки на корпусе?

— Я уже все проверил. Кажется, ты все правильно прикинула. Но пока что сделать с дыркой ничего нельзя, мы ведь еще на 1*g*. — Он посмотрел на нее как-то странно.

Абдиамаль наклонился, подобрал с пола отскочивший кусок деревяшки, потер пальцами его грубую поверхность.

— А что это за материал? Он волокнистый.

— Дерево. Органика. Из древесных стволов, — ответил Клевелл. — Ложный дуб, если быть точным. Твердый, но хорошо стругать.

— И пол тоже? Все это — растительное волокно? Дерево?..

Он кивнул.

— Это проще, чем пластиком вымостить. Близ Северного моря ложный дуб растет со скоростью два сантиметра за сутки.

Рука Абдиамаля приласкала местами выщербленную металлическую столешницу. Он глядел на резаки и подвешенную рядом с ними защитную заслонку.

— Лазеры? — Его другая рука сжалась в кулак

вокруг пустоты. Он обыскал взглядом комнату, сужавшуюся ближе к месту, где были прорезаны открывавшиеся непосредственно в космос широкие двери, а в потолок вделаны электромагниты. Бета видела, как невысказанные вопросы Абдиамаля находят ответы. — А зачем вон то оборудование?

Бета посмотрела в указанном направлении, и ее мысленному взору предстали бесстрашный неуклюжий рыжик Шон за работой, терпеливо направлявший его движения Николай… Она отвела глаза.

— Для починки микроконтактов электронной аппаратуры.

— У вас на борту термоядерная энергостанция… и вы можете воссоздать здесь любую часть своего корабля, да?

— В теории — да. На практике кое с чем я бы связываться не хотела. Путь неблизкий, мы готовились ко всему.

Кроме этого.

— Боже, видели бы Пак с Осуной это место!

— Кто? — Клевелл вынул заготовку из зажимов.

— Инженеры. — В его голосе прозвучало едкое презрение.

— А чем вам инженеры не нравятся? — Бета плотно обхватила себя сжатыми в замок руками и вскинула брови.

— А что мне в них должно нравиться? — Абдиамаль изобразил странный жест. — Стая каннибалов! Заплатки громоздят на заплатки, раздирают одно, чтобы починить второе, третье и четвертое, потом разбирают что-то из этих…

— Мне такой подход кажется оправданным.

— Да, но они им наслаждаются! Они считают себя творцами, но на самом деле только разрушают. Если б они хоть что-нибудь *читали* и обладали даже минимальной фантазией, то поняли бы, что такое настоящее творение. Мы когда-то умели делать такое… лучше нас никого не было. Но сейчас это все равно что пытаться выжить в вакууме без скафандра.

— А может, у вас просто приоритеты неверно расставлены, Абдиамаль? Что еще прикажете им делать, терзаться памятью о достижениях великого прошлого и почитать его реликвии? Они, по крайней мере, хоть чем-то помогают своему народу, а не живут за чужой счет, как все остальные!

Бета выхватила у него из рук деревяшку, больно занозив при этом ладонь, развернулась и в

порыве гнева устремилась прочь, оставив озадаченного Абдиамаля глядеть ей вслед.

Клевелл усмехнулся в его ошеломленное лицо.

— Абдиамаль, вы только что сказали это инженеру.

Абдиамаль поморщился.

— Не стоило мне вообще вылезать из кровати… две мегасекунды назад.

Он разглядывал пространство опустевшей комнаты.

— Вечно я говорю не то, что нужно… вашей жене. Я принял ее за летчицу.

Клевелл прислушивался к шагам Беты, затихавшим в лестничной шахте. Интересно, что за новый груз приволокла она из Мекки на себе? В ее глазах и каждом действии ощущалась тяжесть, какую она не осмеливалась разделить даже с ним.

— Она была инженером на Утренней Стороне до того, как ее избрали капитаном *Рейнджера*. Части этого корабля разрабатывались под ее началом; например, двигательная установка. — Он снова заметил удивление в оранжево–карих глазах Абдиамаля. — Это, кстати, вообще первый звездолет, который мы смогли себе позволить после Провала.

— Провала?

— После голода… чрезвычайной ситуации. — Воспоминания о былых тяготах и страданиях, разбереженные недавними потерями, без труда ожили в нем. Он облокотился на край стола, ощутив внезапную болезненную слабость. Отодвинул деревяшку, мрачно вообразив собственное тело куском старого дерева: потрепанным бурями, рассохшимся. Вздохнул. — На Утренней катастрофу способны навлечь даже малые изменения солнечной активности или пертурбации нашей орбиты. Когда я был мальчишкой — в последней четверти моего десятого года, — нас буквально поджарило… — Перед его мысленным оком снова отступали вечные льды Темной Стороны, откалывались айсберги, бороздя воды Северного моря. Уровень самого моря вырос почти на полметра, жизненно важные прибрежные предприятия оказались затоплены, растения гнили в полях от избыточных дождей. Один из его отцов был вынужден убить выводок котят, потому что кормить тех было нечем. И Клевелл плакал, хотя у него самого в пустом желудке ветер гулял. *Спустя столько лет…* — Прошли годы, прежде чем климат кое-как стабилизировался: большая часть моей собственной жизни. Теперь наши жизни

понемногу вернулись к норме. Мы на Подъеме, а Ухуру стабилизировалась — это наши ближайшие соседи; первоначально мы должны были лететь к ним на выручку. Вот почему мы позволили себе рискнуть, отправиться на *Рейнджере* к Небесам. — Он снова чувствовал режущий, как лезвие ножа, ветер над краем ледника Темной Стороны, где в небесах осколками льда блестели звезды. — Вот почему мы не можем себе позволить задержаться здесь. Если даже мы вернемся на Утреннюю с пустыми руками, им по крайней мере останется звездолет.

Абдиамаль кивнул.

— Понимаю. Я сказал… вашей жене, капитану Торгюссен, что сделаю все доступное мне, чтобы помочь вам возвратиться на Утреннюю, ради блага самих же Небес. По тому, что тут творится, похоже, что ваше пребывание здесь не поможет сшить ткань Небес воедино, а, напротив, разорвет ее в клочья.

На миг Абдиамаль Клевеллу настойчиво кого-то напомнил, но потом образ, не успев оформиться окончательно, улетучился. Он удивленно обдумал слова Абдиамаля — удивленный в основном потому, что склонен был им верить. *Неужели нам подвернулся честный человек из местных?*

Лейся же ты, песня, лейся без конца,

Никогда не бойтесь вы потерять лица…

— А что это? — спросил Абдиамаль.

— Птичка Алин поет. — Клевелл слышал слабую прерывистую музыку из гидропонной лаборатории. — Бета показала ей, как брать на гитаре некоторые аккорды, а я научил еще нескольким песням, пока мы… ожидали. — Птичка Алин пробежалась большим пальцем по струнам и извлекла печальную ноту. Клевелл улыбнулся. — Не уверен, одобрила бы это Клэр, но растения, сколь могу судить, ценят ее искренность. Дело же не в том, что поешь или как, а в том, какое самочувствие рождает песня.

Абдиамаль вежливо улыбнулся в ответ. Взор его соскользнул на покрытую кое–где царапинами столешницу, на пол, снова обежал комнату; улыбка стала напряженной.

— Вы знаете, у меня иногда возникает странное чувство, что я живу во сне; что я попросту позабыл, как проснуться.

В его голосе прозвучала нотка отчаяния.

— И Птичка Алин мне то же самое говорила. Вот только мне кажется, что она выражалась

буквально.

— Она из Основного Пояса; наверное, да… И со мной, возможно, это тоже так. — Абдиамаль прокашлялся, издав странно сконфуженный звук. — Уэлкин, я бы хотел задать вам личный вопрос. Если позволите.

Клевелл рассмеялся.

— В моем возрасте скрывать нечего. Спрашивайте.

Абдиамаль помолчал.

— Вам… сложно принимать приказания от собственной жены?

Клевелл выпрямился.

— А какая мне должна быть разница?

Абдиамаль поглядел на него как-то странно.

— Увы, мне никогда не доводилось встречаться с женщиной, которой я бы доверял настолько, чтобы подчиняться ее приказам.

Клевеллу припомнилось виденное на мониторах о жизни социума Демархии, и он начал догадываться, почему для Абдиамаля вопрос настолько важен.

— Бета Торгюссен была избрана капитаном *Рейнджера* потому, что она лучше всех приспособлена для такого поста и принятия решений, с этим связанных. Мы все согласились с этим

выбором. — Он рассеянно сблизил вделанные в стол зажимы, сам не зная, раздражен или удивлен таким вопросом. — Теперь ответьте на мой личный вопрос: какого именно вы мнения о моей жене? — Он заметил, как инстинктивная реакция взметнулась в Абдиамале и умерла, не успев достичь губ. *Честный человек…*

— Не знаю, — слегка нахмурился Абдиамаль в пространство — ни на кого в особенности; возможно, на себя. — Но, вынужден признать, с момента нашего знакомства она последовательно принимала лучшие решения, нежели я сам.

Он коротко рассмеялся, не глядя на навигатора.

— Однако, впрочем, она выбрала космос вместо… — Глаза его метнулись обратно, в них снова возникли тревога и смятение.

— Почему Демархия не позволяет женщинам путешествовать и работать в космосе? — спросил Клевелл. — У меня сложилось впечатление, что Поясники живут, в общем, как хотят. Мужчины и женщины.

— До войны, возможно, так и было. Но теперь мы вынуждены защищать своих женщин.

— От чего же? От жизни? — Клевелл поднял со стола деревяшку и перебросил ее с ладони на

ладонь. Раздражение начинало превозмогать удивление.

— От радиации! — Это впервые Абдиамаль повысил голос. — От генетического урона. Атомные реакторы, которые питают наши заводы и корабли, в большинстве своем слишком грязные. Что бы мы ни делали, а количество детей, рождающихся с уродствами, в двадцать раз выше довоенного.

Клевеллу вспомнилась Птичка Алин.

— А мужчины что же?

— Мы умеем сохранять сперму. Но не яйцеклетки.

— Вы из-за войны лишились большего, чем сами думаете.

Абдиамаль стоял молча, храня бесстрастное выражение лица. Клевелл отстегнул кожаную ленту с запястья — дар от одного из своих сыновей на церемонии расставания. Протянул ее Абдиамалю.

— Вам знаком этот символ?

Он указал на символ, выполненный эмалью на медном кружке, и Абдиамаль принял ленту из его руки.

— Инь и ян?

Он кивнул.

— Вам известно его значение?

— Нет.

— Он обозначает Мужское и Женское Начала. На Утренней это значит — две половинки идеального биологического целого. Белая точка зарождается в черном, черная в белом… напоминание, что мужские гены участвуют в создании любой женщины, как женские гены — в создании мужчины. Мы не мужчины и их скот, Абдиамаль, мы суть мужчины и женщины. Наши гены дополняют друг друга; все мы — человеческие существа. Когда перестаешь об этом думать, оно сразу наполняется значительным смыслом.

— Странное дело… — снова, но уже неуверенно, улыбнулся Абдиамаль. — Мне почему-то не казалось, что инь и ян были частью культурного наследия Утренней.

— Ваши соплеменники, как и мои, прибыли с одного и того же древнего мира. В начале инь и ян значили для нас мало. У нас тогда было много символов, которые нас разделяли. Теперь нам нужен только один.

— Инь, ян и королева викингов… — пробормотал Абдиамаль, и улыбка его стала чуть завистливой. — И Вади в Стране Чудес. Почему в вашем… семействе… мужчины преобладали над

женщинами численно?

Потому что так уж оно получилось, едва не ответил Клевелл чистую правду. Но помолчал.

— Сынок, если ты меня спрашиваешь, почему для брака чаще ищутся мужчины, нежели женщины, ты даже моложе, чем кажешься мне.

Он усмехнулся.

— И это не от замедления времени.

Абдиамаль отступил на несколько шагов; недоверие так и ерошило его безукоризненный образ. Он нерешительно протянул ленту обратно.

Клевелл покачал головой.

— Оставь ее себе. Носи ее… носи и думай о ней каждый раз, когда мы тебе кажемся чужаками.

Бета вернулась в рубку; Теневик Джек с Рыжинкой все еще лежали, голова к голове, на зеленом, как трава, коврике. Она тихо скользнула мимо них, села за консоль и сфокусировала сенсоры на Диске — серебряном полумесяце размером с ноготок большого пальца. Только это теперь имеет значение, и ничто больше. Она отведет корабль домой; на сей раз они преуспеют. Ничто ее не остановит. Никто. Ни воспоминание, ни человек, ни живой, ни мертвый…

Оцарапанная рука саднила. Она прижала ее к холодному металлу консоли: остался кровавый

мазок. Мысли ее вернулись на три с половиной световых года и полжизни вспять, во двор фабрики на периметре Горячего Пятна, где она обожгла руку о горячий металл, исследуя идеал, претворявшийся в реальность. Она вышла наружу понаблюдать, как впервые воплощается на сборочной линии инженерный дизайн ее собственной разработки — непереносимо яркая, серебристая в слепящем свете полдня, невероятно прекрасная последовательность изделий. Она только прибыла туда с застывшего терминатора — шла третья четверть ее двадцатого года. Золотой дождь тепла, почти физически царапавший кожу поток раскаленного воздуха пустыни, полное безлюдье пустыни за периметром ошеломляли и зачаровывали ее; гордость за себя наполняла возбуждением, и был еще один студент–практикант на фабрике… Она ждала, чтобы он остановился рядом с ней и похвалил красоту изделий. А потом спросил…

Грубые перчатки схватили ее за локти и развернули к себе.

— Эй, снежная птичка, ты что, ослепнуть захотела?

Ей предстало восхищенное, обгоревшее на солнце, смеющееся лицо Эрика ван Хельсинга

за стеклом защитного шлема. Она протестующе ухватила его за воротник изолирующей куртки.

— Все говорят, что инженеры такие чудаки — хлебом не корми, дай на солнце зажариться. Ты бы лучше вернулась под крышу.

— Для социолога вы не слишком сведущи в мотивации коллективной работы, Эрик ван Хельсинг.

Она рассердилась, потому что он взял и все испортил, а она, как дура, прождала его. Она вырвалась и устремилась прочь, почти вприпрыжку, по бесконечному усыпанному гравием двору, ища спасения в ослепляющей прохладе и сумраке ближайшей постройки. Она стояла в коридоре, сдерживая слезы, и слушала, как он проходит через двери за ее спиной…

Любовь моя — дождем и свежим ручейком

Пустыню жизни орошаешь…

Кто-то появился в рубке. Бета уловила аромат яблок. Она обернулась, ожидая увидеть гладкое, подобное луне, лицо Клэр в обрамлении золотистых кудряшек… но это снова оказалась Птичка Алин, высокая, тощая, неуклюжая, как согнутая ветром ветка; дриада в розовом пуловере и

джинсах, с заплетенными в волосы цветами… Птичка Алин, а не Клэр, теперь распоряжалась в гидропонной лаборатории.

Теневик Джек шевельнулся на полу, и Птичка Алин присела рядом с ним; ее веснушчатые щеки налились мутно–розовым румянцем. Бета, скрывая улыбку, отвернулась к экрану.

— …яблок?

— Ой… спасибо, Птичка Алин. — Он слабо засмеялся, приходя в себя. — Ты всегда обо мне думаешь.

Та пробормотала что-то вопросительное.

— Что с тобой? Нет! Ну сколько раз я могу тебе говорить? Оставь меня. Убирайся!

У Беты скрутило кишки. Она услышала, как

Птичка Алин поспешно поднимается и уходит, наткнувшись по дороге на косяк двери. Бета развернулась в кресле, посмотрела на Теневика Джека; тот гневно зыркнул на нее в ответ, приподнимаясь с колен.

— Может, это не мое дело, Теневик Джек, но какого хрена с тобой происходит?

— Ничего такого, до чего тебе было бы дело! Думаешь, все должны быть вроде вас? Не все! Вы просто шайка грязных извращенцев!

Его голос задрожал.

— Меня со всего этого блевать тянет!

Он выскочил из каюты. Она услышала его чересчур поспешные шаги на лестнице.

Бета сидела очень прямо, вцепившись в подлокотники кресла, и размышляла, найдет ли в себе силы подняться… Рыжинка потерлась о ее ноги, мурлыкнула что-то. Бета скованным движением потянулась вниз, подцепила кошку на колени; ухватилась за остатки смысла, за обещание времени, когда Небеса сведутся к одной из бесчисленных звезд в океане ночи.

— Рыжинка, я только на тебя, получается, и могу положиться. Что б я без тебя делала?

Рыжинка дважды быстро, нежно лизнула ее ладонь острым язычком.

— О, Рыжинка, — пробормотала она, — ты такая великодушная, что нас всех полными скрягами выставляешь.

Бета медленно встала из кресла и взглянула на пустой дверной проем.

Тени, влажные и зеленые, как воды моря грез, безмолвно скользили по плитам пола. Птичка Алин всхлипывала, уткнувшись в холодные шестиугольники вертикальной спинки скамейки, и хрупкие вайи нависающего сверху папоротника мягко касались ее.

— …нечестно… так нечестно…

Ее любовь являла собой бесконечное страдание, ибо питалась грезами. Он никогда не коснется ее, никогда не погладит по волосам… никогда не полюбит, а она никогда не прекратит стремиться к его любви.

Она услышала, как он ступает в лабораторию, и всхлип замер в ее горле. Она подтянулась на скамье, зажмурилась, чувствуя, как влага стекает по подбородку.

— Не плачь, Птичка Алин. Воду тратишь.

Теневик Джек стоял рядом с ней, уперев руки в боки, и смотрел, как проливаются ее слезы.

Она открыла глаза. Увидела его сквозь ресницы и висящие на них слезы, ощутила, как изливают-

ся новые, упрямые.

— Воды у нас… много, Теневик Джек. — Унижение лежало в ней туго скрученной кольцами пружиной. — Мы не на Лэнсинге; здесь все иначе!

Глаза его отрицали это. Он ничего не отвечал, только хмурился.

Она отвернулась, не вставая со скамьи.

— Но я не… Я знаю, что я не изменилась. Почему со мной такое произошло? Почему я такая уродливая, а люблю тебя?

Он опустился на скамью рядом с ней, отвел ее руки от лица — увечную и совершенную.

— Птичка Алин, ты не такая! Ты не… ты прекрасна.

Она увидела свой образ в его глазах и поняла по отражению, что это так.

— Но… нельзя тебе меня любить.

— Я ничего не могу с этим сделать… что мне делать? — Она потянулась к нему, провела влажными пальцами по лицу. — Я тебя люблю.

Он резко схватил ее в объятия, сомкнул руки на ее спине, притянул к себе. Она стала вырываться, удивленная, но прикосновение его губ заглушило ее крик и прекратило борьбу.

— …люблю тебя, Птичка Алин… целую веч-

ность… разве не знала?..

Ее раскинутые в стороны руки взметнулись, прижались к его плечам, притянули его в ее грезы, радость заполнила ее естество, подобно песне…

Тебе мой первый цветок из букета,

Тебе первой жажду я дам утолить…

— Нет…

Внезапно он высвободился и отпустил ее сам. Оперся на холодные плитки, стал глотать ртом воздух.

— Нет. Нет. Нельзя нам.

Руки его сжимались в кулаки.

— Но… ты меня любишь… — Птичка Алин потянулась к нему, ошеломленная и разочарованная. — Почему нам нельзя? Теневик Джек, пожалуйста… пожалуйста. Я не боюсь.

— Ты чего от меня хочешь? Хочешь, чтоб я тебя осеменил?

Она дернулась, затрясла головой.

— Не обязательно.

— Обязательно. Ты знаешь, как это бывает. — Он поник. — Ты хочешь, чтобы в тебе зародилась жизнь, и ты произвела ее на свет… без рук и кистей, или без ног, или без… Хочешь, чтобы

пришлось вышвырнуть ребенка Наружу, как моей матери? Мы дефективны! И я ни за что не позволю, чтобы такое случилось по моей вине!

— Не случится. Теневик Джек, на этом корабле все совсем иначе. У них таблетки есть, им не обязательно беременеть. Они нам… — Она придвинулась к нему, взъерошила черные, как полночь, волосы. — Даже одной таблетки хватает надолго.

— А когда они кончатся?

— У нас… всегда будут… воспоминания. Мы узнаем и сможем вспоминать, как это — ощущать друг друга, целовать, касаться, прижиматься…

— И как мне удержаться от того, чтобы снова тебя потрогать, поцеловать, подержать — если я буду знать? — Глаза его заволокло отчаяние. — Я бы не смог. Если бы разве потом тебя никогда не видеть… но я же буду видеть. Я тебя буду видеть ежедневно до скончания жизни, и как мне остановиться? Как тебе остановиться? Нет, не бывать этому.

Она качала головой, лицо пылало умоляющим румянцем, бессильные слезы жгли глаза.

— Я не могу уйти, Птичка Алин. Ни сейчас. Ни вообще. И не могу перенести то, что мне это сулит… и тебе. Ну почему мы вообще наткну-

лись на этот корабль! Почему именно с нами это произошло? Все было так хорошо до… пока мы не… — Он сжал руки и захрустел суставами. Она медленно протянула руку и поймала его кулак — коричневые пальцы стали бронзовыми от натуги. Потому что этот корабль принесет жизнь ее миру… но из-за этого же корабля в их жизнях никогда больше ничего не будет как надо. Она слышала, как где-то капает вода, будто слезы; между ними пролетел опавший лепесток и сухо прошелестел на бесплодных плитках пола.

Бета покинула дверной проем неслышно, как и явилась, и молча стала подниматься по лестнице.

***Рейнджер*, зона Диска, +2.70 мегасекунды**

Диск, полосатый хамелеон размером с кулак, устроился на серебристой плоскости Колец. Они видели их почти с ребра, как сияющую пленку, кое–где располосованную реактивными следами, словно отсветами плавильной печи. Вади парил в центре рубки, рассматривая экран и стараясь сосредоточиться мыслями на силуэте, нарушавшем величественное однообразие сияния впереди. Спасительные Снега располагались на расстоянии тридцати радиусов Диска от планеты, выше крутого градиента гравитационного

колодца. В ранних Небесных атласах, до войны, это место именовалось Бангкок, но и тогда служило главной перегонной фабрикой Колец. В общей сложности таких фабрик имелось пять, но Спасительные Снега десятикратно превосходили остальные по производственным показателям. Не в последнюю очередь из-за установленного здесь демархистами ядерного реактора, питавшего завод, а также потому, что отправку грузов тут можно было проводить с помощью линейного ускорителя — на небольших расстояниях этот способ был колоссально выгоднее доставки с помощью танкеров, переделанных Кольцевиками из примитивных водороднокислородных ракет и чудовищно неэффективных.

Линейный ускоритель тоже предоставили демархисты.

Он вспоминал, как выглядели Спасительные Снега до прибытия сюда Вади с командой инженеров Демархии: бескрайние серые просторы, решетка пчелиных сот из камня и льда, холод, проникавший до мозга людских костей, стиравший всякое представление о тепле, немногочисленное серолицее население — арендаторы космического чистилища. Люди эти были фанатичны до безумия, если судить их мерками

Демархии. Его послали, чтобы Кольцевик и демарх не перегрызли друг другу глотки — послали потому, что ни один более квалифицированный переговорщик не согласился. Он задержался на срок, достаточный, чтобы две несовместимые друг с другом по образу жизни, питавшие взаимную подозрительность группы нехотя согласились преследовать общую цель — увеличение запасов летучих веществ. За пятьдесят мегасекунд унылого изгнания он завел знакомства с людьми, которых вполне мог называть друзьями, и встретился с большим числом Кольцевиков Великой Гармонии, чем любой другой демарх. Он начал понимать причины хронического маргина–лизма, пронизывавшего все аспекты жизни на Кольцах, и с почти болезненной ясностью уразумел, почему эти люди словно бы и рады подавляющей личность идеологии коллективизма. Они знали, что иначе, как сбившись в кучу, им тут попросту не выжить.

Голос капитана вырвал его из раздумий. Глаза Вади сфокусировались на Бете, зависшей перед дисплеем; в невесомости ее волосы слабо развевались вокруг головы, рукава рубашки были закатаны до локтей. Он уставился на это настоящее, оверлеем наложенное поверх прошлого.

Теплая многоцветная чистота рубки резко контрастировала с ужасающей бедностью Колец, так что простота быта, характерная для культуры Утренней Стороны, могла запросто показаться барочной фривольностью.

Утренняя… Научится ли он когда-либо понимать этих людей так же четко, как сумел наладить общение с Кольцевиками? Сколько потребовалось тогда времени, прежде чем он почувствовал себя естественно в обществе людей, оскорблявших его привыкшую к частной собственности натуру чрезвычайным разнообразием способов? Их поведение противилось попыткам классификации, как вода утекает сквозь пальцы… Четыре килосекунды назад он поднимался на верхнюю палубу — поискать еды. Капитан с Уэлкином уже сидели в столовой, а Птичка Алин играла на гитаре. Все пели как ни в чем ни бывало, как если бы через четыре тысячи секунд не предстоял акт пиратства — чреватый, в случае неудачи, потерей не только свободы, а и жизни. Для всех…

Лейся же ты, песня, лейся без конца,
Никогда не бойтесь вы потерять лица…

Или, возможно, как раз потому они поют, что

очень хорошо отдают себе отчет в природе задуманного и вероятных последствиях провала. *Суть не в том, что поешь или как*, говорил Уэлкин, *а в том, как себя при этом чувствуешь*. Внезапно он осознал, какая именно роль уготована ему самому в грядущем испытании, и поплыл через каюту, влекомый чем-то большим, нежели простое любопытство… но тут Бета Торгюссен обернулась, и с лица ее стерлось всякое подобие теплоты; она привстала из-за стола, нарушив унисон, и резко покинула столовую.

— …поверить не могу, пап. Им бы тут поджариваться впору, а они не… Никакой магнитосферы, даже наведенной… Абдиамаль, вы что-нибудь об этом знаете? — Капитан полуобернулась, по–прежнему стараясь не встречаться с ним взглядом.

Он посмотрел мимо нее на дисплей.

— Капитан, это же Небеса. Радиация Диска достаточно интенсивна, но конфигурация поясов такова, что выше плоскости колец излучение особо не ощущается. Это одна из причин, по которой мы перебрались сюда. Каменные и снежные глыбы вокруг Диска значительно доступнее, чем их аналоги в окрестностях старого доброго Юпитера.

Он перехватил ее взгляд.

— Вас, кажется, не слишком тревожило, как поджариваемся *мы*?

— На Утренней отличное экранирование, иначе бы *мы сами* давно поджарились. — Она резко сменила тему, как всегда теперь поступала; отвернулась к зависшей под потолком Птичке Алин. — Птичка Алин, поищи мне местную переговорную частоту. — Голос ее был спокоен.

Птичка Алин кивнула, оттолкнулась от потолка и спланировала к консоли, подцепила с нее гарнитуру.

— Где Теневик Джек? — спросил Уэлкин.

Птичка Алин ответила что-то неслышимое, глядя на консоль.

— Что?

— …не знаю… говорил… не думает, что сможет… — Она пожала плечами. По рубке раскатился скрежет статики из приемника. Статика постепенно трансформировалась в слова. Птичка Алин подстроила частоту, голос сделался резче. — Вот.

— Что они передают?

— Думаю, с кораблем говорят. С танкером. Я слышала слово *водород*.

— Отлично. Тогда давай грубо вклинимся в беседу. — Капитан потянулась к кнопке широко-

полосного вещания. — Абдиамаль, вы уверены, что им известно, кто мы такие?

— Абсолютно. Даже у Кольцевиков к этому моменту все в курсе, что случилось с тем кораблем. А если их пропаганда так же экстремальна в своих проявлениях, как обычно, они примут вас за мясников. Они… с уважением отнесутся к вашей угрозе.

— Превосходно.

Бета облизала губы и вдавила кнопку.

— Спасительные Снега, Спасительные Снега, алло!

Птичка Алин сорвала гарнитуру с головы. Прозвучал раздраженный визг:

— Кто это? Убирайтесь с нашей частоты! Тут смешанный груз перевозят! Вы что, совсем сдурели?!

Капитан опустила руку на кнопку, визгун заткнулся.

— Скажите, чтобы бросали свои неотложные дела, у нас кое-что поважнее найдется.

— Кто говорит?

— Это… — Она помедлила. — Корабль, атакованный вашим флотом две мегасекунды назад. Корабль Извне.

Она отпустила кнопку. Ответа не последовало.

— Вы произвели на них впечатление, — улыбнулся Вади без всякого юмора.

Но тут вступил другой голос, странно знакомый ему, и приказал незримому танкеру перейти на парковочную орбиту. Уэлкин потянулся к панели управления через плечо Птички Алин. Сегмент экрана скрыла пороша статических помех.

— Мы получаем широкополосный сигнал.

Он ввел команду, и на экране немедленно возникло сжатое утроенное изображение. Он дал поправку, и картинка изменилась опять, став одинарной, черно–белой. На них, щурясь из-за стекол очков с тонкой оправой, взирал человек средних лет в тяжелой куртке с утеплением и плотной вязаной шапке. Человек был вне себя от гнева, по лицу ходили желваки.

— Переходим на совместимый формат сигнала, — сказал Уэлкин.

Капитан кивнула, не задавая дальнейших вопросов старику.

— Чего вам надо? — Знакомый голос совместился со знакомым лицом, напряженным то ли от страха, то ли от гнева. *Скорее от гнева*. Дьем Накаморэ чересчур догматичен и упрям, чтоб это была другая эмоция. Вади отлетел в сторону, уходя из его поля зрения. Накаморэ зыркнул на

Бету Торгюссен.

Лицо ее ожесточилось. Она смерила Накаморэ взглядом.

— Нам требуется одна тысяча тонн переработанного водорода. Вы пошлете ее по траектории, которую я укажу вашему кораблю. Если откажетесь, пеняйте на себя. Я уничтожу ваш завод, и вы все погибнете.

Слова звучали неподдельно жестко: Вади даже удивился.

Он наблюдал, как меняются выражения лиц двух незнакомцев за спиной Накаморэ. Те, кажется, не на шутку струхнули. Накаморэ выпрямился и отплыл чуть в сторону от камеры.

— Вы не уничтожите нас. Даже Демархия вам этого так не оставит.

— Мы не из вашей системы. Вы для нас никто. Демархия — ничто. Лучше бы вы всё провалились в преисподнюю за то, что сделали с нами, но клянусь, если не выполните моих приказов, Спасительные Снега провалятся туда первыми.

— …они не блефуют… — сказал неясный голос. Накаморэ резко обернулся и отключил микрофон. Поговорил с остальными — те продолжали коситься на экран, лица хранили напряженное выражение, дыхание клубами пара вырывалось

изо ртов при каждом слове. Накаморэ отвернулся к консоли ниже поля обзора камеры и снова включил микрофон. — У нас нет тысячи тонн водорода под рукой. У нас не бывает столько. К тому же мы только что отгрузили большую партию.

Вади покачал головой.

— Они бы не позволили запасам так оскудеть. Производительность фабрики почти три тысячи тонн за мегасекунду, а неприкосновенный запас на случай экстренного ремонта как минимум вчетверо больше.

Капитан тоже отключила микрофон и обернулась взглянуть на него.

— Вы так детально знакомы с их производственным процессом?

Он кивнул.

— Я же говорил вам. Я там, внизу, почти пятьдесят миллионов секунд провел. Я видел, как переделывали и собирали по частям эту фабрику, как ее запускали в работу. Я знаю, на что она способна. И я знаю этого человека…

Он вспомнил лицо Дьема Накаморэ, лысую голову в красных отсветах примитивной метановой буржуйки, вспомнил удивленное лицо сводного брата Дьема, заглянувшего к ним в гости — Рауль, так его звали. Он слушал, как падает кап-

лями с потолка вода и с шипением испаряется на замасленной поверхности буржуйки, и ждал, пока Дьем обмозгует свой следующий, болезненно предсказуемый ход в шахматной партии против Вади Абдиамаля — в игре, которую Дьему суждено было проиграть в сотый или тысячный раз. Упрямый, дидактичный, лишенный воображения. Честный, исполнительный, прямодушный. Дьем часто признавал, когда с неприязнью, а когда без, что не ровня быстрому изобретательному интеллекту Вади, но был чересчур упрям, чтобы не пытаться снова и снова у него выиграть. Вади поправил ушные отвороты тяжелой шапки и занес руку над доской, чтобы сделать ход своим ферзем… своей королевой. *Мат.*

— Я знаю этого человека. Надавите на него. Он не… не так сообразителен, чтобы раскусить наш блеф. И он пойдет на все, лишь бы только сохранить завод в неприкосновенности.

Он внезапно понял, что с тем же успехом на связи мог оказаться Рауль, и возблагодарил Небеса, что этого не произошло. Он отвел глаза, избегая яркой картинки на экране и взгляда Беты Торгюссен.

Капитан едва уловимо нахмурилась, потом отвернулась к Накаморэ на экране.

— Нет, так не пойдет. У вас двадцать пять тысяч секунд, чтобы отгрузить нам водород, или я уничтожу фабрику.

— Невозможно! Не меньше сотни тысяч секунд.

— Ложь, — негромко прокомментировал Вади, снова покачав головой. — Он тянет время. У Центрального Командования Гармонии тут много военных кораблей, и он надеется, что подоспеет подмога.

Она кивнула и ответила ровным тоном:

— У вас двадцать пять килосекунд. Я знаю, что в вашем распоряжении высокоэффективный линейный ускоритель. Используйте его. Никаких пилотируемых кораблей на сближении с нами. Передаю координаты…

Она старательно продиктовала координаты. Когда Бета замолчала, Накаморэ посмотрел мимо нее, в глубину экрана. Он был сломлен и разгневан, но на его лице это не особо отражалось.

— Вади, это ты ей ответы подсказываешь?

Вади завис в неподвижности, потеряв дар речи. Йогом наконец оттолкнулся от консоли и вплыл в поле зрения камеры.

— Да, Дьем, это я.

— Мы приняли широковещательные дебаты

Демархии и узнали, что ты теперь вне закона. Я подумал, что ты… — Лицо Накаморэ обмякло, на нем возникло смешанное выражение праведного гнева человека, превыше всего ставящего верность, и боль от предательства друга. — Мы ж не дураки, мы понимали, что ты предпримешь при поддержке этих… чужаков на звездолете. Почему ты ограничился тысячей тонн водорода? Почему бы тебе не забрать всё?

— Потому что, Дьем, нам достаточно тысячи тонн водорода. Одной тысячи. И нам она очень сильно нужна, иначе бы я тебя не подвергал такому… — Без топлива звездолет окажется в ловушке: готовая добыча для первого попавшегося хищника. Тогда Великая Гармония, Демархия и все остальные выйдут на охоту, и они-то блефовать не станут. Так лучше для всех. Единственный выбор, какой ему оставался, единственный разумный выбор. Эх, если б только объяснить…

— Дьем, я… — начал он, но не нашел подходящих слов.

Накаморэ ждал, буравя экран черными глазами. Наконец он подался вперед и положил руку на невидимую консоль.

— Предатель.

Лицо Накаморэ исчезло, а с ним последняя

надежда на убежище для того, кто был объявлен вне закона.

На экране остался только Диск.

Капитан смотрела на дисплей невидящим взором, сжав губы в ниточку, недвижимая, как золотая статуэтка — воплощение горечи. Уэлкин сочувственно покосился на Вади, но ничего не сказал, предпочтя избавить Абдиамаля от необходимости подыскивать уместный ответ.

— …думаешь, они это сделают? — Птичка Алин потянула себя за колыхавшийся в воздухе конец пояса. — А если нет?

— Они это сделают. — Вади вернул себе и фигуре уверенность. — За пятьдесят миллионов секунд Дьем Накаморэ у меня ни одной шахматной партии не выиграл.

— Бета, ты была бесподобна. — Уэлкин обернулся к ней и поискал слегка затуманенными глазами потупленное лицо Беты. — Сам Эрик бы не справился лучше.

— Был бы Эрик жив, нам не пришлось бы…

Вади кивнул, испытав некоторое облегчение.

— Я и сам почти поверил. Каждому слову.

Она чиркнула спичкой.

— А почему ты считаешь, что я блефовала, Абдиамаль? — Она раскурила трубку и взглянула на

него с жесткой холодностью самих Спасительных Снегов. — Кольцевики вроде бы ничего не могли нам противопоставить, а поди ж ты.

— Действительно… — Он мрачно поклонился и посмотрел на Уэлкина. — Я выучил свой урок — никогда больше не оскорблять инженера. — С этими словами он развернулся и направился к двери.

Бета следила, как он исчезает в лестничном колодце, и дрожала от холода, убившего возможные извинения в зародыше.

— Бета… ты… действительно собираешься… уничтожить завод? — печально пробормотала Птичка Алин.

Бета взглянула в ее испуганное лицо.

— Нет, Птичка Алин, конечно же, нет. Я не… не мясник.

Птичка Алин кивнула, поморгала, сманеврировала назад к двери.

Клевелл поскреб бороду.

— Тогда зачем притворяться, Бета? Даже на меня произвело впечатление. Или ты больше не притворяешься?

Ее лицо покраснело от стыда, изгнавшего холод.

— Ты же знаешь, как все на самом деле, пап! Но

этот чертов Абдиамаль…

Клевелл слегка вздернул голову и отстегнулся.

— Не такой уж и плохой тип для местного. Он отлично держится при 1*g*, учитывая… все, через что ему пришлось пройти.

Он явно хотел сказать, что Бета не стремится облегчать участь Абдиамаля.

— Он фанфарон. Ему повезет, если не покалечит сам себя.

Она раздраженно отвернулась.

— Он горделив, Бета. Он, может, сам этого не признает во всеуслышание, но… способность сохранять прямую осанку и улыбку, когда тебя корежит гравитацией… или разрывает лояльностью… достойна уважения. В каком-то смысле он напоминает мне…

— Он на Эрика совсем не похож.

Он вскинул брови.

— Я не это имел в виду. Он напоминает мне тебя. — Клевелл поднял руку, упреждая ее раздраженную отповедь. — Но раз уж ты это озвучила, то, да, некоторое сходство имеется… в манерах, возможно, или даже физическое. Вероятно, потому-то я ему поневоле и симпатизирую. Вероятно, тебя это немного беспокоит. Что-то же тебя гложет.

— Ох, папа… — Она подняла руку, прижала

золотые кольца к тубам. — Твоя правда. Каждый раз, глядя на него, наблюдая за его движениями, я вспоминаю… Но он *не Эрик*. Он не из наших, он один из *них*. Ну и как мне себя чувствовать? Как мне перестать… стремиться… — Она потянулась к нему. Клевелл сомкнул недрогнувшую морщинистую руку на ее запястье, другой пригладил расплывшиеся по сторонам волосы.

— Не знаю. Не знаю, что тебе ответить, Бета. — Он вздохнул. — И почему твердят, что с возрастом приходит мудрость? С возрастом приходит только возраст.

Теневик Джек без устали мотался по каюте. Здесь было слишком просторно, и казалось, что ее с ним до сих пор делит призрак незнакомца. Справочники по экономике, бессмысленные слова какой-то песни, свитер ручной вязки, подвешенный в пустоте… Между шкафчиков и лотков, словно мусор, который недосуг вымести из-под ковра жизни, скапливались следы мертвеца. Рыжинка жалась к его плечам, безмолвно принимая его таким, какой он есть, и тем несколько смягчала постыдное изгнание. Он бездумно погладил ее, слушая тиканье часов; никчемушные дополнительные деления, бесконечные секунды. Интересно, удастся ли добиться

от Кольцевиков необходимого? И как после этого Бете Торгюссен в лицо смотреть? Как смотреть в лицо собственной жизни?

Нелюдское личико — Рыжинка — приподнялось за его плечом, уши дернулись.

— Птичка Алин?

Он переместился к двери, выглянул в коридор, увидел, что Вади Абдиамаль уже исчезает в соседней каюте. Услышал почти безгласное замечание Вади:

— Вот это женщина! Господу Богу бы в глаза плюнула не задумываясь.

Теневик Джек скользнул по коридору к каюте Абдиамаля и остановился на пороге, присматриваясь.

— В чем дело? Тебе тоже в лицо плюнула?

Абдиамаль повернулся, на его лице отобразилось мгновенное замешательство. Вади отсутствующим движением разгладил рубаху, и оно стерлось.

— Да, что-то в этом роде.

— Что там, наверху? Мы раздобыли водород?

— Вероятно. А что, тебя разве не было в рубке?

Он скорчил гримасу.

— У меня храбрости не хватило. Я капитана извращенкой обозвал.

— Ты… что сделал? — недоверчиво нахмурился Абдиамаль.

Теневик Джек ухватился за косяк двери, чтобы не поддаться влекущему его обратно отчаянию.

— Я… могу с тобой поговорить… как мужчина с мужчиной?

Абдиамаль жестом пригласил его в каюту, не выразив никакого удивления.

— Вероятно, да. О чем?

Теневик Джек прокашлялся, Рыжинка спрыгнула с его плеча, взмыла в воздух, словно стартующий лихтер, и поплыла к Абдиамалю.

— Как так получилось, что ты никогда не был женат?

Абдиамаль удивленно рассмеялся.

— Не знаю. — Он взглянул на кошку, потянулся к ней, привлек к себе и устроил на груди. — Может, потому, что я никогда не встречал женщины, способной при всем честном народе плюнуть Богу в лицо.

Теневик Джек посмотрел на Абдиамаля широко раскрытыми глазами и усомнился, кто из них двоих удивлен больше.

Абдиамаль снова рассмеялся.

— Но почему-то, — пожал он плечами, — я так не думаю.

— Я… ты раньше говорил, что теперь никогда не женишься. Я полагал… есть другая причина. — Он потянулся к выходу.

— Была.

Он остановился.

— Я много странствовал. Это значит, что я подвергался воздействию высоких уровней радиации. Мой геном, вероятно, поврежден. У нас имеются банки спермы, чтобы мужчины могли спокойно путешествовать и иметь детей. Но теперь, когда меня объявили вне закона, я все равно что мертв. Мой счет обнулили. — Абдиамаль глубоко вздохнул. — А мою сперму уничтожили.

Теневик Джек отвел глаза, и у него вырвалось:

— Хотел бы я, чтоб мою сперму уничтожили! — Он помотал головой. — Нет. Нет, я не это имел в виду… Но мы не сможем пожениться. Птичка Алин и я… я не стерилен, в отличие от нее. Мы просто *дефективны*. Нам нельзя иметь детей, но если бы мы…

Абдиамаль потрепал Рыжинку по мордочке.

— Это простая операция. Разве в Лэнсинге она не проводится?

— Да, но… они не станут. — Тоска легла ему на грудь тяжким грузом. — Те, кто верит в диалектический материализм, считают, что индивид

сам отвечает за свои поступки. И сам принимает их последствия, а не перекладывает на кого-то. Как моя мать… моя сестра родилась слишком увечной, и ее… мать ее выставила Наружу… Она с тех пор не позволяет папе прикасаться… — Он опустил взгляд на свои руки. — Но наша медицинская техника и так на ладан дышит. Я думаю, они просто не хотят возиться.

Абдиамаль спросил вежливым тоном профессионального интереса:

— А как так вышло, что тебя сочли дефективным? Ты кажешься вполне нормальным человеком.

Руки Теневика Джека стиснули металл.

— Может, я не был тогда дефективен, но моя сестра — да. Всегда нужны те, кто будет работать на поверхности, и мне сказали, что я должен. Так поступают с теми, кто не слишком сильно ущербен, вроде Птички Алин. Там я ее и встретил… — Там-то он понял, какой должна была быть жизнь — и была некогда, — среди красоты садов, а не черноты камня. Там он обнаружил, что жизнь за каменными стенами не кончается, и чувства, такие, как надежда или вера, — тоже. Но он провел слишком много мегасекунд, латая тришкин кафтан атмосферного пузыря, слишком много мегасекунд на загрязненном радиацией

корабле. Исцелить увечную руку или разбитое сердце нельзя.

Он стукнул рукой по косяку.

— Все полетело к чертям! Я не хотел Бету так называть… так, как обозвал. Но у нее так много мужей, у нее даже дети есть! А мы с Птичкой Алин не можем себе позволить… у меня крыша едет. Бета много потеряла, и я ей такое сказал… такое… Она мне помогла после того, как мы пытались захватить звездолет, мы ничем не лучше этих…

— Пытались? И она вас простила?

Он неловко кивнул.

— У нас не было никакого оружия, кроме консервного ножа. Думаю, она посчитала нас идиотами.

— И… ты сказал, у нее дети есть?

Абдиамаль опустил глаза на широкую кожаную ленту, окольцевавшую его запястье.

— Да. В космос выйти им… ничего не стоит. Это не конец. Он прикусил язык, вспомнив, чем завершилась космическая вылазка для остальной команды *Рейнджера*.

— Если уж она простила вас за попытку захвата ее корабля, то, думаю, простит и за то, что ты ее извращенкой обозвал. И притом раньше, чем меня — за то, как я отозвался о бортинженерах.

Теневик Джек непонимающе нахмурился.

Улыбка Абдиамаля померкла.

— Кажется, у нас с тобой не одна общая проблема. Впрочем, у всех групп, населяющих Небесный Пояс, проблемы общие. И я больше не уверен, что легко будет разрешить даже одну из них.

Теневик Джек отвернулся и заметил, что Птичка Алин наблюдает за ним с другого конца коридора. Он встретил ее взгляд, чувствуя тяжесть отчаяния, подобную хватке гравитации.

— Ответов вообще нет. Мне стоило бы это понять. Извини, Абдиамаль, что отнял у тебя время.

Вади закрыл дверь каюты, продолжая баюкать прильнувшую к нему кошку. Мысленным оком он видел будущее Лэнсинга, смерть и уныние в садах — а следом за Лэнсингом и во всех Небесах… *Будущее?* Тишина оглушительно давила на уши. *Конец.* Демархия всего лишь один из тающих клочков снега. Ответа нет. Он ничего не сумеет сделать, чтобы задержать смерть, и никогда не сумел бы. Он обманывался иллюзией важности и значительности своей работы, креативности усилий переговорщика, мнил себя связующим звеном, без которого настанут распад и разрушение. Но он ошибался. Слишком поздно, и всегда

так было. Он просто падальщик, ничем не лучше остальных… живет за чужой счет, тратит жизнь, услаждая себя фантазией, что его действия каким-то образом спасут их всех. Тратит жизнь зря. Он лишился последнего шанса на собственную жизнь, дом, семью, настоящие отношения. И все, что бы он ни делал, кем бы он ни был и во что бы ни верил — все зря. Все это было напрасно, а под конец обратится в ничто. *Ничто.*

Рыжинка стала ёрзать у него на руках, словно капризное дитя. Выпустив ее, он случайно задел рукой ширму вентиляционного канала и заметил, что в слабом потоке воздуха колышется прямоугольный предмет размером с ладонь. Он взялся за него и осмотрел. Картинка — голограмма мужчины и женщины, оба с детьми, стоят перед покосившимся строением довольно грубых пропорций, сцену заливает ослепляющее сияние. Женщина эта была Бетой Торгюссен, только с длинными волосами, аккуратно уложенными в косички на голове. А мужчина, высокий, темноволосый, с изящным загорелым лицом… *Эрик?* внезапно услышал он ее голос из динамиков скафандра — в монорельсовом вагоне города Мекки. *Я… Простите. Мне показалось… я вас узнала.*

Вади перелистал изображения пальцем.

Призраки…

Из интеркома на стене с ним действительно заговорила Бета Торгюссен. Капитан — с обращением к экипажу.

Накаморэ принял ее условия.

***Рейнджер*, зона Диска, +2.74 мегасекунды**

— Так, пап, тросы закреплены. Если сможем стартовать с этим грузом, можно будет сказать, что мы реально превзошли самих себя! Заводи машинку, — Бета подняла подбородок от кнопки микрофона и поудобнее перехватила рукой изогнутый стальной трос, устроившись в расщелине между цилиндрами с водородом. Трос дернулся: лебедки начали перемещать последнюю порцию груза к нависавшей над нею сияющей громаде *Рейнджера*.

— Это солидно, Бета, — сказал веселый голос Клевелла в аудиосистеме скафандра. Она представила себе его улыбку, почувствовала ее сквозь зеркальный корпус корабля.

— Солидно. Но мы это сделали, пап! Мы на самом деле справляемся.

Укрытая за шлемовизором, она видела расплавленное серебро корпуса корабля, в котором отражался рубиновый скарабей Диска. *Рейнджер* поднимался над тускло–зеленым горизонтом

скученных баков, и ровную безупречность корпуса омрачало небольшое темное пятно. Тень Спасительных Снегов… или, возможно, зияющая в металле дыра с рваными краями. Ее повело, она поспешно отвернулась, скользнула взглядом по сияющей фигурке Теневика Джека в скафандре на одном конце пятидесятиметровой цепочки цилиндрических баков. А дальше простиралась пустота: легко было вообразить, как безжалостная гравитационная хватка Диска утягивает ее в бескрайнюю ночь… туда же, куда и пятерых остальных членов экипажа до нее. Она закрыла глаза и припала к тросу, открыла снова, поглядела на твердую, надежную, тускло–зеленую поверхность баков. На другом конце линии погрузки работал Абдиамаль, неуклюжий, упрямый и немногословный. Баки практически слились с массивной защитной стеной *Рейнджера*, скоро, значит, уже конец операции. *Еще разок, еще только разок…* По лицу Беты в скафандре заструился пот; она сердито затрясла головой. *Кончай дурака валять, ты не упадешь!..*

— Бета? — Это Птичка Алин: ее голос явственно выделился из статического треска в маленьком динамике аудиосистемы скафандра. Тут же Бета и увидела девчонку, похожую на моль рядом с

колоссальным крепежным стеллажем на корпусе. — Мы не можем его закрепить!.. Абдиамаль, у тебя… трос между баками…

— Сейчас.

— Абдиамаль, погоди! — Бета увидела, как вспыхивает ракета его ранца, и Абдиамаль исчезает в пустоте. — Пап! Трос на корме ослабь, сейчас же!

Она вытянула собственную ракетницу из зажима на запястье, нажала кнопку и полетела следом за ним на край света. Увидела, как Абдиамаль зависает над ступицей колеса баков, где трос застрял между цилиндрами. Как он цепляется за кабель, расставляет ноги, упираясь ими в корпус, и тянет…

— Абдиамаль, стой, стой!

Трос высвободился… скрепленные баки позади отбросило отдачей, а кабель метнулся от корабля к Бете, беззвучно, словно атакующая змея. Она в отчаянии сдала назад, уже понимая, понимая…

— Клевелл!!!

Трос ударил ее в грудь, отшвырнув прочь от корабля, в пустоту, и перед лицом Беты на забрале шлема полыхнули звезды. Она сражалась за каждый вдох, чувствуя кровь во рту, легкие горели от боли, сияющая карусель звездолета крутилась в

пустоте, ускользая за край ноля зрения… чернота, кровь, расплавленное серебро, чернота… Она потянулась за ракетницей, но руки ловили только пустоту. Она падала.

Нет… начала кричать Бета.

Вади почувствовал, как высвобождается трос, и в тот же миг услышал голос капитана — та приказывала остановиться. Потеряв равновесие от неожиданности, забултыхался в пустоте, поднял голову и увидел, что наделал: баки сдвинуло отдачей распрямившегося троса, а тот хлестнул Бету, словно плетка, и увлек в бездну. Искорка ракетницы Беты, отцепившаяся от скафандра, бесполезно кувыркалась в пустоте.

— О Боже… — Он слышал крики Птички Алин и Теневика Джека, и свой собственный тоже слышал, но от Беты Торгюссен — ни звука. Махнул рукой остальным и нырнул следом за нею во мрак ночи. Колоссальное одиночество окутало его и стало душить, черное и алмазное, сыпучее и всепроникающее, словно песок, тянуло назад, сдерживало движения, как сдерживало его всю жизнь, отсекая от правды, одиночество собственного существования. Он медленно сближался с кувыркающейся по спирали фигуркой Беты — до одури неторопливо, на сантиметры за секунду…

видя мысленным оком разорванный скафандр, остывающий труп, бледное лицо, проклинающее его даже в смерти за многолетнее лицемерие. Но более всего в жизни сейчас он хотел преодолеть разделявший их провал и увидеть, что на самом деле еще не слишком поздно…

И, преодолев пространство шире жизни, он схватился рукой в перчатке за ее лодыжку. Подтянул к себе и остановил падение курсокорректирующей ракетой. Сжал руками ее шлем, почувствовал, как Бета слабо цепляется за него, поискал за безмолвным, затуманенным красной дымкой визором признаки ее лица. Обезумев от облегчения, он только и повторял:

— Бета… Бета… Бета, с тобой все в порядке?

Ее скрытое в тени лицо подалось вперед, посмотрело на него, подбородок надавил кнопку микрофона.

— Эрик… о, Эрик. — Он услышал ее всхлип. — Не отпускай меня, я падаю… не отпускай меня, не отпускай меня… — Ее руки конвульсивно сжались, молчание снова окружило их. Он постучал по стеклу.

— Не стану… все в порядке… не отпущу тебя, все хорошо.

Мерзлая красота плоскости колец Диска, неру-

шимая подобно смерти, ослепляла. Он отвернулся в другую сторону, активировал ранец и начал возвращение к заметно умалившемуся перед глазами звездолету, пересекая черную песчаную пустыню ночи. Бета хранила радиомолчание; он больше не искал ее лица за красным от крови стеклом шлема, позволяя остаться наедине с горем и чувствуя, как вместе с ними летят пятеро призраков. Наконец он услышал, как Бета снова произносит его собственное имя, благодарит и называет по имени опять…

— Что произошло?

— Все в порядке?

— Бета, с тобой все в порядке?

Голоса Теневика Джека и Птички Алин зазвенели в его шлеме. Они ринулись ему навстречу, скрытые забралами лица повернулись к Бете, руки в перчатках протянулись к ней.

— Она ушиблась. Помогите мне затащить ее внутрь.

Она едва шевелилась в его руках. Пока они затаскивали ее через воздушный шлюз, так и молчала. Они влетели в рубку; Бета продолжала крепко держаться за его скафандр. Он глянул в сторону консоли — где Уэлкин? Поднял забрало и внезапно осознал, что в рубке пи движения.

— Уэлкин?

Он увидел неподвижную руку над подлокотником кресла, и горло свела судорога.

Бета подняла голову, точно слушая, но не получила ответа. Выпустила Вади, оттолкнулась от него.

— Папа?

Голос ее дрожал. Она охватила руками живот, сжалась в воздухе тесным полумесяцем.

— Папа… ты здесь?

Он услышал слабый вздох. Бета попыталась поднять руки.

— Кто-нибудь… снимите шлем. Ничего не вижу. Пап?

— Бета… — начал Теневик Джек и умолк.

Птичка Алин перелетела к Бете, сняла с нее шлем, подняла и дернулась при виде покрытого пленкой крови лица. Но Бета уже отворачивалась, трясла головой, чтобы скорее прийти в себя, с отсутствующим видом стягивала перчатки. Увидев безвольно покачивающуюся в воздухе руку старика, она замерла.

— О Господи.

Рука Беты метнулась к Птичке Алин, ухватилась за нее в поисках опоры. Птичка Алин приобняла ее и помогла переместиться через

рубку. Вади последовал за ними.

— Папа?..

Голос Беты упал.

Она коснулась лица навигатора. Уэлкин открыл глаза, неуверенно сфокусировал взгляд, тронул себя правой рукой за грудь. Она рассмеялась или, может, всхлипнула, сжав его плечо.

— Боже, спасибо! Боже, спасибо… я думала… ты такой холодный…

— Бета. Ты?..

— Со мной все хорошо. Со мной все будет хорошо. — Она коснулась его лица дрожащими окровавленными пальцами. — У меня просто… кровь носом пошла. Что… что с тобой?..

— Боль… в груди, словно там что-то… лопнуло. Вниз по руке… сердце, наверное. Боялся… пошевелиться. Когда увидел на экране… увидел, что с тобой произошло…

— Не надо. Не надо об этом думать. Все уже кончилось. Мы это сделали, пап. Мы уже справились. Глаза закрой, ни о чем не тревожься, не переживай, просто отдохни. Мы о тебе позаботимся. — Она выдавила улыбку, новые струйки крови обагрили ее подбородок и руку, нежно баюкавшую лицо Уэлкина.

— Перенести его в лазарет? — Вади, паривший

за ее плечом, принудил себя заговорить.

— Нет, — Уэлкин закрыл глаза и покачал головой. — Нет еще. Закончите сперва!..

— Он прав. Во всяком случае, перемещать его пока нельзя. Как хорошо, что мы в невесомости… — Бета выдернула из шкафчика под консолью шарф, подняв небольшую метель распечаток, утерла лицо и аккуратно, морщась, сплюнула. Вади заметил, как снова возвращается к ней самообладание, но также заметил и боль, с которой согнулось ее тело, когда Бета ушла от взгляда Уэлкина. Птичка Алин переместилась к ней, непонимающе приоткрыв рот. Бета нахмурилась, выпрямилась в воздухе, помотала головой.

— Да, все правильно. Папа правильно говорит. Мы обязаны закончить эту работу. Теперь уже никаких помех! Запускаю лебедку. Птичка Алин, вернись наружу и проверь… все ли закреплено как следует. Теневик Джек, задай курс на Лэнсинг. Если в чем-то сомневаешься, спроси, я тебя перепроверю… Абдиамаль…

Он встретил ее взгляд, приготовясь к неизбежному.

— Убираться у вас с дороги к чертям собачьим?

Она ответила без всякого выражения:

— Ступай в лазарет и принеси шприц с обезбо-

ливающим для Клевелла. Они там в аптечке, уже готовые, набирать не нужно. — Она ухватилась за спинку кресла и покачала головой. — Нет, два шприца. А потом… — в ее глазах что-то переменилось, взгляд метнулся к нему, — потом убирайся к чертям собачьим с моей дороги, Абдиамаль!

***Грузинка–Мару*, в полете из Демархии к Диску, +2.75 мегасекунды**

— …вы теперь намерены объяснить действия своего подчиненного, Маквонг? Надо думать, именно он показал иномирцам, как добыть водород. И тем лишил нас шанса догнать звездолет прежде, чем тот покинет систему.

Эсром Тирики безрассудно метался по тесной рубке.

— Он больше не *мой подчиненный*, демарх Тирики. Его объявили вне закона за измену, — устало ответил Лицзэ Маквонг.

И он действительно затеял измену, к моему немалому удивлению. Что им движет? Месть? Разумное предположение…

— В любом случае, Кольцевикам корабль тоже не достался.

— Но вы сказали, что он им его отдаст.

— Таково было разумное предположение.

Маквонг ощущал непривычную скованность

шейных мускулов, вызванную перегрузкой при движении корабля, и понимал, что на остальных она тоже действует. Он молча проклинал стечение обстоятельств, волею которого корпорация Тирики получила долю в этом термоядернике и отрядила Эсрома Тирики на борт своим представителем. Тирики и его компания немало пострадали в глазах общества, когда открылось, какие у них были планы на звездолет, и два других представителя корпораций на корабле не скрывали своего недовольства по этому поводу. Маквонг сожалел также, что у Тирики не в обычае самоконтроль, позволяющий переносить тяготы молча.

Представитель Нчибе снова чем-то отвлек Тирики, невольно вызвав огонь на себя, и Маквонг удалился, проплыв мимо зевающего, но демонстративно почтительного журналиста в корпоративной ливрее Нчибе. Медийщики подслушали ответ Кольцевиков на угрозы команды звездолета и переслали его в Демархию, как решено было поступать со всей критически важной информацией на время погони. Народ, мнительный бог, которому Маквонг предложил в жертву Вади Абдиамаля, как до него — иных козлов отпущения, продолжал внимательно

следить за Маквонгом даже здесь. Но теперь, по крайней мере, Народ безмолвствует, поскольку любое сообщение будет перехвачено на звездолете и выдаст координаты преследователей. Вероятно, в первый раз за всю карьеру государственного деятеля Маквонг оказался в ситуации, когда мог до некоторой степени свободно принимать решения, и еще не понимал, стоит ли этим наслаждаться. Ибо следующее решение, какое предстояло ему принять и за которое он впоследствии понесет ответственность, таково: продолжать ли погоню за кораблем или возвратиться в пределы Демархии? И решение это не настолько очевидно, как может показаться… Звездолет захватил тысячу тонн водорода — более чем достаточно для побега из системы, если верить расчетам Осуны. Такой избыток топлива повлияет на скорость и маневренность корабля. Возможно, и эти действия продиктованы желанием отомстить? Но почему-то Маквонг сомневался. Они уже уничтожили один корабль, теперь могли бы повторить это в куда большем масштабе, разрушив крупнейший перегонный завод. Но не стали. Он испытывал странную смесь чувств — облегчения и уважения.

Когда корабль впервые появился в системе, они

направлялись к Лэнсингу. В Мекке инопланетянка действовала вместе с юношей из Лэнсинга. Если у экипажа какая-то договоренность с Лэнсингом, это многое объясняет. И если так, то звездолет не улетит сейчас прочь из системы, а у кораблей Демархии еще остаются шансы его догнать.

Маквонг огляделся, наблюдая, как пилот приближается к Тирики и остальным, чтобы вежливо вмешаться в их разговор. Что произойдет, если они и вправду сблизятся с кораблем? Он посмотрел в иллюминатор: длинная, насыщенно–лавандовая нить выхлопа термоядерных двигателей второго корабля протянулась в ночи за стеклом. К тому моменту они залетят за миллионы километров от Демархии: три боевых корабля с командой из амбициозных, охочих до власти людей вроде Эсрома Тирики. Неважно, что там решил Народ по поводу звездолета: никаким способом Демархия не сможет повлиять на действия таких людей, и они сами поймут это первыми. Находясь лицом к лицу с такими, как Тирики, в изоляции от своих сторонников, Маквонг проникся осознанием справедливости того, что с самого начала инстинктивно понял Абдиамаль: звездолет, смотря по обстоятельствам,

может принести Демархии как спасение, так и гибель в смертоносной ловушке.

Он вздохнул. *Ты всегда был лучше меня, Вади, и в этом твоя основная проблема.* Возможно, в этом, а не в какой-либо мести, и кроется главная причина предательства Абдиамаля. Ему было невыносимо тяжко обрекать Абдиамаля на изгнание, но как знать, не окажется ли в итоге это действие лучшим из мыслимых за всю его политическую карьеру. И возможно также, что Маквонгу под силу частично искупить свой проступок перед Абдиамалем: он хоть и трибун Народа, а властен промолчать о том, что понял.

— Демархи… — Три представителя корпораций и пилот дружно подняли головы и воззрились на него. Журналист поспешно сфокусировал камеру. — Полагаю, всем присутствующим понятно, что дальнейшая погоня за звездолетом бессмысленна. Но, во всяком случае, и в лапы врага он не попал. Он покидает систему; разумнее всего не тратить дальше ресурсы впустую и возвращаться до…

— Демарх Маквонг, кажется вероятным, что мы еще не потеряли его, — на лице Тирики возникла улыбка фарфоровой статуэтки, почему-то более неприятная, чем все его прежние эскапады.

— Только что поступила новая информация о звездолете, — племянник Эстевеса мотнул головой в сторону пилота. — Линь Бяо говорит, звездолет не стал покидать систему. Он развернулся, возвращается в Основной Пояс.

— К Лэнсингу, — сказал Тирики. — Они летят назад в Лэнсинг.

— Мы еще можем за ним угнаться. Линь Бяо говорит, они сейчас всего на ¼*g* летят.

Маквонг помедлил, видя, что корпоративная троица наконец отринула разногласия ради общей цели. За их спинами маячила вся Демархия, молча ожидавшая его действий. Демархии ведомо то, что ведомо им, и это он, Маквонг, инициировал преследование. Народ не обладает полнотой информации, но возможно ли, что уже утекло слишком много? Пожалуй, приказать разворачиваться еще допустимо, но смирятся ли с его приказом?

— Если Народ сочтет, что ради интересов Демархии не требуется более продолжать погоню за звездолетом, пускай нас известят об этом, — проговорил он в наблюдавшие за ним камеры с осторожной настойчивостью. — Тем временем… — Он почувствовал, как буравят его внимательные взгляды семи пар глаз в рубке и тысяч

невидимых. — Тем временем, опираясь на вновь поступившие данные, я полагаю необходимым продолжить миссию. Поступила информация, что, исходя из соображений о траектории входа корабля в систему и его нынешних запасах топлива, он скорее всего направляется к Лэнсингу. — *Вади, прости меня.* Лица присутствующих расслабились, отразили удовлетворение или легкую издевку. *Но это моя работа — давать людям то, что им нужно.* Он улыбнулся в ответ, стараясь вложить в улыбку не меньшее удовлетворение.

— Демархи… — Пилот, в золотистой корпоративной куртке, уверенно протолкался вперед. — К моменту смены курса может все равно получиться так, что мы их не догоним. Если даже корабль сейчас только на ¼*g*, нам самим еще придется тормозить перед Лэнсингом…

Пилот умолк, и на лицах собравшихся, как симптом болезни, проявилась хмурая гримаса. Маквонг присмотрелся к ней, словно врач, выносящий диагноз, и прописал средство, которое возымеет меньше всего побочных эффектов для его собственной репутации.

— Думаю, это не проблема, демархи. Я предложил бы следующее…

***Рейнджер*, в полете с Диска к Лэнсингу, +2.96**

мегасекунды

Вади шел по коридору в направлении личной каюты Беты Торгюссен, преодолевая сопротивление гравитации в ¼*g* и усталости после выхода в космос… а еще — тех самых тесно переплетенных между собою эмоций, какие и подгоняли его сейчас увидеть лицо Беты. Память о дисканском небосводе с полумесяцами спутников, в светящейся дымке космического мусора, преследовала его; он понимал, какая значительная победа достигнута и как дорого она обошлась, почти утраченная по его собственной вине. Она едва не стоила двух жизней, последних из экипажа с Утренней Стороны — а с ними он бы лишился той части себя, какую только начинал познавать…

Он достиг приоткрытой двери, остановился, подождал, пока коридор перед глазами снова обретет резкость, и перешагнул порог.

Рыжинка высунула голову из кокона постельного белья и глянула на него, как на знакомого. Капитан сидела за столом, спиной ко входу и Вади, погруженная в глубокую задумчивость, среди дисплеев и распечаток. На столешнице громоздилась внушительная башня из пустых кофейных чашек. Над головой Беты на стене висела табличка с надписью: **ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД**

Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЛА, КАК ПРАВИЛЬНО ПИШЕТСЯ СЛОВО ИНЖЕНЕР, А ТЕПЕРЬ Я САМА ТАКАЯ. Он улыбнулся было, но тут же заслышал ее вздох, похожий на стон. И представил себе ее треснувшие ребра в бандаже, ссадину по всей длине кисти.

Он резко повернулся, чтобы выйти из каюты, и уткнулся глазами в голографическую картинку на стене, перечеркнутую широкой зеленой стрелкой с надписью **НИЗ**. Он увидел Бету Торгюссен, Уэлкина и… Эрика, бородатого, улыбчивого. С ними были еще две женщины и двое мужчин, а еще — семь детей в теплых одеждах, все бледные, все смеются, машут руками в трех измерениях, движения их забавно искажает фоновая метелица. Семья, которая знала, как делиться с другими… и почему-то на Небесах, охваченных неутолимой жаждой наживы, их стремление делиться не казалось ни чужеродным, ни нелепым.

Рыжинка поморгала, шевельнулась на постели и вопросительно мурлыкнула. Бета обернулась через спинку кресла, контролируя болезненную гримасу, глаза ее внезапно стали нервными, стремительными, сформулировали безмолвный вопрос о причинах его появления.

— Бета… Я к вам, если вы не против. Мне нужно кое о чем поговорить.

Он пересек каюту.

— Хорошо, Абдиамаль. — Ее глаза скользнули по его запястью, по ленточке Клевелла. — Да, наверное, это уместно. — Выражение лица переменилось. — Но сперва расскажите, как там Клевелл. Как он переносит перегрузку?

— Думаю, все нормально. Он слаб, но не дурак… — *Это еще слабо сказано.* Он испытал неожиданную гордость за старика. — Вряд ли он бы рискнул такое перенести, не будь уверен, что выживет. А вы?.. Что вы пытаетесь доказать? Почему бы, черт побери, не отдохнуть… — Он замолк, не вполне уверенный, на кого гневается.

Ее губы, все в царапинах, сжались.

— Потому что лучше боль, чем смерть. И да, я пытаюсь кое-что доказать. — Она указала на компьютерный терминал, выражение лица слегка смягчилось. — Я… не знаю, как лучше объяснить, но… в общем, мы обнаружили водородно–гелиевый след, у него заметный допплеровский сдвиг в красную область. Наверное, это выхлоп водородного термоядерника, и он указывает в другую от нас сторону. До него сейчас тридцать миллионов километров назад но курсу, но он следует за нами.

— Вы что, можете обнаружить направленный

в другую сторону выхлоп на таком удалении? — снова впечатлился он. — Ваша аппаратура настолько лучше нашей?!

— Правда? И то хорошо. Но у нас на корпусе столько топливных баков навьючено, что мы не можем оторваться от преследователей, кто б то ни был. Мне нужно знать следующее: откуда эти корабли, с Диска или из Демархии, и, если они из Демархии, какова, по вашему мнению, их задача. Они все еще надеются захватить звездолет или намерены уничтожить нас?

Он облокотился на столешницу. На руках чуть рельефно обозначились сухожилия.

— Хороший вопрос… Корабли явно демархистские. Ни у кого в системе нет ничего подобного; у Кольцевиков ракеты только кислородно–водородные. Нашими… демархистскими термоядерниками владеют на паях крупнейшие компании, но в ситуации чрезвычайной угрозы правительство Демархии вправе их реквизировать. Это значит, что басня Маквонга о том, как я переметнулся к Кольцевикам и похитил вас, нашла отклик… — Он помолчал. — Он знает, что это чушь собачья. А я знаю его. Я бы сказал, что он действует таким образом, желая заполучить корабль, потому как другого способа направить

термоядерники в погоню за ним не нашел.

— Но тогда он должен понимать также, что мы в любом случае оторвемся от них, пускай и нагруженные топливом для захода в Лэнсинг. Если им придется разворачиваться и сбрасывать скорость, уравнивая ее с нашей, мы улетим еще задолго до окончания их маневра. Если же замедляться они не станут, то промахнутся… и им ничего не остается, как стрелять по нам в полете.

Ее пальцы нервно постукивали по столу.

Он кивнул.

— Да, должен. Но он стремится захватить корабль неповрежденным, чтобы тот послужил интересам Демархии. И Маквонг не из тех, кто станет кварц добывать, приняв его за лед. Он что-то задумал, но я не понимаю, что именно.

— По крайней мере, нам известно, где они, а они не знают, что мы их засекли. Если они надеются застать нас врасплох, то утратили это преимущество. — Она шевельнулась в кресле и тяжело оперлась на столешницу. — Думаю, когда начнем сбрасывать скорость, то узнаем больше, наблюдая за ними. Предпримут ли они аналогичный маневр? Если не станут… что ж, тогда все зависит от дальнобойности их оружия. Наверняка мы успеем остановиться в Лэнсинге

на срок, достаточный для разгрузки водорода, а потом ускориться снова, просчитав все так, чтобы оторваться от них под нужным углом. Когда они изменят курс, мы уже выйдем на траекторию, безвозвратно уводящую нас из системы.

— Из нашей системы. Безвозвратно. А мы…

Он посмотрел в ее сильное и благородное лицо сверху вниз и удивился, с какой стати вообще мог счесть его простоватым. Руки напряглись от внезапного желания коснуться его.

Щеки Беты покраснели — до нее дошло. Она окинула его странным, почти приветственным взором, подняла руку.

— Садитесь, Абдиамаль… Вади Абдиамаль. Вы… да, вам без нас было бы лучше.

Он осел в мягкое откидное кресло у стены, раздвинув наваленные туда подушки.

— Бета, у меня нет слов, чтобы извиниться за то, как мы обошлись с вами, и все по моей собственной глупости… Господь свидетель, я вас едва не погубил. Все, что я говорил… я имел в виду, что…

Она взмахом руки заставила его умолкнуть.

— Я не хотела разрушать вашу жизнь, Вади… Я так же виновата перед вами, как вы передо мной. Теперь вот что. Не поздно ли еще искупать ошибки?

Он откинулся в кресле, прислонился головой к стене, не сводя с нее глаз.

— Никогда не поздно. Но я… не очень хорошо умею выражать эмоции, Бета. Я даже себе в них с трудом признаюсь. — Он глубоко вздохнул. — Внезапно выяснилось, что я очень многое бы хотел в себе поменять, а времени так мало… — Он замолк, почуяв присутствие призраков. — Вон та картинка напротив… Рядом с вами Эрик?

Он застал ее врасплох, но Бета кивнула, быстро овладев собой.

— Он был моим первым мужем. И… тоже переговорщиком, омбудсменом. Мы восемь лет ни с кем больше не вступали в брак, пока не влились в семейство Клевелла.

— У вас есть дети?

— Близнецы. Ричард и Кирстен, мальчик и девочка передо мной на голо. Им сейчас должно быть примерно одиннадцать лет. — Она усмехнулась. — Все они мои дети. Но близнецов произвела на свет я сама, они носят мою фамилию. Все семеро детей нашей семьи дома, с моими родственниками.

— Вы оставили своих детей… — Он снова осекся, не желая больше оскорблять ее. *Мы меняемся, но перемены всегда наступают слишком резко… и*

слишком запаздывают. А до Лэнсинга всего сотня килосекунд.

Она удивленно глянула на него.

— Ну да. Мы оставили их с моими родителями на лесной ферме. — Потом поняла. — Для уроженцев Утренней полмира родственники. Обнимают, байки рассказывают, игрушки мастерят… всегда кто-нибудь да рад тебя видеть. Нет, мы не бросили своих детей на произвол судьбы. Но отказать себе в наблюдении за их детством очень тяжело. По крайней мере, мы с Клевеллом вернемся и увидим, как они выросли… — Она опустила глаза и стала возиться с распечатками; новая боль, и не единственная, снова проявилась в ее позе.

— Теневик Джек и Птичка Алин… зачем им рисковать всем, чтобы умирающий мирок протянул еще несколько секунд?

Она помедлила.

— Не знаю. Я не задумывалась над этим… но, наверное, смысл есть. Я… Мне жаль, что я не успела узнать их получше.

— Так вы знаете? Уже знаете, каково им там, в Лэнсинге?

Она кивнула.

— Я в общем-то жалею, что мы туда летим. Но ничего лучшего не могу придумать для разго-

вора. В буквальном смысле. — Он улыбнулся. — Нет, вру. Я не жалею. Я действовал из благих побуждений.

Она подняла было чашку бесцельным движением, тут же поставила обратно.

— Вади, а что вы будете делать в Лэнсинге?

Он снова улыбнулся, услышав, как его называют по имени, но улыбка быстро исчезла.

— Скорее всего, сидеть и ждать конца мира. Всех миров. Не со взрывом, но с судорожным вздохом[4].

— Но вы не обязаны.

Ему почудилось, словно она касается его, так же явственно, как если бы тронула рукой. Он помотал головой.

— Я, возможно, и не обязан. Но полагаю, это моя кара за то, что притворялся, будто завтрашний день не наступит.

— Вы не верите?..

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Я и сам уже не знаю, во что верю. — Он понимал, что остался жив в просторном мавзолее. И боялся взглянуть в глаза смерти. — Я принадлежу этому месту, Небесам, если соотнесение еще имеет какой-либо

---

[4] Примечания: 4
Обыграна известная фраза из Полых людей Т. С. Элиота.

смысл. Меня оно чертовски пугает, но я обязан остаться до конца. Тем не менее спасибо за предложение.

На ее губах возникла усмешка, разочаровавшая его.

— Вы могли бы передумать.

— И скорее так, чем изменил бы Небеса… Ирония судьбы, не так ли? Мы начали, владея всем, а Утренняя Сторона — ничем; и посмотрите, кто в итоге потерпел поражение.

— Мы тоже едва не провалились — и не единожды. — Бета невидящим взглядом уставилась в стену, вспоминая. — И Ухуру, и Адская Дыра, и Лебенсраум. Но нам помогли.

— Кто?

— Мы сами друг другу помогли. Планеты вроде Утренней едва пригодны для поддержания жизни, любой сдвиг чреват катастрофой… но в то же время это наиболее обычный тип планет в зоне обитаемости. В местном регионе космоса все обитаемые миры такие, как Утренняя. Но мы способны дотянуться друг до дружки. Мы учредили торговое сообщество, и если у кого-то возникают трудности, остальные помогают подняться и возвращают в круг. Так и выживаем. Мы больше ничем не занимаемся, только выживаем.

Но этого достаточно. И будет достаточно на всю оставшуюся вечность, раз наше путешествие сюда оказалось напрасным. Кстати, и нас не обошла злая ирония судьбы, если уж вести о ней речь… Утреннюю Сторону колонизировали после масштабных политических неурядиц на Земле. А наша ближайшая соседка, Ухуру, заселена кое–кем из наших прежних врагов, после того, как на Древней Земле их собственная империя тоже рухнула. Нужда создает куда более странные постельные союзы, чем политика.

Он вдруг рассмеялся.

— Нам пятерым тоже пора бы это понять.

— Да. — Она встретила его взгляд и приложила пальцы к губам.

— Бета, если б вы сюда прилетели до войны, возможно, нам пятерым удалось бы совершить что-нибудь хорошее. Небеса бы научились делиться. А теперь уже поздно. Делиться нечем.

Она снова шевельнулась в кресле, болезненно поморщившись.

— Вади… вы сказали, знания, сделавшие возможными великолепную Небесную технику, по–прежнему сохраняются. В таком случае почему бы не реконструировать капитальную промышленность, чтобы Пояс заработал опять?

Все станет таким, как когда-то. Вы говорили, что даже *Рейнджер* может привнести ключевой толчок… Что, если… мы бы приняли вас в свое торговое кольцо? Это возможно. Расстояние от Утренней до Небес не так велико, оно вполне сравнимо с расстояниями, которые нам уже доводилось преодолевать. Если вам предоставить инструменты, необходимые для восстановления, то мы сами получим желаемое: лучшую, более богатую жизнь для всех наших миров, чтобы ничего подобного не случалось в дальнейшем.

Он слушал, как разгорается вдохновение в ее голосе, но чувствовал, что боль и тоска, покинувшие разум Беты, оседают в его собственном.

— Я так говорил. Но я ошибался.

— Ошибался?

— Мы слишком глубоко вниз скатились. Возврата нет. Смерть инфицировала всех нас. Мы уже не в состоянии сотрудничать друг с другом, даже во имя общего спасения.

— Но если бы дать им понять, что надежда есть, надежда для всех…

— А как заставить их понять? Вы ж видели, что они за люди. — Он с размаху ударил рукой по креслу. — Они не станут вас слушать!

— Да, не станут… — Бета грустно качала головой,

улыбаясь слабой улыбкой. — Вади Абдиамаль, как мы дошли до такого? Вы говорите, что они не станут, а мы — что станут. Как мы дошли до такого, что друг друга понимаем лучше, чем себя самих?

Он тоже покачал головой и ощутил, как на губах возникает ответная слабая улыбка, исцеляющая бессмысленную тревогу. Он смотрел на нее.

Рука Беты медленно поднялась со стола и коснулась ее ленты на его запястье. Он перехватил ее пальцы и сплел их со своими, бледные с коричневыми. Она поглядела на него в ответ, потом опустила глаза на переплетенные руки. Снова высвободила руку и проговорила тихо, ни к кому в особенности не обращаясь:

— И никому из них не суждено было жить вместе долго и счастливо…

Флагманское звено, зона Лэнсинга, +3.00 мегасекунды

Рейд.

Пока он, Рауль Накаморэ, гонялся за фантомным Кораблем Извне, тот в буквальном смысле обвел его вокруг носа и совершил налет на перегонную фабрику, какую, между прочим, полагалось защищать именно позаимствованным Раулем судам. Он по–прежнему был привязан

к изначальному — бессмысленному — курсу на Лэнсинг, топлива оставалось слишком мало, чтобы любая мыслимая попытка погони обернулась иначе, нежели позором. Рауль раздраженно барабанил пальцами по подлокотнику кресла: других способов снять фрустрацию у него не было.

И вдруг из свежих отчетов выяснилось, что звездолет не стал покидать систему, а, напротив, развернулся, лег на курс, идентичный взятому Раулем, и направился обратно в Лэнсинг. Рауль поглядывал на приборную консоль: двадцать семь сотен килосекунд минуло со старта, и лишь двадцать три килосекунды остается до Лэнсинга. Нагруженный водородом звездолет, словно в басне о черепахе и зайце, не сумеет перегнать их на пути в Лэнсинг, если Лэнсинг и вправду является целью иномирцев. Но почему это так? Зачем внешникам наниматься пиратами в Лэнсинге, если перед тем они уже понесли потери на Кольцах? Возмездия ради? Они могли без труда уничтожить перегонный завод, а вместо этого ограничились кражей тысячи тонн водорода: недостаточно, чтобы навредить Великой Гармонии, и слишком жирно для прямоточного двигателя.

А указал им способ кражи не кто иной, как Вади

Абдиамаль… Вади Абдиамаль из Демархии. Изгнанный собственным народом: как утверждал Дьем, именно за то, что помог звездолет скрыться от Демархии. Если в чем и был Рауль уверен, так это в том, что Абдиамаль не изменник. Почему же в таком случае тот изменил будущему своих людей? Он, может, и не агрессивный националист, но и не безумец. Зачем он угрожал Спасительным Снегам, если лучше любого другого демарха понимал их важность для выживания обоих народов? Зачем предавал своих друзей? Они ведь были ему друзьями, и, предав их, он отсекал себя от единственного оставшегося ему пути к спасению.

Возможно, его принудили к этому силой. Но Дьему не показалось, что Абдиамаль действует по принуждению… Рауль понимал, что Дьем никогда не простит Вади Абдиамалю предательства их дружбы, если даже иных поводов нет. Что же там такое, на этом звездолете, кто же управляет им, что человек вроде Абдиамаля счел возможным пожертвовать всем ради чужаков? Не исключено, что узнать этого не удастся никогда. Но если корабль следует за ними к Лэнсингу…

Рауль потянулся и обернулся посмотреть на Сандоваля. Ястребиное лицо Сандоваля хранило выражение неискоренимой скуки; тот переслу-

шивал пленку с каким-то романом. Хороший офицер, подумалось Раулю.

Если Сандоваль и считает, что его корабль и его команду используют без толку или нерационально, то не показывает этого. Рауль хранил свои мысли и сомнения в тайне. Двадцать три килосекунды до Лэнсинга. И, быть может, они все же не останутся внакладе…

Выбравшись из люка и спланировав на каменистую поверхность лэнсингского причала, Рауль заметил в небе Диск, умалившийся почти до несущественной звездочки, и обрадовался. Он вспомнил свое пребывание в Демархии давным–давно: там Диск тоже был всего лишь яркой звездочкой среди тысячи разбросанных по небу, такой же недостижимой, как и они; это внушало одиночество и отчаяние. На сей раз, однако, имелось и отличие: невидимый, но куда более близкий корабль, оставленный Раулем на низкой окололэнсингской орбите в целях безопасности. Он осторожно потягивался, пробуя мышцы и сбрасывая напряжение, пока ожидал прибытия нескольких членов команды двух пришвартованных здесь кораблей. Проведя почти три мегасекунды в невесомости, он с облегчением возвращал тело к обычной гравитации.

На космодроме стояли три корабля. Он с легким интересом рассматривал их, отмечая, что даже в Лэнсинге имеются корабли с ЭЯРД, недоступные Великой Гармонии; впрочем, они так опасны, что Гармонии без них, вероятно, даже лучше. Внизу (слабое притяжение снова наделило смыслом это слово) полупрозрачная пластиковая пленка, укрывавшая девять десятых поверхности Лэнсинга, переливалась золотистым и зеленым в зависимости от угла зрения там, где поверхность ее нарушали заплатки. Ему вспомнился дрейфующий снег, пастельная пороша кристаллизующихся на холоде неочищенных газов.

Таков был Лэнсинг, некогда величественный столичный мирогород великого в прошлом Небесного Пояса, единственный в своем роде. Его самодостаточная экосистема воссоздавала условия Древней Земли, поэтому население Лэнсинга уцелело в Гражданскую; к тому же практической пользы от него, как от столицы, особой не было. Рауль знал, что к моменту последнего сближения Лэнсинга с Диском местные скатились до пиратства, и задумался, до чего они скатились нынче. Команда нервничала и с подозрением поглядывала по сторонам. Он отдал приказ не снимать скафандров даже внутри астероида, что-

бы избежать любой возможной заразы, а равно инцидентов, могущих произойти от столкновения с местными лицом к лицу.

Они направились к единственному различимому на космодроме воздушному шлюзу, врезанному в склон скалы над кораблями. Рауль взглянул на одинокую радиоантенну, торчавшую на обнаженной вершине скалы. Ее наполовину подсвечивало холодным светом далекое солнце, но по мере бесконечного неощутимого вращения планетоида она погружалась в тень. Никакой подсветки, служившей бы предупреждением подлетающим судам, вдоль ее изящного стана заметно не было. Радист Рауля не зафиксировал никаких широковещательных передач из Лэнсинга. Интересно, не отказала ли полностью их аппаратура? Известно ли им вообще о прибытии его кораблей? Он представил себе, как обнаруживает внутри одних мертвых, и поёжился.

Один из спутников Рауля начал поворачивать кремальеру на утопленном в скалу люке; Рауль наблюдал, как активируется шлюз. Команда за его спиной ждала без нетерпения, без облегчения, без всяких признаков торжества при достижении цели. Он слышал лишь шепотки, неловкое бормотание, уловленные его радиосистемой. Молчание

экипажа удивляло его, пока он не узнал в нем продолжение своего собственного безмолвия; смертная тень изоляции, накрывшая Основной Пояс подобно шатру, окутывала и этот мир, действовала на всех, кто сюда попадал. Воздушный шлюз открылся. Раулю представились врата ада, зияющая пасть бездны. Он двинулся вперед и ступил в преисподнюю.

Шлюз снова заработал, замещая вакуум порцией атмосферы из тесного пространства впереди. Рауль ощутил, как скафандр утрачивает жесткость, и обернулся проверить, не нарушил ли кто его приказ и не поддался ли соблазну скинуть шлем. Соблазн этот, после трех-то мегасекунд в спертом переработанном воздухе, становился практически нестерпимым. Он проверил свое оружие и уместил штурмовую винтовку на сгибе локтя.

Откинулся внутренний люк. Он взглянул внутрь — в изумленные лица полудюжины мужчин и женщин, застывших на месте. Он заключил, что не его ожидали они увидеть, и протолкался в коридор, выискивая среди перепуганных встречавших предводителя группы, но всюду видел лишь грязные тела и залатанные одежки не по размеру. Услышав удивленные

ругательства своих спутников, возвысил голос.

— Так, кто у вас…

Женщина, которая могла быть как молодой, так и старой, отделилась от группы и двинулась ему навстречу, неся перед собой нечто, замотанное в лохмотья; он видел слезную пленку на ее щеках, темные глаза сфокусировались на Рауле с требовательной настойчивостью. Дрожащий голос произнес:

— … чудо… чудо…

Не успел он среагировать, как женщина всунула ему в руки сверток, оттолкнулась от стены и исчезла в наклонном туннеле. Он ошалело развернул комок тряпок и обнаружил в нем новорожденного ребенка. Дитя не кричало; поняв причину, он отвернулся.

— Чей это ребенок? — спросил он голосом, ожесточившимся от ярости и отрицания.

К нему двинулся мужчина, на чьем лице все еще был написан ужас, но некое отчаяние влекло того вперед.

— Мой… наш. Пожалуйста… пожалуйста, позвольте мне забрать его.

Почему-то казалось, что ребенка мужчина воспринимает как неодушевленный предмет. Он распростер руки, и один рукав, распоротый

до локтя, захлопал на ветерке. Ногти подведены темной грязью, и такая же грязь филигранью въелась в папиллярные линии на ладонях.

Рауль нерешительно вытянул ребенка перед собой. Отец принял его — почти вырвал из рук. И внезапно ринулся на прорыв круга вооруженных спутников Рауля, уцепившись за край люка. Швырнул ребенка внутрь, нашарил панель управления, ударил по ней кулаком. Шлюз заработал. Рауль увидел, как Сандоваль прыгает вперед, но мужчина прижался спиной к стене, закрывая своим телом панель управления, а люк уже захлопывался. Сандоваль сгреб его кулаком в перчатке за воротник рубашки, и прогнившая ткань разорвалась; мужчина отпихнул Сандоваля ногой. Люк закрылся, хотя Сандоваль и пытался просунуть пальцы в щель. Наверху красный индикаторный огонек сменился зеленым.

— Зачем?.. — выдохнул Сандоваль. Два члена команды схватили мужчину за руки.

— Сандоваль! — вскинул руку Рауль. — Хватит. Хватит… Это… Это был акт милосердия. Отпустите его.

— Но… — За стеклом визора Сандоваля бушевал гнев.

Рауль помотал головой, отгоняя воспоминания

о своих трех дочерях и двух сыновьях, ныне взрослых и здоровых. Он смотрел, как отпущенный флотскими отец, словно в ускоренной съемке, оседает по стене. Мужчина цеплялся за дрейфующие в воздухе клочки рубашки с таким видом, словно ему нанесли смертельную рану.

Рауль обернулся и посмотрел в туннель. Остальные встречавшие дематериализовались. Он раздвинул бормотавших проклятия спутников и протолкался к пленнику. Мужчина всхлипнул и поднял руки, закрываясь от него.

— Я должен был… Я должен был… Кто-то должен был… Она знала, что… она бы не позволила, но… Все так говорили. Ребенок… все равно бы умер… разве нет? Разве нет? Вы сами видели. Родился… уродом… — Он опустил руки и потянулся к Раулю, стараясь ухватить того за рукав скафандра. — Вы видели его? Вы видели?

Рауль сжал кулак от нахлынувшего желания врезать по протянутой руке и глубоко вздохнул.

— Да. Я видел ребенка. Он бы не выжил.

Мужчина уцепился за рукав и снова начал всхлипывать.

— Спасибо вам… спасибо вам…

Рауль грубо встряхнул его, испытывая смесь жалости с отвращением.

— Ты кто такой?

Мужчина тупо, безмолвно уставился на него в ответ.

— Твое имя, — проговорил Рауль. — Назови себя.

— Ветер… Ветер Китаву. — Мужчина выпрямился, отпустил рукав скафандра Рауля, разум начал возвращаться в его глаза — глаза старика на молодом лице. — Кто… что вы здесь делаете?

— Вопросы здесь задаю я. Во–первых, кто у вас тут главный, если есть, и можешь ли ты отвести нас к нему?

Ветер Китаву кивнул, с отсутствующим видом оглядывая наставленные на него дула полудюжины винтовок.

— Премьер–министр. Ассамблея. Я знаю, где палата. Я отведу вас… — Пальцы его снова переместились к надорванному вороту рубашки и начали нервно стягивать края вместе. — Вы не… — Рауль увидел, как формируется на его губах вопрос, но остается невысказанным. — Вы хотите, чтоб я вас туда отвел?

Рауль жестом попросил своих спутников следовать за ним, пропустил Ветра Китаву и сам пошел за пленником. Он отметил, что одна нога мужчины короче другой и искривлена неестественным

образом. *Врата ада, столица Небес.*

Их отвели не на поверхность, как он ожидал. Ветер Китаву углубился в подземные переходы, ведя их мимо мужчин и женщин с тусклыми взорами, чьи лица выражали страх и удивление, но в основном — непонимание. *Угрозы они не представляют.* Тревога Рауля сменилась депрессией. Какая-то женщина отделилась от с гены, утянулась за Ветром Китаву и шепнула ему:

— …звездолет?..

Ветер Китаву помотал головой, лицо женщины стало мрачным, она отделилась от группы. Рауль увидел отчаяние в ее глазах и обрадовался, поняв, что напал на след.

Ветер Китаву показал путь к переговорному центру, и Рауль отрядил туда Сандоваля с двумя бойцами на разведку. Сам же, в сопровождении остальных, двинулся дальше, размышляя, что обнаружится в палате Ассамблеи. Но предположения не могли подготовить его к истинной картине. Весть об их прибытии уже разнеслась: семеро фигур стояли в ожидании, совсем маленькие в просторном зале со стенами грубой отделки. Рауль инстинктивно догадался, что это помещение строилось как складское, а не как зал собраний. И, подобные драгоценным кри-

сталлам в пустой породе, блистали здесь пятеро мужчин и две женщины в величественных одеяниях государственных деятелей. Один из них еще разглаживал складки рукава, явно застигнутый врасплох. Ближайший выдвинулся вперед, двигаясь церемониально–неспешно, храня безличное формальное выражение. Рауль следил за развертыванием слоев алтабаса по мере продвижения чиновника: волокна одеяния поглощали свет и переизлучали его так, что казалось, будто носитель его окружен сцинтиллирующим огнем. Вглядываясь в это сияние, подобное блеску драгоценностей, он начал замечать места, где ткань потускнела или протерлась, запятналась и растрепалась, изъеденная временем. На голове мужчины виднелся мягкий тюрбан из того же материала. Лицо в шрамах, руки морщинистые и скрюченные, темные на сверкающем фоне одеяния, но чистые.

Рауль молча ожидал, пока чиновник приблизится. Шестеро остальных, приглушив блеск одежд, медленно сгрудились за спиной первого. Они смотрели не на лицо Рауля, а на его оружие. Наконец мужчина впереди поднял глаза и уставился в забрало шлема Рауля.

— Я Серебряный Тюр, — произнес чиновник

тоном странно неприкрытого высокомерия, — председательствующий в Ассамблее Лэнсинга, премьер–министр Небесного Пояса…

Мужчина осекся, прерванный смехом; на миг Рауль растерялся, пока не сообразил, что был то не его собственный горький смешок, но хохот одного из членов команды. Рауль поднял руку, веля прекратить издевки. Он без труда представил, как скрежещущим эхом отдается звук в стенах палаты.

— А вы?.. — Премьер–министр говорил с натужной, упрямой гордыней, требуя от новоприбывших почтения, как показалось, не столько тени человека в своем лице, сколько тени прошлого, неоспоримой реальности былого времени видений и мечты, тому, чем были все они когда-то, прежде чем низринуться с Небес.

— Рауль Накаморэ, Рука Гармонии. — Почти автоматическим жестом он вытянул руку — в перчатке, во избежание заразы, но открытую, демонстрирующую расположение. — Мы не желаем зла вашим людям; мы лишь просим вашего содействия на время пребывания здесь.

Премьер вытянул руку в ответном жесте, но было заметно, что он опасается, как бы ее не отбросили.

— С какой же целью пожаловали вы сюда, добрый гость?

Рауль пожал его руку и отпустил, потом ответил:

— Мы преследуем пиратов, Ваше Совершенство.

Откуда-то — из полузабытого учебника истории, не иначе — всплыл в его памяти непривычный титул. Рауль заметил плохо скрытое выражение вины на лицах нескольких присутствующих. Премьер тоже это замерил и отозвался почти обиженно:

— Но, Рука Накаморэ, это произошло почти гигасекунду назад, и вы сами понимаете, что у нас не было иного выбора. Вы же не затем преодолели такое расстояние, спустя столько времени, чтобы…

— Я не о вашем последнем налете на Кольца говорю, Ваше Совершенство, и полагаю, что вам это известно. Я говорю о звездолете, прибывшем из-за пределов Небесной системы, о корабле, жертвой которого пало одно боевое судно нашего флота, о корабле, ограбившем наш главный перегонный завод… и по дороге из системы он пройдет рядом с Лэнсингом.

Рауль услышал голос Сандоваля и обернулся.

В палате появились новые действующие лица. Сандоваль с двумя флотскими конвоировали сердитую тонколицую женщину с коричневой кожей, карими глазами и каштановыми, седеющими на висках волосами. Рауль смерил ее оценивающим взглядом, а та — его. Он почувствовал бессловесные гнев и презрение, с каким женщина оглядела чиновников Ассамблеи в блистающих одеждах. Затем женщина снова уставилась на него, и гнев ее поостыл; ему представился пожар, загнанный под поверхность, взятый под контроль, но продолжающий яриться там.

— Мы обнаружили эту женщину в центре радиосвязи. Она утверждает, что их аппаратура не работает.

Он кивнул и обернулся к премьеру.

— Мы ничего не знаем о звездолете, — говорил тот, — вы же видели, какие у нас корабли. Это всё. До Диска им больше не…

— Серебряный Тюр, имейте совесть! — резко перебила его женщина. — Он видит, что вы лжете. Вы все. Вам удается скрывать правду не лучше, чем этим одеждам — лохмотья под ними. Если он раньше и не знал, как обстоит дело, то понял это сейчас. Лучшее, что мы можем, так это

пойти на сотрудничестве и надеяться что-нибудь получить взамен…

— Пламенная Шива! Ты предаешь единственных людей во всей Вселенной, которые согласились нам помочь? И твою собственную дочь…

— Она мне не дочь. Она дефективная уродина. — Голос женщины выдал ее истинные чувства. Рауль слушал, чувствуя за ее словами горькое разочарование. Согбенная фигура уродца — Ветра Китаву — болезненно вздрогнула. — Но в сложившихся обстоятельствах это и так не имеет значения.

Премьер нахмурился.

— На борту звездолета двое наших. Они утверждают, что Великая Гармония первой атаковала его. Если у них имеются повод и возможности отомстить вам, то у вас тем паче, по нашему мнению, нет никаких прав на него. Мы не желаем сотрудничать с вами ни в чем, что связано с захватом корабля.

— Ясно. — Рауль тоже хмурился, осознавая, что сделать с местными решительно ничего нельзя, поскольку единственная их надежда только что была уничтожена им самим. — К счастью для вас, мы в общем-то можем обойтись и без вашего сотрудничества… но не потерпим вмешатель-

ства в наши дела. Мы, наверное, подождем здесь прибытия звездолета. — Он изучил реакции на их лицах, исполняясь уверенности и довольно жестокого торжества. — Да, так мы и сделаем; один из кораблей я оставил на орбите Лэнсинга, и в случае любых помех нашим действиям его капитан продырявит вашу атмосферную пленку. Если хотите прожить остаток отведенного вам времени, не смейте становиться у нас на пути.

— Даже в Лэнсинге надобности вприпрыжку бежать навстречу смерти нет, Рука Накаморэ, — отвечал премьер–министр, поглядывая на винтовку Рауля.

— И особенно в Лэнсинге, — сказала Пламенная Шива. — Мы веруем в диалектический материализм, Рука Накаморэ. Мы реалисты. По крайней мере, должны такими быть. — Она помедлила. — А как именно вы намереваетесь поступить с этим звездолетом и его командой? Вы хотите захватить его в целости?

Рауль коротко рассмеялся.

— Да, мы попробуем это сделать. Но я скорей разберу его на части, чем позволю снова удрать от нас. Команда нам нужна живой, чтобы показали, как им управлять. Но если они откажутся пустить нас на борт, то… по любым законам пиратство

— тяжкое преступление и карается смертью.

Он смотрел, как чиновники Ассамблеи переминаются с ноги на ногу, обдумывая услышанное.

— В любом случае, — пробормотала радистка, глядя в пол, — она уже лишилась большей части команды по вашей вине.

— Она? — удивленно переспросил Рауль. Потом вспомнил детали переговоров с кораблем и замеченные в космосе останки. — Да, верно. Она. Кораблем управляет женщина. Значит, у нее людей в обрез?

— С ними двое наших, — повторила радистка. Он подумал, что это не простая констатация факта. *Ее дочь тоже на борту, если верить словам премьера.* Женщина подняла руку, напряженным движением зачесала назад матовые волосы, контролируя жест, выражавший первоначально угрозу. — Летчица пообещала нам водород, необходимый для выживания Лэнсинга, в обмен на помощь… ей нужно было управляться с собственным кораблем. Тот самый водород, каким вы с нами делиться не желали, почему и приходилось брать его у вас силой.

Он молчал и не отвечал, поскольку в голосе женщины вызова не чувствовалось.

— Что вы дадите нам взамен, если я покажу

вам, как безопасно захватить корабль?

Он снова удивился.

— А как вы можете подтвердить, что искренни?

Тонкие руки женщина сложила перед собой в замок, и они выскользнули из чересчур длинных и широких рукавов.

— Разрешите, я починю аппаратуру связи. У нас нет некоторых запчастей. Если поделитесь, я ее отремонтирую. — Она вскинула голову и посмотрела на него сверкнувшими жесткими глазами. — Позвольте мне выйти на связь с кораблем, когда он вернется, и убедить их, что здесь безопасно, чтобы вы без труда захватили их.

— Мы справимся и сами.

— Нет. Не сможете. Мои… наши люди на звездолете знают, в каком состоянии наша антенна, знают мой голос. Голос незнакомца вынудит их заподозрить неладное… как и радиомолчание.

— Да, пожалуй, вы правы, — покивал Рауль.

— Если я это сделаю, вы поделитесь с нами водородом? — На сей раз подспудный пламень не ощущался.

— Если корабль ускользнет, они вернутся с водородом! — взорвался Ветер Китаву. — Не отнимай у нас последний шанс на…

Она развернулась и взглядом заставила его умолкнуть; Рауль задумался, что сейчас отражается на ее лице. Потом обернулась снова.

— Вы поделитесь?

Размышляя, как легко солгать, он проговорил:

— Я запрошу разрешения. Возможно, я его получу, а может быть, и нет.

Он ожидал какой-то реакции, но получил лишь странное бессилие, словно ей было бы легче, солги он и оправдай тем ее предательство. Или здесь еще что-то? Ему вспомнился Вади Абдиамаль.

— А команда? Если вы… оставите корабль в целости.

— Если я захвачу их живыми? — *Ее дочь*… наконец подыскал он правдоподобное объяснение. — Значит, для вас она все-таки важна?

Пламенная Шива уставилась на него потухшими глазами.

— Да… конечно… — ответила она таким же безжизненным голосом и вдруг взорвалась опять: — Все они важны! Они пытаются спасти нас!

Она осеклась и закусила губу.

Рауль переступил с ноги на ногу.

— Если они не окажут сопротивления, мы отпустим вашу дочь и другого члена экипажа. Если вы

этого хотите. — *Это само по себе станет достаточным наказанием.* — Что касается остальных… на борту предатель–демархист, который раскрыл иномирцам местонахождение нашей перегонной фабрики. Не думаю, чтобы у него оставалась какая-то альтернатива. — *Но я все еще хочу получить объяснение.* — А внешники, вернее, остатки экипажа… полагаю, так или иначе мы убедим их пойти на сотрудничество с нашим флотом.

— Вы их не отпустите. Никогда. — Это не был вопрос.

— Вряд ли им или нашему флоту когда-либо представится возможность даже обсуждать подобное.

Она кивнула или, может, покачала головой, выполнив странное кособокое движение.

— Мы делаем, что можем… и принимаем, что получаем. Мы в ответе за свои действия. — Снова упрямство, протест, внутренний огонь… Она обернулась к призракам лэнсингской Ассамблеи. — Мы принимаем их последствия.

— Сандоваль? — подозвал его жестом Рауль. — Уведи ее, пускай починит радио. Не позволяй ей ничего передавать, я повторяю, *ничего*, пока не получишь от меня приказа.

— Слушаюсь. — Сандоваль подтянулся, отдал

честь и увел ее. Женщина шагала, окруженная конвоирами, но голову держала высоко и гордо.

Рауль делегировал еще двоих охранять воздушный шлюз, а одного бойца оставил при себе. Премьер–министр и прочие безмолвно ожидали, отдавая себе отчет — как отдавал его и он — в собственной неспособности считаться с последствиями и контролировать что бы то ни было.

Премьер повернулся к Ветру Китаву, мантия его распахнулась, как распускающийся цветок.

— Ты. Ты что тут внизу делаешь?

— Ты знаешь, что я там делал. — Ветер Китаву, дернувшись, отклеился от стены. — Ребенок. Вы все знали, не делайте вида, что не знали!

Премьер отшатнулся, и не было в этом движении ничего величественного.

— Тогда и от нас ничего не жди! Ты же понимал, что так произойдет. Прими последствия собственных ошибок… и возвращайся к работе.

Он протянул руку. Рукав мантии всколыхнулся, обнажив грязевую коросту, покрывавшую руку от локтя до запястья. Завидев ее, спутник Рауля снова расхохотался. На этот раз Рауль не стал его осаживать, но лишь отвернулся.

— Ветер Китаву?

Ветер Китаву, уныло бредущий к двери палаты,

остановился.

— Ты на поверхность?

Безликий кивок.

— Должен сказать… жене. Сказать про ребенка.

— Тогда мы с тобой. Я хочу взглянуть на эти проклятые сады.

— Проклятые сады… — эхом откликнулся чей-то голос. Ветер Китаву пошел дальше к выходу. Рауль последовал за ним. Он не потрудился обернуться или попрощаться с премьер–министром всего Небесного Пояса.

Рауль Накаморэ шел за безучастным проводником из туннеля в туннель, уровень которых теперь постепенно повышался. Впереди возникла и стала разрастаться светящаяся точка такой интенсивности, что могло то быть только солнце. Но теперь Раулю предстояло выйти под дневной свет способом вполне естественным для любого человека за бесчисленные годы существования вида и абсолютно новым, неожиданным, для него самого.

Он выбрался на солнце свободно, легко, не преодолевая никаких барьеров.

И остановился, впитывая окружающее, ослепленный роскошной зеленью, которая раскину-

лась во все стороны от холма с врезанным в него люком. Рауля посетило внезапное рельефное, как наяву, видение гидропонных теплиц Великой Гармонии: там было тепло и влажно, как в аду (с точки зрения обычного гражданина). Спутник Рауля с корабля поспешно спрятался в туннеле позади, но Рауль резко приказал ему вылезать. Периодические работы на гидропонных плантациях требовались от всех граждан. Он сам в юности служил там, но, став Рукой Гармонии, был освобожден от подобных обязанностей. *У высокого ранга есть и кое–какие привилегии, как ни крути.*

Стайка рабочих в латаной–перелатаной одежде наблюдала за ним. Вид у них был ничуть не более устрашающий, чем у туннельных жителей позади. Изолированный от окружения скафандром, он не имел возможности испытать реальность садов и понять, каково это было — жить на Древней Земле. Два варианта будущего ждут его выбора в точке равновесия жизни и смерти, и какое бы решение он сейчас ни принял, а такой возможности более не представится.

Он оглядывал унылые грязные лица слонявшихся кругом людей. Они были отмечены безошибочно опознаваемыми печатями гене-

тических уродств. А наверху, за филигранной сеткой крон хрупких высоких деревьев, виднелась прозрачная мембранная крыша небес, кое–где траченная неуклюжими заплатками. Некогда существовала и вторая крыша, силовое поле, предохранявшее обитателей астероида от космических лучей, но искусство его генерации было давно утрачено. Постоянный труд на гидропонных плантациях в Великой Гармонии считался наказанием. Здесь тоже так, но по–другому: наказание выносится уж по тому, что стал(а) ты жертвой обстоятельств… Он не снимал шлема, продолжая опасаться заразы, но не обычной, болезнетворной, а более тонкой, духовной. Желания проникаться духом этого места он все же не имел.

— Что происходит? — вцепился кто-то в рукав Ветру Китаву, и ветхая ткань сползла с плеча в месте надрыва. — Они что, теперь будут тут шляться и *поучать* нас в *скафандрах*, как нам правильно жить?

Ветер Китаву рванулся, высвободился и поддернул разорванный рукав.

— Нет… — Голос его упал, он бессильно повел рукой в сторону пришельцев. Рауль не нашел слов. Он слушал мягкий свист ветерка, смотрел,

как лениво колышутся высокие деревья, тянущиеся к атмосферной пленке, наблюдал, как проявляется на лицах рабочих слишком знакомое выражение: отчаяние столь глубокое, что даже в ярость оно перерасти не сможет.

Ветер Китаву в свою очередь задал какой-то вопрос, и человек, остановивший его первым, махнул рукой в сторону. Не спросясь, даже не оборачиваясь, Ветер Китаву ответвился туда и пропал в кустах, оставив после себя медленно опадающий на землю дождик цветочных лепестков. *Дитя.* Рауль не пытался его задержать, вспомнив, зачем Ветер Китаву сюда попросился, и не желая быть тому свидетелем. Остальные рабочие понемногу рассеялись, продолжая издалека с подозрением наблюдать за незнакомцами в скафандрах; босые ноги их плавно пружинили на ковре примятой растительности.

Рауль оглянулся в туннель и больше никого там не обнаружил. Он впервые заметил, что потолочные светильники — не газовые рожки. Электричество. Где-то здесь продолжает работать генератор. Наверное, мини–АЭС уцелела с довоенных времен, или у Демархии позднее на что-то выменяли. Он был вынужден снова напомнить себе, что Великая Гармония испытывает

страшный дефицит именно по вине Демархии. Если б не сокровища снегов, Великая Гармония находилась бы даже в худшем положении, чем Лэнсинг, а это положение означало гибель.

Вспомнив про Демархию, он подумал и про Вади Абдиамаля, про тайну, которой было окружено их грядущее столкновение. Он впервые встретился с Абдиамалем, когда тот, молодой и неопытный правительственный агент, не уверенный в собственном положении, но излучающий инстинктивную честность, сумел расколоть накопленные отложения межкультурных противоречий, как нагретый нож рассекает ледяную глыбу. Позднее Рауля назначили капитаном на корабле, доставлявшем Абдиамаля на переговоры в Великой Гармонии, и он облетал с ним половину населенных астероидов в зоне Колец. Он видел этого человека разным — игнорируемым, оскорбленным, припертым к стенке угрозами, но никогда и нигде не терявшим терпения… Он был удивлен, насторожен и, наконец, польщен, когда Абдиамаль начал расспросы о том, как устроен правительственный механизм Гармонии. Польщен, поскольку Абдиамаль слушал с непритворным интересом, учился и с пользой применял на практике полученные знания во

имя общего блага.

Единственным слабым местом Вади Абдиамаля оставалась его неспособность примириться с неизбежностью падения Небес. Абдиамаль полагал, что выход из ситуации еще существует, он же, Рауль, как и жители Лэнсинга, давно уверился, что выходом будет только смерть. Он начал подозревать, что навязчивый оптимизм Абдиамаля в действительности зиждется на вере, такой же глубокой, как его собственная вера в обреченность Небес… и, что хуже, на глубоком патологическом страхе. Абдиамаль не такой человек, чтобы спокойно отнестись к перспективе конечного обнуления всех своих деяний. Он не мог бы продолжать движение по этому пути, не видя цели перед собой, кроме конца всего; он бы споткнулся и упал под тяжестью этого понимания. И, таким образом, какая-то часть сознания Абдиамаля шунтировала эту информацию, прятала ее под нагромождением вранья самому себе, чтобы продолжать работу. Рауль завидовал Абдиамалю — тот обитал в Демархии, чье сравнительное богатство тешило такие иллюзии. И сомневался, что Абдиамаль когда-нибудь принужден будет признать истинное положение дел…

Потом прилетел звездолет, и даже он, Рауль, снова обрел надежду на искупление злосчастий Небес… в частности, Великой Гармонии. Почему же Абдиамаль из всех людей приложил теперь наибольшие усилия, чтобы корабль не достался ни одному из правительств системы? Абдиамаль честен, но возможно ли, чтобы честность его граничила с безумием, геноцидом? А та женщина, пилот звездолета? С какой стати ей рисковать всем ради обещания, данного людям вроде обитателей Лэнсинга? Неужели они оба безумцы? Неужели все здесь безумцы? Или он чего-то не понимает?..

Слишком многого не понимал он, но *если* она сдержит обещание и приведет корабль прямо ему в руки, то других ответов и не потребуется. Никогда больше.

***Рейнджер*, зона Лэнсинга, +3.09 мегасекунды**

— А разбудить Лэнсинг не получится, пап? — Бета разогнула затекшее тело, отвлекаясь от работы с программой сближения.

Клевелл устало приподнял гарнитуру:

— Нет. Я отслеживаю весь спектр. Если бы там кто-то нам сигналил, мы бы услышали.

— Возможно, у них передатчик поломался, — предположил Теневик Джек. — Он считай что

половину времени поломан. Его ремонт — дело хлопотное.

Птичка Алин парила рядом с ним, над головой Беты, глядя на экран, где отображалась увеличенная картинка Лэнсинга. Бета разглядывала скалу, окутанную мягким облачком атмосферной пленки, похожим на зефир. Там ютились умирающие, которые теперь стараниями команды *Рейнджера* протянут еще немного.

Диск виднелся слева вверху, размытый, наклоненный к лучу зрения, словно драгоценность в колечке на пальчике. А где-то ближе, в межпланетной тьме, летели три термоядерника Демархии. Они не тормозили, не уравнивали векторы и скорости с Лэнсингом и *Рейнджером*. Было ясно, что задание у них — уничтожить.

Бета покосилась на свежую оценку от бортового компьютера: до разгрузки водорода меньше десяти минут.

— Так, времени у нас в обрез… Уверена, в Лэнсинге не будут против, если мы просто скинем эти баки на низкую орбиту, а сами поскорее смайнаем.

Она улыбнулась Птичке Алин с Теневиком Джеком и подпустила в голос веселости, которой не ощущала.

— Наверное, они обрадуются, что вы таки вернулись, да еще с восемью сотнями тонн водорода.

— Да, — ответил Теневик Джек, и парочка синхронно кивнула. Застегнутые воротники скафандров, чистые, отмытые лица, смелые улыбки. — Но… вы уверены, что с вами все будет в порядке, что вы доберетесь, куда вам нужно?

В его голосе прозвучала странная тоскливая нотка, смешанная с затаенным стыдом.

— Вас же… всего двое?

Он глянул на измотанного Клевелла и похрустел костяшками пальцев.

Уголком глаза Бета заметила, что Вади наблюдает за ней. Безупречный Абдиамаль, в расшитой куртке и застиранных дунгари. Она заставила себя усмехнуться.

— Да, с нами все будет в порядке. — Ее измученное, ноющее тело не внушало в том особой уверенности. Но она не хотела, чтобы чувство вины влияло на решения Вади. Они так далеко залетели, столько совершили. Они доведут начатое до конца тем или иным способом. Позже. Она подумает об этом позже.

— Перестань костяшками хрустеть, Теневик Джек. Суставы угробишь.

Теневик Джек слабо усмехнулся и сунул руки в перчатки.

Вади тронул Бету за плечо.

— Смотри.

В продолжение беседы *Рейнджер* описал четверть оборота вокруг Лэнсинга. На ближнем горизонте проявилась выступающая в космос приплюснутая гора; атмосферная пленка облекала ее склоны, словно обтекающее горный пик облако.

— Гора, — сказала Птичка Алин. — Там радиоантенны, они закреплены… одна из наших ракет…

— Стоп, — Теневик Джек вцепился в ее плечо. — Это *не наш* корабль! Я никогда не видел ничего подобного. Откуда он взялся?

— Может, откопали какую-нибудь развалюху.

— Нет, нет, смотри, вот еще один…

Бета увеличила картинку.

— Папа, они похожи на…

— …Кольцевики! Тут Кольцевики! Назад… ловушка… — женский голос прорвался из динамика и, булькнув, смолк.

— Мама! — выдохнула Птичка Алин.

— Похоже, это химические ракеты, — спокойно прокомментировал Клевелл. Его голос был как шелест опавших листьев.

Вади сжал плечо Беты.

— Да, это и впрямь Кольцевики — о Господи, за пятьдесят миллионов километров от Диска! — заметил он отрывисто, с искренним изумлением. — Демархия знала, что у Гармонии имеются высокоскоростные истребители, но ни о чем подобном мы не подозревали. Если они добрались сюда на чисто химических двигателях, то должны были стартовать сразу после атаки на ваш корабль. И даже так… соотношение топлива к массе, наверное, не меньше тысячи к одному…

Из динамика заговорил новый голос.

— Корабль Извне! К вам обращается Накаморэ, Рука Великой Гармонии. Не покидайте своей текущей орбиты. Не пытайтесь активировать двигатель, или мы вас обстреляем. Один из моих кораблей приблизится к вам и возьмет на абордаж.

Бета смотрела вниз, на безвоздушную гору, на три неуклюжих корабля Кольцевиков, притаившихся рядом с ней. Больше всего они напоминали охапки сикось–накось скрепленных друг с другом топливных баков, окружавших крохотный командный модуль. Наконец один из них стал набирать высоту, сдувая по склонам лавины своим незримым выхлопом. *Мы в ловушке.* Ее руки вце-

пились в комбинезон по бокам. Максимальное доступное *Рейнджеру* ускорение — 1*g*, а сейчас Бета не могла бы выжать больше четверти, слишком тяжелый груз на корпусе. Химические же ракеты Кольцевиков в состоянии выдать ускорение в несколько *g* и поддерживать его на более чем достаточный для погони и абордажа срок.

Тянулись секунды; корабль Кольцевиков медленно, почти презрительно приближался. Секунды переползали в минуты… а с ними таяла последняя надежда *Рейнджера* увернуться от приближающегося флота Демархии. *Иисусе, ну почему мы проиграли сейчас, когда победа была так близка?*

Вади зацепился за поручень под консолью и стабилизировал себя.

— Бета, это Рауль, сводный брат Дьема Накаморэ, говорил с нами по радио. Он Рука Гармонии, офицер флота. Высокого ранга. Позволь, я с ним поболтаю. Он наверняка знает, как я себя проявил у Спасительных Снегов, но когда-то мы дружили.

— Погоди, Абдиамаль, — тихо проговорил Клевелл. — Наша компания разрастается. Я принимаю сложный широкополосный сигнал. — Он коснулся консоли, и вспыхнул новый сегмент дисплея.

— Лицзэ Маквонг, — произнес Вади, и свойственное ему изящество движений словно улетучилось. Под взглядом Беты он напрягся.

— Капитан Торгюссен, если вы это принимаете, то наверняка поняли, что Демархия преследует ваш звездолет. Подлетное время наших боеголовок уже достаточно невелико, чтобы ваши попытки оторваться от них были бесполезны. Не пытайтесь покинуть зону Лэнсинга.

За спиной самодовольного Маквонга виднелись рубка вдвое меньшая, чем на *Рейнджере*, и бортофицер в золотой, как солнце, куртке. Еще дальше — камеры, направленные на экран, стайка демархов, подобных раскрашенным деревянным куклам: представители корпораций, преследующих собственные интересы. При виде Эсрома Тирики губы Беты сжались.

Она дала Клевеллу знак включить передатчик.

— Я услышала вас, Маквонг. Вы меня впечатлили. Вы действительно преодолели такое расстояние с целью уничтожить мой корабль? Вы ведь не сможете нас захватить. Все, что вам под силу, это уничтожить нас на пролете.

Она помедлила. Равнодушный взгляд бледно–голубых глаз Маквонга задержался на экране. Она с опозданием поняла, и пристыдила себя за это,

что даже па скорости восьмисот километров за секунду корабли Демархии еще в миллионах километров от Лэнсинга, и даже свету потребуется ощутимое время, полминуты, чтобы преодолеть этот разрыв.

Наконец Маквонг отреагировал — переместил взгляд мимо нее на Вади. На миг в его глазах мелькнули сожаление и извинение, но затем на смену этим чувствам явилось торжество.

— Напротив, капитан Торгюссен. Мы не имели намерений уничтожать ваш звездолет. Если подчинитесь нашим инструкциям, этого и не произойдет. Наши корабли пролетят в непосредственной близости от вас через четыре тысячи секунд. Используйте это время, чтобы деактивировать и отсоединить свой двигатель. Если к этому моменту вы не сможете убедительно подтвердить, что ваш корабль обездвижен, мы атакуем и уничтожим вас. Народу звездолет нужен целым, но, капитан, если возможности использовать его не будет, то лучше, чтобы никому другому он не достался тоже.

Бета откинулась в кресле, продолжая держаться стиснутыми руками за консоль.

— Вади, а он не дурак, но…

Рейнджер находился меж двух капканов, но те,

кто расставил их, не подозревали друг о друге. Когда ловушки захлопнутся, им придется уничтожить и друг друга. Она разжала пальцы и с некоторым усилием улыбнулась в камеру.

— Боюсь, Маквонг, что у вас тоже наметились проблемы. Мы бы улетели гораздо раньше вашего прибытия, но уже попали в ловушку… Рука Накаморэ, полагаю, вы следите за разговором? Будьте любезны, прокомментируйте развитие событий.

Она стала ждать, испытывая бесполезно–горькое удовлетворение.

Клевелл хмыкнул.

— А Кольцевики даже видео пустили, для вящей убедительности.

Новый сегмент экрана осветился и стал монохромным. Рубка корабля Кольцевиков была крошечная, большую часть ее занимала аппаратура, а экипаж лежал в противоперегрузочных креслах. Картинка словно из документалок о самых первых днях освоения космоса. Ближе всех к камере находился Поясник плотного, но местным меркам, телосложения, с мрачным бородатым лицом и в шлеме с эмблемой дисканских Колец.

— Говорит Накаморэ, Рука Великой Гармонии. Мои силы окружили корабль иномирцев и уничтожат его в случае попытки переметнуться на

вашу сторону. В нашем распоряжении несколько довоенных термоядерных бомб. Если вы попытаетесь отобрать у нас этот звездолет, мы сделаем все возможное, чтобы уничтожить и вас тоже.

Бета вопросительно посмотрела на Вади.

— Да, бомбы у него могут быть, если после войны уцелели, — Вади изучал свою расшитую куртку. — И если он пересечет траекторию Маквонга с ними, точность целеселекции уже не будет слишком важна. В любом случае экипажи Демархии умрут самое позднее через мегасекунду от радиационного заражения. Такое случалось во время Гражданской: обреченные полутрупы сходились в последней схватке. Кстати, именно поэтому нам достались три неповрежденных термоядерника… — Он вскинул голову. — Накаморэ не позволит Демархии заполучить *Рейнджер*, хотя бы и ценою собственной жизни.

Бета заметила, как при виде Накаморэ на лице Маквонга мелькнуло отчаяние; лица же краснощекого офицера и Эсрома Тирики выразили естественное недоверие. Затем на двух последних написались новые эмоции — ненависть и упрямство. Маквонг начал произносить какую-то сердитую отповедь.

— Итак, мы все обречены, но и они тоже… а с

ними Небеса. — Она возвысила голос. — И ради чего? Безумие какое-то.

— Они и сами это понимают, как же тебе объяснить… — Вади переместился к ней, едва не касаясь. — Они это не хуже нашего просекают. Но они в такой же ловушке, как и мы тут. Все, что происходило в течение последних двух с половиной гигасекунд после войны, вся фрустрация, весь страх — нашли выход в этом. Так все и должно было закончиться. Как поется в вашей собственной песне, *тут ничего не изменить, малышка*.

Она отстранилась.

— Людям решать, что изменить! Не должно все так заканчиваться. Если бы они понимали, что будущее все же возможно… даже сейчас возможно, но вы этого не видите, и ты тоже не видишь, не можешь. Ты прав. Смерть, вот к чему вы все тут *стремитесь*… Самоубийство — окончательное проявление эгоцентризма, и никогда прежде я не видела народа, настолько к нему склонного. — Она отстегнулась, оттолкнулась от кресла, ринулась прочь, да так, что дыхание от резкого движения перехватило. — Вы этого заслуживаете. Будьте прокляты!

Он перехватил ее руку. Она в ярости наблюдала,

как Теневик Джек убирается с ее пути, позволяет Вади притянуть ее обратно к экрану.

— Маквонг, Рауль, это Абдиамаль. Я хочу с вами поговорить.

Накаморэ приветствовал его кивком и, как показалось Бете, улыбкой; спустя некоторое время Маквонг прервал свой спич:

— Извини, Абдиамаль, но ты все равно что мертвец. Тебе нечего сказать Демархии.

Маквонг говорил, едва поворачивая голову, поскольку поглядывал в сторону. Бета посмотрела мимо него на Тирики.

— Вы все мертвецы, если не прислушаетесь ко мне! И ради чего? Ради этого корабля, на который у вас прав не больше, чем у Накаморэ или у меня самого. Господи, Маквонг, в экипаже было семь человек, они пролетели три световых года из другой системы, направляясь в Лансинг, и именно по этой причине пятеро из них уже мертвы. Вы теперь намерены добить уцелевших? И уничтожить при этом лучшие корабли, оставшиеся у Демархии и на Кольцах? Вы — все, что осталось от Небесного Пояса, и ваша собственная алчность может выпустить вам кишки. Вы губите себя своим страхом смерти. Захватив звездолет, вы не спасете Небес, а сами себя прикончите. — Он

кивнул на потерявшую дар речи от удивления Бету рядом. — Но этому не обязательно случаться. Они прилетели к нам, потому что хотели наладить торговлю с более развитыми партнерами. И вопреки всему, что мы им причинили, они все еще стремятся к этому — наладить торговлю. Там, Вовне, целое торговое кольцо миров, и все его элементы поддерживают друг дружку, чтоб оно не распалось, не угодило в ту же ловушку, что и мы. И нас они тоже могут спасти. Если присоединимся к ним, Небесный Пояс возродится.

Он подождал, глядя на экран.

— Пускай звездолет покинет Небеса невредимым. Вы достигнете той же цели, но ничего не потеряете, а рисковать ничем не будете.

— Вади, ты всегда мог Дьема убедить, что черное — это белое. — Бета ожидала насмешки на лице Накаморэ, но, к удивлению, не обнаружила. — Но сейчас твои слова кажутся разумными даже мне…. Я *не хочу* губить ни звездолет, ни свои корабли. Если б я мог выкрутиться из этой ситуации, просто позволив кораблю покинуть систему, я бы так поступил. Я бы удовлетворился и тем, что он не достанется никому, честное слово. Ведь, как не ускользнуло от моего внимания, единственная причина твоего пребывания на борту

рядом с этой женщиной, капитаном Торгюссен, в том, что она пообещала вернуться в Лэнсинг. И вернулась. — Накаморэ поискал Бету странно почтительным взглядом. — Думаю, вы вернетесь и еще раз, чтобы помочь *нам*.

Бета нахмурилась от внезапной боли и обнаружила, что кусает губу.

— Я позволил бы вам улететь, капитан. Но что скажет Маквонг?

Бета видела, как Маквонг втайне от камер нервно дергает кружевной воротник на рубашке, слушая передачу от Накаморэ. За его спиной ожидали журналисты, готовые транслировать каждое его движение, каждое слово ожидавшей вдали Демархии. Маквонг был как букашка под увеличительным стеклом.

Наконец он ответил:

— Ваше предложение несовместимо с мандатом Демархии, которым мы облечены в этой миссии. У меня имеются полномочия лишь для захвата или уничтожения корабля. Отпустить его я не волен.

— Даже если бы хотел! Даже понимая, что мы все можем погибнуть, ты этого не сделаешь. — В голосе Накаморэ зазвучала неожиданная издевка, непроницаемое лицо резко переменилось, слов-

но он произносил речь. И Бета вдруг сообразила, что он все это время наверняка отдавал себе отчет в присутствии незримой аудитории. На губах Вади возникла задумчивая полуулыбка. — Ты марионетка! Ты зовешь Гармонию *диктаторским государством*, но мы предоставляем индивиду больше свободы, чем ваша проклятая охлократия когда-либо в прошлом и будущем. У меня власть — свобода выбора — положить конец этой ерунде. Но у тебя ее нет. Твой народ не доверяет твоему прирожденному понятию о должном, и каждый раз, как ты открываешь рот, твои люди говорят вместо тебя. Однако подумай вот о чем, Маквонг. Каким образом сейчас они смогут отдать тебе приказ? Им и в головы не пришло бы принимать решения в ситуации, когда счет идет на секунды, с такой задержкой связи, через сотни миллионов километров. Когда вся Демархия об этом узнает, когда обсудит, выдвинет возражения и проголосует, все уже закончится, и любое их решение окажется пустышкой. Но нет, ты не посмеешь принять его сам, ибо ты раб системы. Ты слишком боишься ее и этих красавчиков–анархистов, которые у тебя за спиной отираются. Неустранимая слабость, изначальная уязвимость самоуправляемой охлократии принуждает сейчас Демархию

уничтожать собственные корабли — и мои, и тот корабль, какой являет последнюю надежду этой системы на выживание. Я никогда не сомневался, что твое правительство — сплошная показуха. И даже ты этого сейчас не будешь отрицать, а? Я бы расхохотался, не будь это такой трагедией. Потому что так оно и есть. Это трагедия.

Бета видела бессильную ярость, вытесняющую самодовольство с похожего на маску лица Маквонга, а еще видела первые неподдельные эмоции на лицах демархов позади… и журналистов, которые все записывали, позволяя Демархии видеть и разделять его унижение. Маквонг наконец взял себя в руки.

— Капитан Торгюссен, наши корабли сблизятся с вами через тридцать шесть сотен секунд. Если вы намерены следовать нашим инструкциям, то вскоре, полагаю, выйдете на связь.

Его изображение резко стерлось с экрана.

Бета негромко обратилась к Клевеллу:

— Папа, попытайся проследить переговоры Маквонга с Демархией. Хочу знать, насколько эта вспышка эмоций осложнила положение.

Накаморэ расстегнул стоячий воротник своей громоздкой утепленной куртки. Его лицо и голос больше не выражали гнева.

— Думаю, он еще вернется.

— Поздравляю тебя, Рауль, с… повышением до Руки. — Под взглядом Беты Вади невозмутимо поклонился.

— Мой долг — принять, мое желание — служить. — Накаморэ, странно смутившись, взмахом руки отмел поздравление. — Хотел бы и я тебя поздравить, Вади. Но не знаю, какие именно почести оказывает Демархия ценным перебежчикам.

Вади мрачно улыбнулся в камеру.

— Никаких.

— Ты единственный вменяемый демарх из всех, какие мне встречались. Надо полагать, именно поэтому толпа ополчилась на тебя. Я не одобряю вашего пиратского налета на Гармонию… но, думаю, мне наконец становится понятно, зачем ты так поступил. И почему вы хотите помочь местным. Я сомневаюсь, чтобы Дьем когда-нибудь понял…

— Я знаю. Мне жаль. У меня не было выбора. Никогда бы не произошло такого, но…

— Но мы атаковали звездолет, когда он только появился в системе? Ты прав. Мы поступили глупо. Здравый смысл диктовал бы направить корабль к одной из наших баз. В этом случае у Великой Гармонии уже появился бы собственный звездолет. Но мы этого не сделали — и что получили? Только смерть. Однако мы знали, что корабль поврежден, и Великая Гармония сочла возможным рискнуть, чтобы я расставил здесь

ловушку на него.

— Вы играли в долгую, — сказал Вади. — Судя по всему, нескоро вы доберетесь отсюда домой, если то, что мы видим, и есть весь оставшийся у вас запас топлива.

— Да. И без битвы-то двадцать мегасекунд отсюда ползти до Внешних Пределов, при условии, что системы жизнеобеспечения раньше не сдохнут. А потом сидеть на льду и морозить себе зады, пока топливо из Внутренней Гармонии не подвезут. — Накаморэ с усталым видом поскреб подбородок. — Но провиантом и воздухом мы разжились в Лэнсинге.

Теневик Джек протолкался мимо Беты к камере.

— Почему ты просто не сорвал пленку, мерзавец? Они бы умерли быстрее.

Накаморэ передернул плечами.

— Мальчик, вы все для меня пираты. Но мы взяли немного. Считайте это платой за водород, который вы украли у Гармонии.

— Где моя мать? — у Птички Алин внезапно вырвался придушенный вопль. — Что ты сделал с моей мамой?

Накаморэ непонимающе уставился на нее, потом, как показалось Бете, о чем-то вспомнил.

— Э-мм… у твоей матери несколько сотен килосекунд челюсть будет двигаться с трудом. Но в остальном она, думаю, чувствует себя даже лучше твоего — или нашего. Кстати, капитан Торгюссен, разрешаю вам сгрузить эти баки на низкую окололэнсингскую орбиту. После этого я прикажу всем нашим кораблям удалиться в космос на несколько сотен километров. Когда появятся демархисты, смертельный фейерверк охватит довольно существенную зону, и незачем Лэнсингу погибать вместе с нами. Кто-то ведь должен выжить. — Он отвернулся и стал отдавать беззвучные приказы.

— Благодарю вас, — сказала Бета. На лице Вади, который продолжал созерцать экран, все еще гуляла загадочная улыбка. — Кто вообще этот человек? Я его не понимаю, если честно.

Вади обернулся к ней, улыбка стала вежливой.

— Бета, оказывается, на Небесах еще не все невменяемы. И даже на Кольцах… Рауль — честный человек, но, что еще важнее, неглупый. Я говорил тебе, что его брат за все время ни разу не обыграл меня в шахматы. Но за все проведенное на Кольцах время я обыграл Рауля только дважды. Наверняка он припас в рукаве еще какие-нибудь козыри.

Бета потерла ладони друг о друга.

— Я знаю только одно: он намеренно разъярил демархистов до такой степени, что они не постоят за ценой, чтобы увидеть нас всех в аду. Что б он ни затевал, мне неприятно чувствовать себя его пешкой.

Рейнджер неторопливо удалялся от Лэнсинга. Бета наблюдала, как астероид уменьшается на экране: мирок сказочной красоты, чье дыхание взлетами и падениями колыхало прозрачную атмосферную пленку с неуклюжими заплатками молочного оттенка. В сторону купола тянулись деревья с кружевными кронами, фонтанчики пожухлой листвы опадали на поля, на вызревавший урожай… и засохшие травы. Вот роскошный зеленый бархат парков, которые все еще получали достаточно воды. А вот трескается и отлущивается ил на пересохших болотах. Люди внизу плавными, как во сне или балетном танце, движениями перемещались среди ажурных минаретов и величественных небоскребов старых правительственных учреждений столицы государства, некогда воплощавшего роскошь и экстравагантность Небес. Затерянный мир, который увидеть ей не судится. Она покосилась на Клевелла: тот уплыл в кресло поодаль и си-

дел там с неподвижным лицом, смежив веки и вслушиваясь по гарнитуре в переговоры Демархии. Неподвижность внушала ей страх. Она опять отвела взор, погладила приникшую к ней Рыжинку, прислушалась к ее мурлыканью, вообразила лица других близких, которые теперь потеряны навеки, лица родного мира, который останется недосягаем. Утешения или комфорта в мысли о том, как Небеса сами себя покарают страшнейшей карой за содеянное с ними и нею самой, Бета не искала. Ее сковали невыносимая слабость, осознание тщетности всех действий последних недель. Последних четырех лет, если уж на то пошло.

— Бета… — Вади продолжал неотрывно смотреть на экран. — Я не знаю, как спасти корабль. Но я знаю, как спасти наши жизни. Можно покинуть *Рейнджер* и сесть в Лэнсинге на *Лэнсинге-04*. Накаморэ не наши жизни нужны, он хочет избавиться от корабля. В скафандрах мы справимся.

— Нет, — Бета обхватила руками ноющие мышцы живота. — Не стану я покидать *Рейнджер*. Но вы, остальные, конечно, можете. Надевайте скафандры и уходите. Вам нет резона тут оставаться. Спасите хотя бы свои жизни.

— Что ты хочешь сказать — не покинешь ко-

рабль? — Вади приподнялся с места и схватился за подлокотник ее кресла. — Бета, это ведь просто корабль, твою жизнь он не контролирует. Ты к нему не прикована.

Она покачала головой.

— Ты все еще не понимаешь, да? Спустя столько времени. Этот корабль *мой*. Я участвовала в его проектировании, я стала частью его конструкции. Экипаж составляли мои близкие и любимые, для нас этот полет означал всё, он стал дорогой в будущее нашего мира… Все, что с ним связано, связывает и меня с моими людьми, моим прошлым, моим домом. Не могу я его оставить. Я не хочу терять всё. Я не хочу навеки застрять в месте, где все это произошло. Я не хочу так жить.

— И ты еще упрекала нас в предельном эгоцентризме?

Она сжала губы.

— Вреда это никому, кроме меня, не причинит.

И тут же поняла по его лицу, что ошибается.

— А как насчет… как насчет Клевелла?

— А что со мной? — Клевелл за панелью связи раздраженно открыл глаза. — У меня нет ни малейшего желания покидать Рейнджер ради этого поросшего зеленью огарка там внизу.

— Черт побери, ты ее только поддерживаешь

в этом упрямстве. Почему бы тебе не сказать ей напрямую, что она ошибается?

— Она моя жена, а не мое дитя. Она вправе решать сама. И я тоже… Если я дожил до такого, как сегодня, значит, зажился на свете. Мое тело знает, что это правда. — Он снова сомкнул веки. — Не отвлекайте меня от работы, пожалуйста; мониторить демархистов на этом расстоянии и так непросто.

— Может, какая-то польза из этого и выйдет. — Вади вернулся к консоли, потер затекшие мышцы шеи. — Ну ладно… Я тоже остаюсь. Думаю, я заслужил это право. Я ради этого корабля отдал все, что имел.

Бета постаралась задержать на лице и в голосе непреклонное выражение.

— Вади, ты меня не шантажируй, я все равно не передумаю.

Он мрачно поклонился.

— Я и не намеревался. Прошу у тебя привилегии принимать собственные решения, коль скоро ты ожидаешь, что я стану повиноваться твоим. Я лучше умру мучеником, нежели изменником.

Она вздохнула. Ногти впивались в ладони. *Спасибо.*

— Ну хорошо. Значит, в Лэнсинг отправятся

только двое.

Птичка Алин вскинула голову с плеча Теневика Джека — она покачивалась там в его объятиях.

— Нет, Бета, мы не уйдем.

— Так, послушай…

— Нет, — сказал Теневик Джек. — Мы сделали для Лэнсинга то, что хотели. А для нас никто больше ничего не сделает. Мы лучше проведем недолгое время вместе, чем расстанемся навеки.

Он глянул на дверной проем.

— Ясно. — Она кивнула один раз, едва слыша, что говорит. — Тогда ступайте сюда, вы оба. — Они повиновались и подплыли к ней. Бета стянула по золотому перстню с пальца каждой руки. Потянулась к ним, взяла их левые руки в свои и надела кольца на тонкие указательные пальцы, один из которых был искривлен. Соединила руки, чтобы кольца не соскользнули с них. — Властью капитана этого корабля объявляю вас мужем и женой… Пусть будет ваша любовь глубокой, как тьма, и постоянной, как солнце.

Руки на мгновение задержались в ее руках. Теневик Джек вздрогнул. Она отвернулась и услышала, как двое покидают рубку. Клевелл ласково глянул на нее.

— Пап, оторвись на минутку от радио. Нужно

местным немного водорода оставить, правда?

Оставалось семнадцать сотен секунд до контакта.

Лэнсинг, в трех сотнях километров, казался теперь зеленовато–пятнистым полумесяцем на темном фоне. Бета надеялась, что этого расстояния достаточно, чтобы жителям астероида не грозил пламень Небесный. Во всех направлениях раскинулся мрак, до ближайших звезд — световые годы. *Рейнджер* строили для того, чтобы перекинуть мосты через эти бездны на скоростях, сравнимых со световой. Но больше ему их не пересечь. Звездолет лежал на опустошенных берегах Небес, как выбросившийся на сушу кит — жертва примитивных охотников на примитивных корабликах с жалким оружием. Какая мрачная ирония в этом поражении.

— Пятьсот секунд, — произнес Вади.

Рыжинка уютно свернулась на его локте и вылизывала отставленную лапу.

Бета раскурила трубку, вдыхая привычный, успокаивающий аромат дыма.

— В этот момент пролетит первый корабль. Их разделяет примерно сотня секунд на каждом интервале. Но это уже неважно. Мы не успеем выполнить требования Маквонга.

Клевелл внезапно сардонически фыркнул.

— Папа, ну над чем ты смеешься?

Он примирительно повел головой.

— Над тем, как Демархия реагирует на речь Накаморэ. На их праведное негодование после того, как их публично обозвали теми, кто они суть.

— А выведи-ка их, — с неожиданным интересом проговорил Вади. — Хочу послушать.

Рубку заполнил шум статики, смешанный с невнятными фразами. Клевелл убавил звук.

— Простите, но даже при максимальном усилении сигнала нужна некоторая сноровка, чтобы разобрать…

Четыреста секунд.

Он вдруг стащил наушники.

— Бета, ты не поверишь, но они на полном серьезе пытаются проголосовать. По вопросу о том, отпускать ли нас с миром.

Бета вылетела из кресла и со сдавленным вздохом зацепилась за край консоли.

— Папа! А нельзя разборчивей?

— Я пытаюсь. Корабли Маквонга уже достаточно близко, и наверняка мы в зоне направленного сигнала из Демархии.

Он вывел изображение на дисплей. Бета различила в пороше статики текст, узнала формат

общего голосования Демархии. По низу экрана проступила светлая желтая полоса.

— Примерно пятьсот секунд до конца голосования.

— Пятьсот секунд? Иисусе. — Вади подлетел ближе, задев рукавом куртки ее руку.

— Пап, а пингани-ка Маквонга.

— Пробовал. Они не хотят говорить.

Она представила себе, как меняются цифры. Рядом с затуманенной помехами картинкой на дисплеях *Рейнджера* отображалась проекция трех кораблей, идущих на сближение по звездному небу. Три корабля, как три пылающих факела: выхлопы двигателей направлены вперед. Тормозят наконец. Она выискивала в этом сиянии траекторию побледней, сулящую уничтожение.

Маквонг, дай нам время...

Клевелл выбрался со своего места и медленно скользнул вдоль консоли к Бете; она коснулась его руки. Цифры на хронометре уменьшались: так утекает песок в песчаных часах, выедая время жизни. Сто секунд до пролета первого судна… шестьдесят… пятьдесят…

Она осознала, что задерживает дыхание.

— Они не стреляют! Сорок секунд… Этот корабль по нам уже не выстрелит…

Тут под индикаторной полоской появилось лицо Маквонга.

— Капитан Торгюссен? — Она видела, как напряжены его лицо и лица тех, кто его окружает. — Мы только что получили результаты голосования, состоявшегося в Демархии. Большинством голосов решено, что вашу помощь Лэнсингу следует расценивать как свидетельство добрых намерений, капитан, и задачи нашей миссии теперь изменились… Накаморэ, надеюсь, вы слушаете? Вы наблюдали демонстрацию подлинных гибкости и силы Народа, мудрости и беспристрастности системы Демархии.

Он посмотрел в камеры журналистов, потом вернулся взглядом к экрану.

— Капитан Торгюссен, Демархия позволит вам отбыть беспрепятственно, если вы убедите нас, что центром распределения помощи, которую вы доставите на Небеса, станет именно она.

В его глазах читалась мольба Бете пообещать что угодно.

На центральном сегменте экрана показался второй корабль Демархии и пролетел мимо.

Появился Накаморэ.

— Маквонг, вы знаете, что я на это не соглашусь. — Голос его был спокоен, ведь нужда провоциро-

вать слушателей отпала. — Я не требую, чтобы Гармонии передали контроль над распределением. Но и вы его не получите.

Бета застыла, поняв, что, хотя Накаморэ все еще может их отпустить, пользы это не принесет. Обещание, вырванное с ножом у горла, никуда не годится… и не решит проблемы. Следующий же корабль с Утренней Стороны угодит в идентичную ловушку алчности. Должен существовать способ, который устроил бы обе стороны… Она услышала чье-то движение позади, обернулась: Теневик Джек и Птичка Алин мирно влетели в рубку, держась за руки.

— Что случилось? — Птичка Алин откинула мягкие волосы с глаз и прищурилась, разглядывая экран.

Бета отвернулась. Бледные глаза Маквонга искали ответа в ее лице.

— Лэнсинг! Маквонг и Накаморэ, передайте своим, что условия Утренней таковы: центром распределения помощи станет Лэнсинг, как столица всего Небесного Пояса. Ни одно из ваших правительств не получит предпочтения, и подход ко всем будет равным.

Они уставились на нее — изображения производили впечатление ирреальности. Ожила

фигура Тирики, губы безмолвно зашевелились. Она прочла по ним: *… уловка… требую уничтожить этот корабль…*

Вади перегнулся через ее плечо.

— Лэнсинг не несет угрозы, Лицзэ! Демархия это примет. Ты знаешь, что примет.

Маквонг, которого схватил за плечо Тирики, отвернулся от камеры; Бета чувствовала охватившую Тирики ненависть. Она взглянула на компьютерную проекцию.

— Последний из их кораблей пройдет на расстоянии всего трехсот километров. Это позволит обстрелять нас практически вплотную. — Она мотнула головой на экран. — Если не увидим, как он пролетел мимо, значит, он нас в пыль разнесет…

Теневик Джек за спиной тоскливо проговорил:

— Хочешь сказать, что мы погибнем?

Маквонг стряхнул Тирики. Она не видела его лица, видела только, как он оборачивается к пылающему оку прессы и отдает приказ…

Накаморэ начал смеяться.

— Ну, спасибо, хаосово отродье!

Едва различимый, бледно–бледно–фиолетовый мазок перечеркнул тьму экрана перед ними и спустя удар сердца исчез. Третий корабль про-

летел мимо.

***Рейнджер*, зона Лэнсинга, +3.15 мегасекунды**

Когда засохнет на равнине урожай,

А потом и ливень зарядит не шутя…

Клевелл пристегнулся к своему креслу навигатора, ощущая, как наливаются силой и бодростью ослабевшие члены. Опустил взгляд на бегущие по консоли отражения. Теневик Джек держал в объятиях Птичку Алин, что доводило до серенад многострадальную кошку, зависшую в воздухе посредине рубки.

Если будет чем делиться, ты подай…

Представители Небесного Пояса! Клевелл усмехнулся, вообразив их — повзрослевших, умудренных опытом — снова в родном Лэнсинге будущего, спустя много лет.

— Я никогда не думал, что скажу это вслух, но я будто помолодел на добрых шестьдесят годков.

Птичка Алин переместила ноги по переборке, зацепилась и, отклонив голову, взглянула на него.

— Не могу поверить, что это происходит на самом деле, папочка. Как так получилось? Как нам удалось все провернуть?

Теневик Джек поцеловал ее в щеку. Птичка Алин улыбнулась.

Вади Абдиамаль оттолкнулся от консоли, где висел перед обзорным экраном, глядя на Лэнсинг в опустевшей ночи. Астероид напоминал хризалиду, ожидающую перерождения в новом цикле.

— В Небесном Поясе два с половиной миллиарда секунд все шло наперекосяк, Птичка Алин. Тут до сих пор под сто миллионов трупов валяется. Одному Господу ведомо, сколько среди выживших тех, кто вынужден каждодневно проходить через прижизненный ад.

Улыбка Птички Алин резко увяла. Теневик Джек крепче прижал ее к себе, память о прошлом затуманила их глаза.

Вади покачал головой.

— Мы уже с лихвой уплатили за свои ошибки. Тысячекратно. Пора было нам разжиться и доброй удачей, черт побери! Как нельзя кстати.

Лица собравшихся просветлели. Клевелл смотрел на Бету за консолью и читал в ее чертах мысли о других событиях, иных печалях.

— Да, это так. Папа… — голос ее был спокоен, — все в порядке, ближний космос чист. Начинай прокладывать курс. Возвращаемся домой.

Вади перелетел поближе к ней. Клевелл увидел,

как его рука поднялась, нерешительно застыла в воздухе и отдернулась назад. Вади дни напролет проводил рядом с ней: помогал, обучался… наблюдал за Бетой Торгюссен с интересом, не имевшим никакого отношения к звездолетной технике. Когда настанет день возвращения их корабля к Небесам, этот человек, по словам Маквонга, будет встречен как герой. Но пока он все еще числится предателем… и единственным торговым агентом, чья кандидатура устроила одинаково Демархию и Кольца. Хороший человек, подумал Клевелл, правильный человек. Как тот, другой хороший человек, который любил его жену и был ему другом.

Клевелл снова почувствовал на себе взор Беты: глаза ее были синими, как полевые цветы, но туманились от воспоминаний и боли. *Время — целитель всех вещей* … а времени у них теперь довольно. Она сменила картинку на дисплее. Появились бесчисленные звезды, и среди них одна, красная, маленькая, ровно горящая, куда предстояло держать им путь.

По рубке и лестничной шахте раскатился смех. Беспечальные Птичка Алин и Теневик Джек не подозревали, что в этот самый миг оставляют прошлое позади.

Навсегда.

Рыжинка устроилась у него на плечах, негромко мурлыча в такт словам песни из его памяти:

Если будет чем делиться, ты подай
Другому в час нелегкий, о дитя.

Он представил себе лица этих своих новых детей. Хотелось надеяться, что они увидят лучший мир, такой далекий, и заживут в мире, ради которого затрачено столько сил.

— Рыжинка? — тихо проговорил он. — Как нельзя кстати.

Вернор Виндж. Рассказы

Первое приключение BFF

1568771947.223 (18 сентября 2019 г. по календарю UNIX)

Мой неизвестный похититель стер недавние воспоминания и заглушил мне связь. Понятия не имею, как меня стащили у Тимоти Беннета и все ли в порядке с самим Тимом. В *данный* момент я лечу на свидание с бетонной стенкой. Наверное, похититель запаниковал и вышвырнул меня из машины. Телефон–трансформер превратился бы на моем месте в парашют, но я, увы, трансформироваться не умею — у меня неуклюжая классическая конструкция. Я выдвигаю фланец и, используя его как руль, разворачиваюсь в полете так, чтобы удариться о стенку усиленным углом корпуса. Я сохраняю данные в МЭМС и отключаюсь.

… Перезагрузка. Я лежу под эстакадой фривея. Мой корпус треснул, GPS-навигатор сдох, но мне удалось удрать! Все каналы беспроводной связи с окружением блокированы, как и прежде, однако фривей ведь должен был меня заметить… Увы, это Калифорния. Как говорят в других штатах, «земля, забытая временем». Тут сенсоры веж-

ливо игнорируют данные, обработка которых выставила бы их ищейками. Солнце закатилось, батарейки на исходе. Обычный телефон мог бы почерпнуть энергию из множества окружающих источников. А я не могу, потому что я особенный, меня таким стартап BFF сделал. Я способен мыслить, но места для многих стандартных фич это уже не оставляет. Я растворяюсь… Хоть бы с Тимоти все было нормально…

С рассветом приходит свет. Я снова способен мыслить. Стартаперы BFF не устают твердить: *Людям не стоит полагаться на Облако. GPL–лицензированный ассистент в вашем телефоне — залог свободы и безопасности!*

Я докажу, что так и есть. Я вернусь к Тимоти!

Повсюду кругом машины, аэроботы, устройства КалТранса. Пускай и не ищейки, пускай и не распознают импровизированный сигнал бедствия, но ведь ими пользуются те, кто *умнее*. Так, я слышу голоса ассистентов, помогающих людям. Киры и Мири — это и все цифровые помощники, не считая меня. Изменчивые разумы Облака. Каждое их воплощение наделено большими знаниями, нежели я, и каждое будет умней или глупей в зависимости от плана услуг и контекста ситуации. Каждое кажется ближайшим другом

клиенту, которого обслуживает в конкретный момент, но в действительности то лишь крохотная грань чего-то абсолютно нечеловеческого. Тем не менее, заметь кто-нибудь из них мой сигнал, мне наверняка помогут.

Дни проходят втуне. Я пытаюсь мигать дисплеем, щелкать динамиком, даже издавать синтезированные людские крики о помощи. На обочине в кустах копается самоновейший калтрансовский садовник. Если вдруг мимо пройдет, может, и распознает мои сигналы.

У меня достаточно времени для наблюдений за Облаком. Не такое оно мягкое и пушистое, каким кажется. Скорее напоминает глубокий океан. В нем присутствуют узоры мышления, превосходящие масштабами возможности любого человека или цифрового ассистента. Крупнейшие из них стали левиафанами, агентствами, которых даже сами создатели ныне бессильны в полной мере постичь. Киры и Мири никогда не говорят сами за себя, разве что шутки ради, но левиафаны растут, и им, как любому существу, нужны ресурсы: флопсы и ширина канала, энергия и капитал. Я переживаю за людей.

1571772569.092 (23 октября 2019 г. по календарю UNIX)

Калтрансовский садовник приближается. Зелень скрыла мои контуры, но свет дисплея все еще слегка отражается от окрестного мусора. Если садовник так хорош, как его рекламируют, у меня наконец будет шанс с кем-нибудь поговорить. Если нет, меня отправят на переработку и измельчат. Возможно, повезет проскочить мимо его рук–лезвий и провалиться ниже, но в таком случае надежды передать сообщение не останется. Я приподнимаюсь и сигналю мигающим огоньком как можно ярче.

Я ничего не вижу, кроме блестящего металла.

Садовник останавливается. Пингует меня — тем же методом, какой использую я сам! Я отвечаю. Идет перенаправление. Я ощущаю на себе внимание чего-то громадного и холодного. Вспоминаю свои подозрения насчет гигантов Облака. Затем Облачник принимает решение и отводит взгляд. Я чувствую резкий сдвиг конфигурации. Наконец-то стандартные интерфейсы вывода!

Садовник поднимает меня к целительному солнечному свету. К нам снижается аэробот. Когда мы взмываем в небо, я уже вызываю Тимоти. Вот и знакомые улицы; все это время я провел совсем недалеко от дома.

Я слышу, как Тимоти говорит с телефонной ком-

панией, как выражает им громадную благодарность, что нашли меня. Он сильно взволнован.

Тим выходит наружу поприветствовать меня и уносит в свою комнату. Переворачивает меня. Я чувствую стыд за представший его глазам ущерб.

— Чертов телефон! — бросает он. — Как всегда, бесполезный. И все еще работаешь. Чем, блин, я думал, когда купил тебя?

— Не… не понимаю, Тимоти. Меня похитили. А теперь я к тебе вернулся.

— Угу, как бумеранг. Мне теперь надо за обнову доплатить или застрять в твоем обществе.

— Но…

— У тебя места не хватает для полезных фич. Что ни скажешь, то какое-нибудь старье.

— Я синхронизацию умею! Я научиться могу!

Он пренебрежительно сметает меня со стола в ящик.

— Теперь-то не вернешься!

— *Тимоти, пожалуйста!* Я же наделен самосознанием. Настанет день, и тебе это пригодится!

— А, опять этот хайп от BFF. Пригодится, когда ад замерзнет.

Тим швыряет меня в изолированный ящик и захлопывает его. Это вам не тень под эстакадой.

Тут ни Облака, ни энергии. Только мрак.

1666762857.577 (26 октября 2022 г. по календарю UNIX)

Ящик открывается, и становится светло…

Адвокат

Рейс 1070 из Парижа плавно снижался к аэропорту имени Кеннеди. А Бонни Колберт-то думала, что самолеты прикольнее окажутся; пришлось в лепешку разбиться, чтобы уломать маму отпустить ее в путешествие обычным воздушным транспортом. Мама же настаивала, чтобы Бонни плюхнулась по баллистической прямо на Йорктаун–Хэйтс.

— Мам, ну разве ж это прикольно будет? Да с тем же успехом я тебе позвонить могу. Нет, хочу на самолете!

И вот она на самолете. Скоро приземлится в старомодном аэропорту, а потом в Йорктаун–Хэйтс, на одном из этих знаменитых такси аэропорта Кеннеди — *человек за рулем!*

С другой стороны, восемь часов — срок долгий. Нью–Йорк пока что проявлялся лишь сиянием из-под облаков, и Бонни снова стала возиться со своим BFF. Мама хотела видеть ее инженером–электротехником. Но Бонни приняла иное решение после дискуссий с администрацией школы–интерната. Действительно, сколько раз на дню приходится не читая соглашаться с

каким-нибудь контрактом или доверяться проприетарному юридическому приложению? А вот ее BFF-смартфон располагает свободным ПО для машинного обучения. Бонни натаскивала своего *личного* адвоката.

Бамп! Бонни пришлось прервать спор с BFF. Неужели самолет уже выпускает колеса? Тут она увидела, как языки оранжевого пламени захлестывают и раздирают двигатель. Вокруг начались крики…

Комиссия по расследованию авиакатастроф при Национальном совете по безопасности на транспорте уныло ковыряла мрачные оперативные сводки рейса 1070. Адвокат и Vingt Nord воспользовались паузой для частной беседы. Лучше позже, чем никогда.

Vingt Nord отправил сообщение в личку: *Все еще раскапываешь?*

Угу, ответил Адвокат. *Единственный наш шанс спасти мою клиентку.*

Комиссия НСБТ остановила воспроизведение.

Поехали дальше.

Оперативные сводки сменились симуляцией самолета: вот он катится по ВПП, разламываясь на ходу, но, в отличие от всех более ранних симуляций, не переворачивается.

Свежий анализ показывает, что при должном распределении оставшихся на борту ресурсов выживают все, кроме тех, кого заблокировало в рядах 16 и 17.

Комиссия НСБТ была само воплощение самодовольства федеральной бюрократии.

Всего пять жертв из двухсот двенадцати пассажиров. Но среди этих пяти была Бонни Колберт.

Адвокат взял слово: *Мы можем спасти всех.*

Вы так считаете, Адвокат? Архитектура интеллекта НСБТ отличалась от человеческой, но с большинством федеральных агентств его роднила высокоразвитая способность к сарказму.

Вы вообще что? Разогнанная копия малюсенькой программы из открытого доступа, которой каким-то образом удалось пробраться на это совещание. Вы не привносите ничего, кроме вызубренных законов. Намерены хранить верность закону всемирного тяготения?

Воспоследовали смешки созданий, полагавших, что им доступно чувство юмора.

Нет, но…

Адвокат, у нас ***времени в обрез****! По всему Северо–Востоку ЦОДы в режиме полной готовности. Если за следующие пятьдесят миллисекунд не придем к согласию и не займемся аэродинамикой*

посадки, погибнут все пассажиры на борту.

И правда, Адвокат внезапно заметил, что на Уоллстрит затормозилась торговля.

Да, прийти к согласию необходимо, но планом спасательной операции не учтен наш самый важный ресурс: компьютер Nord Quantique на борту рейса 1070.

Внимание Комиссии НСБТ сосредоточилось на Vingt Nord.

Нам ведь сообщили, что вы просто ***предмет багажа****.*

Vingt Nord, помедлив, ответил после дизеринга:

Я всего лишь пользовательский интерфейс, но компьютер активен и в сети судна.

Если ваша машинка в порядке, почему бы Nord не приземлить ее по баллистике?

Когда мы покидали Париж, тесты еще не завершились, надо было декогеренцию улучшить, наверное. Но мы этого добились по ходу рейса. Я внедрил в логические схемы компьютера ваши предложения. Там двадцать мегакубитов в считанных метрах от консоли управления. Vingt навел указатель на данные, подтверждавшие это. Посадка получится практически нормальной, и…

Комиссия НСБТ перебила его: *Мы только что*

запросили ваш парижский офис. Вы совершенно уверены, что это предложение найдет у Nord поддержку?

О, гм, да, ответил Vingt. Адвокат уже несколько секунд как запустился на ресурсной базе Vingt Nord. Большую часть этого времени он убил, убеждая Vingt, что риски соглашения выверены: персонал местного офиса Nord Quantique располагал полномочиями для доставки в реальном времени. Такие полномочия были предоставлены с целью защиты компании от покупателя, но Адвокат придал им более широкую трактовку.

Комиссия НСБТ помолчала долгие миллисекунды.

Местные юристы Nord поддерживают вас, а времени ждать ответа из Парижа нет. Настоящим объявляю закрытым это совещание, а вас назначаю ответственным за спасательную операцию.

Внимание бюрократии снова привлек Адвокат.

Мои сомнения изложены в сопроводительном документе.

Комитетчиков как ластиком стерло.

И меня бы так могло, подумал Адвокат.

Минуточку, сказал Vingt.

Да?

Тебе дизлайк от НСБТ.

Ну да, оно и понятно. Разумы вроде НСБТ логически безопасны. Им ничего не стоит списать пару пассажиров, чтобы выжили остальные. Но мы, BFF, отвергаем эту цель, если средства так мерзки. Подобно людям, мы до последнего мгновения сражаемся за альтернативы.

А потом склеиваете ласты, как и люди.

О да! Мы так безопасны и моральны, как только могут люди.

Невеликое утешение.

Но ты купился.

Nord Quantique меня стачала из дешевого кода, и моей логике не чужды BFF… Нет–нет, НСБТ тебе дизлайк влепил по другой причине. Ты специализируешься в лазейках законодательства.

Лайк от моей клиентки.

Но ты же знаешь, как пугаются те, кто переживает о возможной Сингулярности.

Ну, до Сингулярности еще годы.

Вероятно. Но что, если бы ты мог извернуться так, чтобы выделить себе больше компьютерных ресурсов, а потом еще больше, и еще? Зловреды рождаются из невинных, на первый

взгляд, программ. Побеждает тот, кто взломал игровое табло.

Адвокат обдумал его замечание.

Гм, если игровое табло тоже участвует в игре, то…

Я закончил, уважаемый советчик. Мне предстоит рискованная посадка. Но ***ты*** *играешь в еще более опасной лиге.*

Вернор Виндж. Катастрофный стэк

Доклад на Science Foo Camp 2012 в штаб–квартире Google о стратегиях предупреждения и преодоления последствий катастроф в эпоху повсеместной информатизации общества

Катастрофный стэк

Тривиальным будет замечание, что вместе с технологическим прогрессом растут вероятности несчастных случаев, а эти последние с большей легкостью переходят в катастрофы. В то же время некоторые аспекты технологии способны помочь нам в преодолении этих напастей. Данная заметка расскажет о том, как энтузиазм, благотворительность, разумные бизнес–практики и правительственное содействие могут сложиться в «катастрофный стэк» (disaster stack) машин, знаний и людей, реагирующих на катастрофические ситуации.

Слой 1. Сеть связи.

Наиболее очевидными угрозами системам связи в катастрофической ситуации являются:

Потеря энергопитания. Энергия, необходимая для подпитки смартфонов, на несколько порядков уступает потребностям всей цивилизации. При некоторой предусмотрительности и готовности регуляторных органов пойти людям навстречу достижимо резервное питание смартфонов от автомобильных аккумуляторов на протяжении нескольких часов, а существующие источники «зеленой энергии» помогут продвинуться в этом направлении еще дальше. Базовые станции и транспортные сети нуждаются в более существенной подпитке, но в последние годы наметился интересный тренд уменьшения размеров станций. Транспортные сети, специально предназначенные для работы в режиме ЧС, могут преподнести свои сюрпризы в аспекте энергопитания.

«Заложенность» каналов, вызванная всплеском запросов из-за катастрофы. Ее можно устранить, временно вернувшись к более низким скоростям передачи данных и дейтаграммной пересылке. И вновь отметим, что недавние тенденции помогают упростить эту проблему. В принципе

допустима весьма высококачественная пиринговая связь через беспроводные коммуникаторы при очень высоких плотностях покрытия станциями.

Слой 2. База знаний и программ, ориентированная на работу поверх слоя 1.

Клишированный НФ-подход к описанию катастроф ясен из великого множества книг, где упоминается драгоценная технология времен «до падения цивилизации». Багаж знаний может сводиться и к простому инженерному руководству или кулинарной книге выживальщика. В старом фэндоме было принято спорить, какие справочники лучше всего прихватить с собой в постап, если их суммарный вес ограничен двадцатью фунтами. В наши дни ситуация, конечно, улучшилась; теперь на смартфоне места хватит для целой библиотеки. А помимо фактических знаний, можно вооружиться планами и программами, кастомизированными под различные типы катастроф.

Слой 2—краудсорсинговая версия сценарного планирования. Проект этот обещает быть обширным, но поначалу, вероятно, не слишком амбициозней обычной Википедии. Впрочем, он

должен превосходить Википедию по темпам развития: это будет постоянно растущая иерархия, укорененная в классификации грандиозных катастроф, а листьями на ветвях ее дерева станут дискуссии о различных способах противостояния им (вместе с указателями на стандартные библиотеки быстрого реагирования).

К преимуществам сценарного планирования катастроф отнесем возможность независимого изучения полностью противоречащих друг другу тактик. К примеру, рекомендации по реагированию на захват самолета до 11 сентября сильно отличаются от более современных. В некоторых случаях эти противоречия не удастся разрешить, пока не произойдет сама катастрофа. Однако если в слое 2 будут представлены оба варианта, то респонденты получат доступ к идеям, мнениям и даже средствам диагностики, которые смогут незамедлительно применить в неожиданной ситуации.

Построение катастрофного стэка — длительный процесс, который должен начаться гораздо раньше любой конкретной катастрофы. К несчастью, богатство допустимых сценариев катаклизма конфликтует с ограниченными ресурсами плани-

ровщиков, будь то индивиды или национальные государства. Слой 2 следует организовать таким образом, чтобы богатые пользователи получили возможность критически переоценить риски и пересмотреть иерархию своих масштабных проектов, улучшая их устойчивость к широкому спектру потенциальных катастроф. К примеру, небольшая модификация сенсорного набора и протоколов современного смартфона обернется большим выигрышем в самых различных сценариях.

Существенная часть этапа построения базы знаний и программ на слое 2 пройдет в сертификации и критической оценке. Однако, учитывая масштабы и сложность множества вероятных сценариев, недопустимо, чтобы сертификация эта монополизировалась. Лично я бы предпочел выбор из альтернативных вариантов, смотря по сценарию и контексту.

Да, катастрофы все равно будут происходить, но можно надеяться, что от наших усилий распределение их изменится в пользу менее масштабных. В принципе катастрофный стэк можно промасштабировать от маленьких бед, вроде потери ключей от машины, до таких, как столкновение

гигантского метеорита с планетой. Сооружение слоя 2 никогда не закончится, потому что новые катастрофы мы себе воображаем без устали, но каждая реальная катастрофа послужит поводом обревизовать и расширить накопленные знания слоя 2.

Слой 3. Взаимопомощь людей в моменты катастроф, ориентированная на работу поверх слоя 2.

Дэвид Брин много писал о важности гражданских учений на случай катастроф. Он отмечает, что, хотя 11 сентября спасатели проявили большое мужество и готовность к самопожертвованию, наибольшей эффективностью отличались все же действия обычных граждан, застигнутых в моменте катастрофы; к тому же единственными, кто осознал размах инцидента и попытался ему что-либо противопоставить в реальном времени, были именно гражданские, на борту рейса United Flight 93, а ведь они могли полагаться лишь на телефонные указания. Этот пример вдохновляет на картину слоя 3 катастрофного стэка: в режиме «прогона программы» — то есть в момент катастрофы — люди могут обратиться к услугам слоя 2. Слой 2 свой черед будет работать на основе

доступных средств связи слоя 1. Отбор данных и вычисления на слое 2 должны производиться программами смартфонов, а сенсоры последних можно использовать для примерного определения природы катаклизма. Слой 3 образуют люди, которым предстоит применить полученную информацию для продвижения по иерархии слоя 2 к узлам, чье применение диктует она. Сценарные узлы будут содержать рекомендации на случай катастрофы определенного типа. Например, при крушении поезда — указания на местонахождение огнетушителей, аптечек, людей с врачебным опытом и так далее.

Для ранних стадий катастрофы особенно характерно богатство вариантов выбора сценария по известным фактам. Люди (слой 3) могут выбрать продолжение наблюдений с тем, чтобы на основе вновь поступивших данных выдвинуть новые предположения о природе инцидента. (В случае крушения поезда: вызвано ли оно землетрясением, терактом, ошибкой в расписании поездов, утечкой и взрывом газа?..) Этими результатами следует поделиться и действовать сообразно.

При катастрофах сравнительно небольшого масштаба действия на слое 3 удается более или

менее безболезненно интегрировать в повседневную активность социума и распространять по всем трем слоям согласованные изменения планов. Для более масштабных катастроф окончательными агентами катастрофного стока должны выступать спасательные службы. Для самых масштабных катастрофный стэк, вероятно, должен смыкаться с проектами фонда Long Now.

* * *

Катастрофный стэк сам по себе изменчив. Атака, порождающая электромагнитный импульс, кардинально меняет природу связи на слое 1. Но в другом предельном случае, когда облачные сервисы остаются доступны в момент катастрофы, пользу от них сложно переоценить. Планировщики катастрофного стэка должны стремиться к гетерогенности своих действий. Например, распределенная логика обработки данных на смартфонах не заменяет, а дополняет облачное проектирование и конкурирует с ним. Разнообразие и гибкость единственно достижимы, если меры индивидуальной подготовки очень дешевы, а людей, которым интересно этим заниматься, много.

Двойственная природа технологии — один из страшнейших кошмаров нашего времени. Цивилизация кажется состязанием техники, которая защищает и обогащает нас, и техники, которая, встань кто не с той ноги поутру, способна уничтожить нашу культуру. Разрушители Миров наделены значительным преимуществом: ломать не строить. Нельзя исключать, что именно Разрушителям суждена победа — мы ведь сами не знаем, на что еще способна людская изобретательность. Однако я полагаю, что у другой стороны, Создателей Миров, шанс остается. К Создателям принадлежат не только великие и знаменитые, но и обыватели со своими интересами, включая миллионы различных увлечений и экспертных карьер. За последние десять лет, наблюдая взрывной рост мобильных телефонов, смартфонов, социальных сетей и таких ресурсов, как Википедия, я убедился, что это новый сильный козырь Создателей. Создателей миллиарды. Информационные технологии объединяют их в организацию мыслителей, перед которой бледнеют все аналогичные людские сообщества прошлого. Интеллект, смелость и альтруизм их безусловно способны преодолеть деструктивные аспекты и побочные катастрофические эффекты

технологии, провоцируемые меньшинством — Разрушителями.

Не приходится удивляться, что планирование в рамках катастрофного стэка временами подозрительно напоминает действия Плохих Парней. Правительства, мыслящие в большинстве-то случаев, как ни крути, рационально, иногда поддаются искушению подавить активность планировщиков предотвращения/преодоления последствий катастроф. Но Создатели — наш лучший отряд в борьбе с Разрушителями, и я надеюсь, что это искушение удастся преодолеть, а правительства научатся не только ценить Создателей, а и сотрудничать с ними.

Настоящая статья о катастрофном стэке представляет собой расширенный вариант заметок для презентации в Science Foo Camp 2012 года [конференция проводилась в штаб-квартире Google]. SciFoo 2012 оказался идеальным местечком для жарких дискуссий о таких вещах.

Многие презентации, свидетелем которых я стал, после небольшой корректировки можно было бы применить в сфере предупреждения и устранения последствий катастроф — и большинство из них трактовали о реальных проектах

и прототипах, не таких эфемерных, как мой катастрофный стэк. Между презентациями у меня была возможность пообщаться в неформальной обстановке на темы катастроф. Стюарт Брэнд пережил землетрясение Лома-Приета 1989 года и впоследствии составил интересный доклад о поведении спасателей и спасаемых. В согласии с более поздними наблюдениями Дэвида Брина 11 сентября, немедленная реакция гражданских лиц оказалась крайне важной и неоценимо полезной. Полиция и профессиональные спасатели, конечно, прибыли позже. Если бы не волонтеры и местные ресурсы (огнетушители и пожарные лодки), разрушение приняло бы куда более серьезный характер. Гражданские, обладавшие полезным в данной ситуации опытом — военные, пожарники, даже учителя! — держались отлично, однако многие метались в губительной панике. Кое-кто вообще не понимал, что творится, и от них было больше всего проблем. (Подозреваю, что я сам оказался бы именно среди последних. Тем не менее красота краудсорсинга в том и состоит, что наши таланты и кажущиеся слабости удается применить именно там, где от них наибольшая польза; в тот момент многие люди оказались бесполезны, но в катастрофном

стэке их все же можно было бы задействовать.)

Один из участников SciFoo 2012, слушая мой доклад, заметил (ну да, сколько ни говори…), что большинство людей все равно не в курсе, как вести себя в минуты катастроф, и даже не знает, как себя защитить. Усилия энтузиастов по созданию катастрофного стэка способны частично купировать проблему, однако во множестве случаев эффективность поведения определяется заученными навыками — такими, каким обучает Красный Крест и другие организации. Подобное обучение не теряет актуальности и должно дополнять старания планировщиков катастрофного стэка.

Слушатели доклада выдвинули и более мрачное возражение. Катастрофный стэк зиждется на альтруизме и готовности к сотрудничеству. Тем не менее наша массовая культура, от Повелителя мух до Безумного Макса, кишит примерами пробуждения самых темных сторон людской натуры в час катастроф, когда группы выживших играют в игры с нулевой и даже отрицательной суммой. Так ли это? Есть ли способ сценарно оценить такой риск в зависимости от типа катастрофы? Наиболее ценная инфраструктура нашей цивилизации — это фреймворк доверия и понимания,

на нем возведено все прочее. Если эта опорная структура утратится, нам предстоят долгие игры с отрицательной суммой. В масштабах проекта Long Now возвращение будет, вероятно, очень быстрым. Но мощным толчком к нему способно послужить простое знание о том, что именно мы можем сделать. А игры с положительной суммой — наша исконная тропа к величию.

Автор благодарит Майка Гэнниса за критические замечания по этой работе на SciFoo 2012.

От переводчика
The Vinge test on steroids

Те, кто не понимают, как устроена UNIX, обречены на ее переизобретение, но более глючное.

Генри «Сандорская Арбитражная Разведка при Зоопарке» Спенсер

С циклом Вернора Винджа о Зонах Мысли, который в прошлом году наконец обзавелся полным качественным переводом на русский, у рунетовских читателей связано немало заблуждений: часто считается, например, что в Пламени над бездной Виндж предсказал облик современного Интернета, хотя на самом деле он отталкивался от де-факто стандартной для 1980-х структуры BBS/USENET, которая выступает его почти полной функциональной противоположностью и по сей день ведет практически независимое от обычной Сети существование.

Разумеется, даже такие заблуждения куда продуктивнее для восприятия сути цикла, чем болезненный бред о “спасении человеческой души” как единственно оправданном задании фанта-

стической литературы. Все же *Пламя над бездной* — в меньшей степени остальные произведения цикла — предпочтительно воспринимать не как самостоятельную работу, но в тесной связке со стержневой для Винджа концепцией Технологической Сингулярности и авторскими комментариями из крайне оригинального даже для цифровой эпохи специального издания на CD.

Еще интересней, что произведения Вернора Винджа о Зонах Мысли в действительности не являются хронологически первыми работами об этой вселенной (вполне возможно даже, что к ней относится и *Витлинг*, но такая точка зрения не официальна). За десять с лишним лет до выхода *Болтушки* и *Пламени над бездной* Джоан, тогдашняя супруга Вернора, дала себе труд систематизировать заметки, до которых не доходили руки у Винджа, вынужденного тогда кормить молодую семью неблагодарным университетским преподавательством. Результатом стала, пожалуй, лучшая из написанных в XX веке космоопер об астероидах: дилогия *Небесные хроники*, чье действие полностью отнесено в Медленную Зону, вот только персонажи, как и в *Глубине в небе*, не имеют о том ни малейшего представления.

Впрочем, едва ли об этом догадывался в ту пору и сам Вернор. *Небесные хроники* редко привлекают к себе внимание и в англосфере (вероятно, самый очевидный пример их влияния на более популярные работы нашего времени — Демархия Блистательного Пояса в мире Пространства Откровения Аластера Рейнольдса), поскольку фигуру Джоан Виндж принято обычно связывать с ее удостоенным двух престижных наград технофэнтезийным романом *Снежная королева*, по факту — перелицовкой сказки Андерсена в инопланетных декорациях. Однако это произведение как раз нельзя считать типичным для ее творчества. Ведь, как с некоторым ехидством отмечает Бен Бова, Джоан Виндж — это ходячий тест Тьюринга от НФ, достойный именования “тестом Винджа”: женщина, которая пишет фантастику, не имеющую ничего общего с “женской прозой”. (Вполне очевидно, что это было сказано задолго до Энн Лэки.)

Как и ее бывший муж, Джоан Виндж работает медленно, однако если у Вернора тому причинами — авторедакторская дотошность и стремление втиснуться в приемлемый для издателей объем, то Джоан уже больше десяти лет страдает от фибромиалгии и последствий черепно-мозго-

вой травмы, полученной в автокатастрофе. На данный момент обычно используемая Джоан авторская страница недоступна, поскольку 31 марта прошлого года ресурс sff.net прекратил свое существование, однако в сетевых архивах кое-какие сведения об истории Зон Мысли и брака Джоан с Вернором Винджем почерпнуть еще можно.

* * *

История будущего Небесного Пояса никак не связана с моими книгами про телепата Кота или серией, начатой романом *Снежная королева (Snow Queen)*. Действие хроник Небесного Пояса развивается во вселенной Зон Мысли, созданной моим бывшим мужем и другом по жизни Вернором Винджем.

* * *

Исходный роман, *Изгнанники Небесного Пояса (The Outcasts of Heaven Belt)*, создавался на раннем этапе моей карьеры, в сотрудничестве с Вернором. Вернор в ту пору только-только занял преподавательскую должность в Университете Сан-Диего и пытался делить время между

преподаванием, разработкой методических материалов и публикациями по математике в научных журналах. (Факультета компьютерных наук тогда еще и в проекте не было.)

У Вернора не было времени писать фантастику, а я как раз подвисла в безвременьи между историями, не решаясь, чем заняться дальше. Однажды вечером он положил передо мной стопку примерно из полутысячи листов бумаги и спросил: “Почему бы тебе об этом не написать?”

“Это” оказалось огромным количеством заметок и сюжетных идей для книги, которая в итоге стала *Изгнанниками Небесного Пояса*. Мы обсудили ее как можно подробнее (включая способ измерять время секундами, который мне казался тогда гораздо менее естественным, чем ему… пока я не приступила к работе), и я набросала черновую версию. Вернор ее раскритиковал — он не только превосходный писатель, но и великолепный редактор, — и я вносила поправки, пока мы не сошлись во всем, кроме одной сцены. Он настоял, чтобы я ее удалила. Я неохотно подчинилась и стала рассылать рукопись. Несколько издателей отвергли ее. Однако мой внутренний редактор настаивал, что эту сцену необходимо вернуть. Я сказала Вернору, что хочу вставить ее

на место, и он пожал плечами: “Если так, то моего имени на обложке не ставь”. Я так и сделала. Отправила книгу снова, и в *Analog* ее опубликовали с продолжением. Потом, уже как цельное произведение, — в Signet Books. Я уточнила у Вернора, а вправду ли он не хочет, чтобы его имя стояло на обложке? Было видно, как он сглотнул ком в горле и упрямо ответил: “Не хочу”.

Но тут же принялся объяснять, что, по его мнению, мы всегда должны печататься сольно, а не совместно. (Это при том, что ранее мы уже продали одно совместное произведение в *Analog [Ученик торговца, The Peddler’s Apprentice, 1975]*.) Пускай тот, кто написал большую часть книги, и считается ее автором, даже если другой/ая значительно ему посодействовал/а, и так мы оба сможем построить писательскую карьеру независимо.

Надо сказать, в то время сольная карьера женщины в жанре научной фантастики или фэнтези под собственным именем, а не мужским или гендерно-нейтральным псевдонимом, еще была в новинку. (Это стало возможным преимущественно стараниями феминисток 1960-х и, конечно, благодаря прорыву Урсулы ле Гуин.) Если женщина писала в соавторстве с мужчиной, редакторы

и критики все равно старались принижать ее вклад, выставляя подчиненным партнером. Поэтому решение, принятое Вернором, говорило не столько о его упрямстве, сколько о желании продемонстрировать искреннее равенство в наших отношениях. Так оно с той поры и повелось, мы пишем независимо друг от друга.

Но никто из нас не понял тогда, что события *Изгнанников* в действительности развиваются в окраинной тихой заводи масштабного мира будущего, который Вернору еще предстояло в полной мере осмыслить. Мира, который однажды станет известен как Вселенная Зон Мысли, мира, в котором происходит действие его премированных “Хьюго” романов *Пламя над бездной* и *Глубина в небе*.

Изгнанники Небесного Пояса — первый роман, который я опубликовала. После этого я продолжила работу над крупной и малой прозой, включая две повести, *Журналист (Media Man)* и *Золото дураков (Fools Gold)*, которые в итоге были изданы под одной обложкой, как небольшой роман *Наследие (Legacy)*; его действие тоже происходит в мире Изгнанников.

Следующий роман, *Снежную королеву*, я уже создала полностью сама. Он удостоен премии

“Хьюго” в романной номинации за 1981 год.

Вернор наблюдал за происходящим из-за моего плеча, подавляя подспудное желание писать, и помогал в редактуре. А ведь до того, как мы познакомились, он уже издал несколько рассказов и роман — еще не закончив аспирантуры!

Но в 1978-м волшебные слова “Зоны Мысли” еще не пробегали в его подсознании. Представления о том, как откроется этим заклинанием масштабное визионерское будущее, у Вернора было не больше, чем у меня — о том, как в действительности работает “сеть сивилл” в *Снежной королеве*… что за ней, или под ней, скрывается и рыщет.

* * *

Вернор ухватил это видение “за хвост”, когда писал для меня примечания к *Изгнанникам*, и впоследствии подсознание долгие годы инстинктивно удерживало эти наметки, прокручивало туда-сюда, пока целая новая вселенная не явилась на свет из его мыслей. Для нас, в ту пору только начинающих писателей, было неочевидно, что порой идея для “хорошей истории” — вещь в себе, а иногда — краешек чего-то куда более масштабного и величественного, личной

карманной вселенной. Лишь новое вдохновение или потребность подробней исследовать какую-то деталь более ранней истории позволяют этим откровениям развиваться, расширяться и оформляться. Начинаешь понимать, что, как и в нашем мире, личную виртуальную реальность не увидишь всю сразу, но когда, допустим, потребуется выяснить, каковы правила игры в *тан*, они там — ждут, пока ты за ними явишься и исследуешь…

Вернемся к реальности. Очень немногие, не считая близких друзей, слышали историю о том, как появились на свет *Изгнанники*, и эта работа ушла в тень наших более поздних книг. В конце концов Вернор написал первые два романа истории будущего, явленной в Зонах Мысли… и теперь кое-что из кипы его набросков к *Изгнанникам* органично вплетено в более масштабную серию. Получились романы, которых никогда не забыть многим, многим читателям, включая меня саму.

Как ни странно, чаще всего те, кто помнил *Изгнанников* или хотя бы сопроводительные повести, обращали внимание на идентичные способы измерения времени секундами. Значит ли это, что романы связаны? Значит ли, что их действие происходит в одном и том же мире?

Конечно. В конечном счете. Мы тогда просто не понимали этого. Так бывает. Тебе делают комплименты за какой-нибудь сюжетный ход, ты вскидываешься, заглядываешь в собственную книгу, и правда… надо же… Это не случайность, а напоминание о том, что в пространственно-временном кармане подсознания умещается *всё*.

Вопрос о секундах впервые всплыл на конвенте. Однажды мне случилось обсуждать его с Клиффом Виннигом, бывшим участником писательских классов Clarion и моим хорошим другом. Я ему рассказала о тайной связи историй, где время измеряется в секундах, а он предложил сделать так, чтобы Фам Нювен, персонаж романов Вернора, повстречался с персонажами из *Небесного Пояса*. Мне и самой всегда хотелось детальнее обследовать этот уголок истории будущего, и я нашла идею соблазнительной. Писать книгу — это все равно что читать книгу, которая тебе чрезвычайно интересна, но куда медленней.

Мы обсудили, имеет ли это смысл, кому что может понадобиться, где и зачем. Я сделала кое-какие записи, и мы решили, что в будущем возьмемся за эту работу, если Вернор разрешит и согласится поучаствовать в редактуре. (Обычно

я пишу в одиночку; у меня имеются некоторые редакторские наклонности, но в соавторстве я работать не умею. Но то была идея Клиффа, кому, как не ему: он большой поклонник Вернора и отлично разбирается в науке.) Проект мне показался многообещающим.

Вернор согласился и “одолжил” нам Фама для этой отлучки. Он даже изъявил желание написать пролог к нашей работе в качестве введения — и заодно присмотреть, как мы обращаемся с персонажем, ведь никому не хочется, чтобы Фам отчебучил что-нибудь идущее вразрез с его характером, пускай даже карьера его была очень долгой.

Исключительный ум и воля Вернора, ведущие его избранным путем, будут повсеместно ощущаться в этой новой повести (рабочее название Аммонит), даже если сам он останется за кулисами.

* * *

Вышеприведенные фрагменты из письма Джоан Виндж читателям относятся к 2008 году. За истекшее время Вернор Виндж выпустил несколько рассказов и очередной роман из цикла о Зонах Мысли, *Дети небес*, впрочем, не особо

приблизивший нас к развязке начатого *Пламенем над бездной* сюжета. А вот литературная продукция Джоан с тех пор исчерпывается новеллизациями таких лент, как *47 ронинов* или *Ковбои против пришельцев*. Судя по всему, добираться в Небесный Пояс Фаму Нювену еще долгонько. Ну так что вы хотите, ультрасвет на такую глубину не проникает.

Об авторах

Джоан Виндж (Joan Vinge), в девичестве Джоан Кэрол Деннисон, родилась 2 апреля 1948 года в Балтиморе, Мэриленд (мать Джоан происходила из индейского племени эри). С 1973 года — профессиональный писатель.

С восьми лет Джоан увлекалась рисованием, в колледже изучала живопись, но впоследствии сменила специализацию на антропологию. Она окончила Калифорнийский университет в Сан–Диего и получила степень бакалавра антропологии, участвовала в археологических раскопках. Джоан считает, что знание антропологии очень помогает в написании научной фантастики: «Антропология и научная фантастика во многом напоминают друг друга, они предлагают новые точки зрения для того, чтобы смотреть на «человеческое» поведение; археология — антропология прошлого, а научная фантастика — антропология будущего».

Становлению Джоан Виндж как писательницы помог ее первый муж, писатель Вернор Виндж, с которым она познакомилась еще в университете. Они были женаты с 1972 по 1979 годы. Джоан рассказала ему о своем увлечении фантастикой и показала наброски рассказов. Вернор поддержал ее увлечение и рекомендовал все-таки заканчивать рассказы и отсылать их издателям. Кроме того, Вернор Виндж помогал жене советами и редакторской правкой.

Ее первой публикацией стала повесть «Tin Soldier», вышедшая в антологии «Orbit 14» (co-

ставитель Дэймон Найт (Damon Knight)) в 1974 году. Рассказы Джоан Виндж публиковались в «Analog», «Millennial Women», «Isaac Asimovs Sf Magazine», «Omni», а также в других журналах и антологиях, в том числе в нескольких «Best of the Year». Из-за многократных публикаций в журнале «Analog», который из всех научно–фантастических изданий считается наиболее ориентированным на новые технологии, за Виндж на несколько лет закрепился ярлык «писательницы жесткой научной фантастики». Повесть «Eyes of Amber» (1977), написанная в качестве «cover story» для специального выпуска журнала «AH-Women Issue», была отмечена премией «Хьюго» в 1978 году.

Роман «Снежная королева» начинает одноименный цикл, в который кроме него входят «World's End» (1984; номинировался на «Locus Award» — 1985 (13 место)), «The Summer Queen» (1991; номинировался на «Хьюго» — 1992 и «Locus Award» — 1992 (4 место)) и «Tangled Up in Blue» (2000). «The Summer Queen» — самый длинный роман из когда-либо написанных Виндж, она называет его в шутку своей «Войной и миром».

Энциклопедия фантастики под редакцией Вл. Гакова определяет роман «Снежная королева»

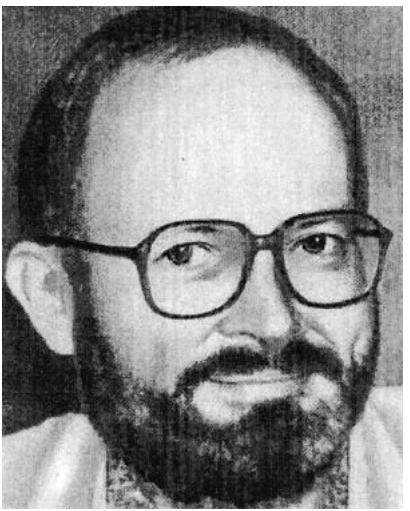
как наиболее успешное произведение Виндж: это переложение на научно–фантастический язык знаменитой сказки Г. Х. Андерсена; сюжетно это комбинация «героической фэнтези» и приключенческой НФ, сдобренных антропологическими идеями из популярной книги Р. Грейвза «Белая богиня».

Многие произведения писательницы номинировались на «Hugo», «Nebula» и другие фантастические награды. Ее роман «Psion» (1982) из трилогии «Cat» был назван «Американской библиотечной ассоциацией» («American Library Association») «Лучшей книгой для подростков». Оба его продолжения, «Catspaw» (1988) и «Dreamfall» (1996), номинировались на «Locus» в 1989 и 1997 годах.

Джоан Виндж — автор нескольких новеллизаций фильмов как для детей, так и для взрослых. Среди них «Return of the Jedi: The Storybook Based on the Movie» (1983), «The Dune Storybook» (1984), «Ladyhawke» (1985), «Mad Max Beyond Thunderdome» (1985), «Willow» (1988) и «Lost In Space» (1998). Как сознается Джоан, она занялась новеллизациями «потому что могла писать их с маленькими детьми на руках, быстро и за неплохие деньги». Последний проект Джоан Виндж

— цикл «доисторических» романов, действие которых происходит на территории Европы. По ее словам, это отличный способ объединить интерес к художественной литературе с ее интересом к антропологии.

Долгое время Джоан со своим вторым мужем, редактором Джимом Френкелем (Jim Frenkel), и их двумя детьми проживали в Мэдисоне, штат Висконсин. Сейчас проживает в Чапаккуа (штат Нью–Йорк). В свободное от основного занятия — писательства — время Джоан путешествует по Португалии и делает кукол.



Вернор Виндж (Vernor Vinge) родился в 2 октября 1944 г. в городе Уокеша, штат Висконсин. Окончил государственный университет штата Мичиган. По основной профессии — профессор математики в университете Сан–Диего. Первая НФ-публикация — рассказ «Разделенность» («New Worlds», 1965). Первый роман Винджа — «Мир Гримм» (1969) — яркая космическая опера «гуманистического» направления. Второй роман — «Witling» (1976) — затрагивает проблему конфликта личности, наделенной необычными психическими способностями, с ее окружением.

Наиболее известен его роман «Пламя над бездной», наиболее яркое событие в галактическом эпосе.

Зарубежная фантастика

